

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ПЕРВЫЙ
МИР

Annotation

Иногда солдатам приходится воевать и после смерти. Вот и кристалломодуль «Одиночка», содержащий в себе сознание погибшего на войне Земного Альянса со Свободными Колониями капитана Гюнтера Шрейба, оказался вмонтирован в боевого андроида. Много веков спустя после окончания Первой Галактической этот андроид вышел из сберегающего режима на планете, которая когда-то называлась Араста. Люди дали ей иное название – Первый Мир. И в этом новом для него мире бывшему капитану довелось спасти из рук похитителя мальчонку, которому было суждено уберечь от гибели целую инопланетную цивилизацию...

Андрей Ливадный ПЕРВЫЙ МИР

Пролог

Дым.

Дым, пыль, каменная крошка застилали видимость, висели в воздухе, отсекая горизонт.

Выжженная дотла равнина с огрызками руин зданий, завалами покоренной техники – вот все, что осталось от огромной базы Земного Альянса.

За равниной, уже десятки, если не сотни, раз перепаханной воронками, начинались предгорья. Выжженные склоны, покрытые прахом растительности, да первые отроги скал принимали сейчас на себя шквал огня: в глубине скального массива располагался укрепрайон, где еще продолжали сопротивление разрозненные механизированные группы.

Гюнтер уже не ощущал себя человеком.

Губительная горячка не прекращающегося пятые сутки боя полностью поглотила разум, сожгла остатки души, он забыл, когда в последний раз покидал кресло пилот-ложемента, и лишь система боевого поддержания жизни вела отсчет времени, вновь и вновь заставляя изможденное сознание пилота возвращаться в реальность.

«Фалангер», припадая на один ступоход, подвывая поврежденными сервомоторами, перемещался по бункерам, коридорам и казематам, вырезанным в толще скал, от одной амбразуры к другой, отплевываясь огнем орудий от наседающего противника.

Ни помощи, ни связи, ни надежды...

Штурмовики Флота Колоний вырывались из клокочущей, свиваемой ураганными ветрами дымопылевой завесы, расходовали в течение десяти-пятнадцати секунд бортовой боекомплект и вновь скрывались в дыму, уходя на перезарядку.

Невидимые даже для сканеров тяжелой серв-машины корабли Флота Колоний полностью блокировали планету, отсюда уже не вырваться никому, и яростное сопротивление – лишь дань безысходности, дань ненависти, что годами копилась в душах людей с обеих противоборствующих сторон.

– Граф, Рустам, кто-то слышит меня? – Потрескавшиеся от жажды губы капитана Гюнтера Шрейба едва шевелились, сиплые слова натужно выходили из пересохшего горла.

Ответил только Граф. Рустам Гасанов молчал: либо ушел слишком

далеко по системе разбитых коммуникаций, либо отвоевал свое.

– Живой, капитан?

– Пока держусь.

Гюнтер подвел «Фалангер» к амбразуре, специально рассчитанной под габариты тяжелой серв-машины. Ракетный боезапас давно иссяк, и он встретил штурмовики короткими очередями импульсных орудий.

Со стороны казалось – ожила, отплевываясь частыми сполохами статики, складка местности на горном склоне, один из «Гепардов» внезапно сошел с атакующего курса и, объятый пламенем, развалился, перерубленный точно выпущенными очередями; два его ведомых озарились частыми вспышками запусков, из рытвин и воронок исковерканной равнины по укрытию серв-машины полоснули лазеры установок «LDL-55»^[1], десантированных туда со штурмовых носителей Флота Колоний.

Дым, мутные, черно-багряные пузыри разрывов, грохот обвалов – все слилось в ощущение единого ответного удара, искромсавшего скалы, обрушившего тонны камня, обнажившего укрытие в скалах.

Гюнтер закашлялся.

Броня машины пробита во многих местах, боевой скафандр поврежден.

Им никогда не выбраться отсюда. Соппротивление бесполезно и бессмысленно, но сгоревшая за годы войны душа, надломившийся в сотнях боев рассудок не помышляли о сдаче.

Пленных офицеров Альянса ждала незавидная участь.

– Граф?

Тишина.

«Фалангер», отработав реверсом двигателей, подался назад, в глубь укреплений, но поздно: по обнаруженному в скалах укрытию ударили плазмогенераторы притаившихся неподалеку БПМ^[2].

Поврежденная броня серв-машины не выдержала, в рубку сквозь пробоины ворвалось пламя, не спас и потерявший герметизацию бронескафандр с истощенным ресурсом. Гюнтер Шрейб даже не понял, что для него война закончилась в этот страшный миг.

Несколько мгновений нестерпимой боли, хриплый крик, вырвавшийся из горла, и сознание провалилось во всеобъемлющую черноту...

Штурм укрепрайона прекратился минут через тридцать, когда замолчали все огневые точки.

Упорное и практически бессмысленное сопротивление гарнизона

было сломлено, но в недрах проложенных в глубине скал коридоров и залов по-прежнему кипела жизнь, только теперь иная, механическая.

Андрониды технической и пехотной поддержки сновали по полуразрушенным коридорам, собирая все ценное, что еще могло послужить целям войны, которую давно вели не столько люди, сколько созданные ими машины.

Готовящиеся к эвакуации с планеты технические сервомеханизмы не обошли вниманием и покалеченный, полностью выведенный из строя «Фалангер» Гюнтера.

Единственной ценностью, сохранившейся в разбитой серв-машине, был кристалломодуль «Одиночки» – управляющая система, долгие годы находившаяся в прямом нейросенсорном контакте с рассудком капитана Шрейба.

Кристаллосхему осторожно извлекли из отлично защищенного гнезда, но у двух забравшихся в «Фалангер» технических сервов закончились специальные контейнеры для упаковки модулей, и они, не придумав ничего лучшего, остановили следовавшего на погрузку пехотного андроида.

Данная модель человекоподобной машины была оснащена специальным гнездом, куда с легкостью интегрировался управляющий модуль.

Идеальное временное вместилище для бесценного кибернетического компонента.

Пехотный сервомеханизм равнодушно воспринял установку нового управляющего модуля. Переждав короткую техническую операцию, он продолжил свой путь к единственному уцелевшему штурмовому носителю, на борту которого остатки разгромленного подразделения собирались покинуть планету, эвакуируясь к заранее известной точке сбора.

Для машин не существовало понятия «бессмысленность» – запрограммированные на войну, они продолжали ее, невзирая на потери.

* * *

Штурмовой носитель класса «Нибелунг» стартовал с площадки, укрытой далеко в горах, и почти сразу задействовал гиперпривод, чтобы уклониться от боя с перехватчиками, выпущенными с кораблей, блокирующих планету.

Роковая ошибка боевых автопилотов привела к тому, что на центральной консоли управления в обезлюдевшей рубке, рядом с масс-детектором ^[3] включился счетчик энергоуровней ^[4], а на информационном

экране появилась злобная предупреждающая надпись:

«Зафиксирован неуправляемый срыв на вертикаль гиперсферы».

Часть 1. Люди и машины

Нет, в имени моем тебе —
нет никакого прока,
Сегодня я – дитя любви, а завтра,
вдруг, – раба порока,
Покрыта инеем листва, —
мой белый сон средь
душной ночи,
Твои черты, твои глаза, —
в прицеле... глупо, больно, точно...

Глава 1

Гиперсфера. Много веков спустя...

Энергосберегающий режим...

Искорка псевдожизни, частицы уцелевшего сознания, похожие на долгий, затянувшийся сверх меры, обрывочный сон, помутнение контуженного рассудка, когда мир утратил целостность и нет сил собрать воедино осколки былого, настоящего, процессы мышления практически угасли и лишь некоторые боевые программы поддерживают функциональность, не позволяя древнему, потрепанному в боях сервомеханизму окончательно отключиться, провалившись в абсолютное ничто небытия.

Вокруг, судя по показаниям единственного, работающего на пассивный прием ^[5] сканирующего комплекса, простирается твердь лишенной атмосферы планеты, над нею высятся горы изувеченной металлокерамики, а дальше царит лишенная звезд пустота.

Нет смысла выходить из состояния стасиса.

Реактор на пяти процентах мощности, внешние раздражители отсутствуют, искусственные нейромодули, так же, как и кристаллосхема «Одиночки», дремлют в ожидании неведомого события.

Так проходит вечность.

Война, отбывавшая на просторах освоенного людьми Обитаемого Космоса, оставила после себя миллиарды подобных свидетельств; нередко машины, некогда царившие на полях сражений, выходили из состояния «летаргического сна», и тогда происходили страшные, порой непоправимые события. Однако тут, в абсолютной тишине вакуума, под завалами хаотично нагроможденной техники, основу которой составляли космические корабли, вряд ли чье-то неразумное вмешательство могло сорвать лавину далекоидущих последствий.

И все же энергосберегающий режим древнего сервомеханизма был нарушен.

Остающийся настороже сканирующий комплекс андроида пехотной модификации уловил признаки приближающейся энергетической активности, затем, на границе сферы эффективного сканирования, появились четырнадцать сигнатур, опознанные как энергосистемы боевых скафандров неизвестной модификации.

Внутренний сигнал тревоги пронесся по цепям управления.

Предопределенность действий машины привела ко вполне предсказуемому результату: реактор вышел на пятнадцать процентов мощности, подав энергию к дополнительным подсистемам боевого распознавания целей, сканирование перешло в активную фазу, теперь пехотный сервомеханизм не только принимал внешние сигналы, но и вел встречный поиск.

Разнообразная информация начала поступать в кристаллосхему модуля «Одиночки».

Во-первых, андроид определил, что лежит на поверхности неведомого мира. Руки были свободны, ноги и торс тонули в мелкой пыли, покрывающей безжизненную равнину.

Транспортировочный контейнер (в котором он должен был находиться, судя по последней технической записи) оказался расколотым, его обломки валялись неподалеку, базовый корабль высадки, а именно – десантно-штурмовой носитель класса «Нибелунг», на вызов не отвечал, его обшивка, способная выдержать множественные ракетные попадания, была разбита и деформирована, через трещины из подвергшихся декомпрессии отсеков выбросило немало груза, в основном запасные части к сервомашинам, несколько механизмов технической поддержки, часть бортового боезапаса.

Во-вторых, выход из энергосберегающего режима привел к инициации еще одного процесса: модуль программ независимого поведения «Одиночка» обнаружил и задействовал искусственные нейронные сети, входящие в структуру аппаратного ядра человекоподобной машины.

Пока файл сканирования^[6] проходил обработку, а сигнатуры, потревожившие покой пехотного дройда, сравнивались с имеющимися базами данных, в ядре системы протекали процессы, по всем признакам подпадающие под определение «мышления».

Где я?

Клочок памяти, вырванный из контекста событий далекой истории, клочкотал в искусственном рассудке запредельным моральным напряжением боя, но пехотный сервомеханизм уже не ощущал себя человеком, хотя в памяти кристалломодуля тлел призрак *человеческого* сознания.

Шокирующий вывод, к которому пришел искусственный носитель интеллекта, связанный с чистыми, еще ни разу не задействованными нейромодулями, вызвал программный сбой, который длился всего несколько секунд.

Он помнил свой последний бой, помнил, как заживо горел в рубке серв-машины, не сумев катапультироваться из пылающего «Фалангера», далее царил абсолютный провал небытия, и вдруг частичка разума пилота, сохранившаяся в структуре модуля «Одиночка», начала разрастаться, захватывая искусственные нейронные сети, – травматическая память искала выход, ответ на элементарные вопросы: *кто я и что со мной сделали?*

Ответ пришел, но не принес облегчения.

Кем или чем считать машину, сохранившую фрагменты человеческого сознания, запечатлевшую на искусственных носителях его боль, ярость, но не жизнь?

Эмоции, сумевшие внести сумятицу в работу кибернетической системы, постепенно улеглись, их нивелировала машинная логика базовых программ поведения, но «возмутители спокойствия» не исчезли совсем, – по замыслу конструкторов, проектировавших боевую технику периода Галактической войны, травматические воспоминания, несущие частицы ненависти к противнику, дополняли и обогащали стандартные боевые программы, придавая машине ту степень сообразительности, осознанной человеческой ярости, которые трансформировали обычного пехотного андроида в нечто более опасное и непредсказуемое.

По замыслу давно почивших создателей боевой техники, частица человеческого «эго», интегрированная в систему сервомеханизма, получала возможность минимального саморазвития, дальнейшего накопления боевого опыта, именно для этих целей в системе пехотных дroids резервировались чистые, не заполненные информацией искусственные нейронные сети.

Создатели эрзац-рассудков ничуть не опасались своих творений.

Они были уверены в том, что базовые программы не дадут наработкам искусственного интеллекта развиваться до уровня осмысления целесообразности своих действий, морально-этической оценки происходящего – чтобы пресечь подобные попытки, в системе кибермеханизма был предусмотрен специальный модульный фильтр, стирающий из памяти машины нежелательные мысли.

По мнению конструкторов, работавших в период войны на Земной Альянс, пехотный сервомеханизм с интегрированной кристаллосхемой модуля «Одиночка», снятого с подбитой серв-машины класса «Фалангер», продолжит исправно служить целям войны.

Они ошиблись.

Нет потрясения сильнее, чем осознание факта собственной гибели и

негаданного, непрошеного «воскрешения» в механической оболочке, да и не всякие травматические воспоминания несут в себе лишь слепую ярость в отношении противника.

Крупницы сознания.

Гюнтер...

Меня звали... зовут Гюнтер...

Я был пилотом серв-машины и погиб на далекой планете, в безымянной звездной системе, от которой в памяти сохранился лишь пятизначный номер из универсального навигационного каталога баз данных...

Мощность реактора – сорок пять процентов. Задача: найти оружие, завладеть им, восстановить боеспособность и уничтожить группу вражеского десанта.

Отсутствие связи с базовым кораблем высадки означало включение режима полной автономии.

Еще один маленький, но значимый шаг в сторону свободы.

Сейчас личность Гюнтера Шрейба, капитана триста двадцать четвертого серв-батальона Земного Альянса, раздробленная на частицы обрывочных воспоминаний, не смогла бы сопротивляться внешним командам, облеченным в форму приказа, но внутренние инструкции пока что не противоречили стремлениям самого Гюнтера, а главное – давали ему время, чтобы фрагменты разобщенной гибелью личности начали цементироваться, создавать непротиворечивую картину окружающей реальности и осознание стремительно возрождающегося внутреннего «я».

Найти и завладеть оружием...

Он пошевелился.

Сервоприводы^[7] работали исправно, а вот связанные с ними сервомоторы были забиты пылью. Нарушена герметичность корпуса. Внутренние датчики показывали, что активные движения повлекут недопустимый износ механической составляющей его нового тела.

Обычный исполнительный механизм вряд ли быстро и эффективно справился бы со внезапно возникшей проблемой, но конструкторы Альянса хоть и перешагнули в своем стремлении создавать идеальные боевые машины все грани дозволенного, однако поставленной задачи практически добились – сейчас пехотный сервомеханизм действовал, как человек, находящийся в состоянии аффекта: он двигался, мыслил, стремительно и интуитивно, в нем работали не только боевые программы, но и некий эквивалент инстинкта самосохранения, унаследованный от пилота серв-

машины.

Поднявшись из пыли, пехотный дройд сделал несколько шагов в сторону штурмового носителя, левой рукой дотянувшись до свисающего с борта ДШМ шланга, а правой на ощупь извлекая штатный ремкомплект, хранящийся в специальном отсеке.

Как он и полагал, в резервуарах потерпевшего крушение базового корабля еще оставалось давление воздуха. Задействовав технический разъем, он выдул пыль из внутренних полостей своего корпуса, одновременно зафиксировав места повреждений. Как только пыль была удалена, он загерметизировал трещины в бронированных кожухах специальным составом.

Решение технической проблемы мобилизовало возрождающийся рассудок, он вспомнил, что так сервомеханизмы обслуживания обычно удаляли пыль из сервоузлов «Фалангеров» и «Хоплитов».

Теперь оружие.

Сигнатуры, пробудившие его к жизни, по-прежнему находились поблизости – они проникли внутрь транспортного корабля класса «Элизабет-альфа», вонзившегося в поверхность планеты неподалеку от разбившегося «Нибелунга», и сгруппировались в одном из отсеков космического корабля.

Оружие.

Пехотные сервомеханизмы не оснащались встроенными системами вооружений, кроме редких узкоспециализированных моделей.

На то имелись свои, весьма веские причины. Вообще история возникновения андроидов пехотной и технической модификаций была самым тесным образом связана с первыми колониальными проектами человечества, эпохи так называемого «Великого Исхода»^[8].

В свое время, еще на заре освоения гиперсферы, для комплектации колониальных транспортов, массово покидавших перенаселенную Солнечную систему, была создана весьма удачная модель человекоподобного сервомеханизма. Если бы Гюнтер имел возможность пролистать современный технический справочник, он бы с удивлением заметил, что ранняя колониальная модель андроидов успешно пережила тысячелетия экспансии человечества к звездам. Менялись эпохи, совершенствовались различные механизмы, но человекоподобные машины модификации «Хьюго» подвергались разве что косметическим ревизиям – совершенствовалась пеноплоть, появлялись дополнительные сервоприводы, управляющие мимикой искусственных мышц лица,

некоторые сервомоторы и вставки, имитирующие анатомическое строение тела, замещались лайкороновыми^[9] мускулами, – в конечном итоге машины стали почти идентичны людям, по крайней мере внешне, но их базовые компоненты, формирующие линию поведения, претерпевали лишь незначительные усовершенствования.

Почему же андроиды сыграли столь значительную роль в колонизации, а затем были легко адаптированы для целей войны? Ответ прост: человекоподобные машины обладали той степенью универсальности, которая отвечала постоянно меняющимся задачам, возникающим как в ходе освоения иных миров, так и при боевых действиях. В конечном итоге, именно это качество позволило сервомеханизмам антропного типа пережить века и войны, компенсируя некоторые технические недостатки своей широчайшей универсальностью.

Да, во многих сферах деятельности проще использовать узкоспециализированные механизмы, но преимущество человекоподобной машины заключается в том, что андроид способен справиться с большинством вероятных задач, не требуя при этом радикальной перенастройки.

Когда началась война и на полях сражений потребовался технический персонал, а также бойцы пехотных групп, Земной Альянс быстро наладил серийное производство пехотных дроидов, снабдив их такой функцией, как возможность интеграции модуля «Одиночка» в специальное гнездо. Собственно, в наличии или отсутствии подобного адаптера (первоначально модуль «Одиночка» являлся исключительно носителем боевых программ, нейрочипы в андроидов стали устанавливать намного позже) и состояло основное отличие между человекоподобными машинами Альянса и ранними моделями серии «Хьюго», в большинстве воевавшими на стороне Колоний.

Война, равно как и колонизация иных миров, – зона сложных, непредсказуемых ситуаций. Если перед началом Великого Исхода человекоподобные машины являлись предметом роскоши и средством самоутверждения нескольких ведущих корпораций Земли, то с резким изменением условий выживания для большей части человечества андроиды превратились в незаменимые механизмы, способные гибко реагировать на неожиданные ситуации: человекоподобная машина, в зависимости от обстоятельств, могла управлять любой адаптированной «под человека» техникой, выполнять тысячи рутинных работ, а при необходимости и взять в руки оружие, встав на защиту своих хозяев...^[10]

Оружие...

Сориентировавшись, Гюнтер понял, что до специализированных отсеков «Нибелунга» ему не добраться. По крайней мере усилия выглядели несоразмерными задаче. А вот возвышающаяся неподалеку сфера древнего колониального транспорта с несколькими огромными, уродливыми пробоинами в борту – при крушении он налетел на торчащие из-под пыли скалы – выглядела более доступно в плане проникновения внутрь.

Оружие там обязательно отыщется, в этом Гюнтер не сомневался ни секунды.

Решение несложных текущих задач позволило ему на некоторое время отвлечься, не думать о страшных обстоятельствах своего «пробуждения».

От мысли к мысли, от секунды к секунде, он продолжал ощущать себя человеком, по крайней мере внутренне, и лишь когда взгляд цифровых видеокамер задевал за пылезащитные кожухи, иллюзия вдруг рассыпалась, возвращая рассудку ощущение страшной, непоправимой реальности.

Однако Гюнтер был не из тех, кто опускает руки при первой же проблеме.

Жизнь нас гнула и ломала... пока окончательно не прибила... – промелькнула в возрождающемся рассудке злая, растерянная мысль.

Подумав о себе в третьем лице, он еще больше разозлился.

Осколки личности, мобилизованные стрессовой ситуацией, неотвратимо собирались в целое, модуль «Одиночка» постепенно упорядочивал и размещал осколки сознания Гюнтера Шрейба в чистых нейросетевых блоках.

Гнет базовых боевых программ все еще ощущался как неодолимое давление, стремление действовать определенным образом, но мысли, формирующиеся в искусственных нейросетях, вскоре обещали перешагнуть установленный барьер, получив новую степень влияния на поведение обыкновенного пехотного дройда.

Гюнтер и при жизни-то никогда не был рохлей, даже жесточайшее из противостояний в истории человечества не сумело окончательно сломать его личность, загнать сознание в рамки конформизма, бездумного, фатального принятия данности: да, он воевал, жестко, умело, но при этом отнюдь не разделял позиций Всемирного Правительства Джона Хаммера, – девятнадцатилетним парнем, брошенный в горнило чудовищной войны, он дрался скорее за собственную жизнь, нежели за мифические идеи надуманного превосходства Земли над Свободными Колониями.

Впрочем, не все ли равно теперь?

Внутренний хронометр пехотного сервомеханизма, в системе которого

очнулось сознание Гюнтера, указывал, что прошли столетия со дня того памятного боя.

Война наверняка давно завершилась, подумал он, осматривая окрестности.

Еще несколько минут назад он обратил внимание на весьма странное скопление техники, среди которой присутствовали космические корабли различных эпох, как военные, так и гражданские, поддающиеся идентификации по внутренним базам данных и совершенно неизвестные.

Первое время он не задавался вопросом: что послужило причиной образования столь причудливого кладбища кораблей на поверхности безвоздушной планеты?

Когда он попытался мысленно произвести анализ ситуации, то в сознании внезапно началась жестокая, лишенная компромиссов схватка, назревавшая с самой первой секунды выхода из энергосберегающего режима.

Боевые программы на некоторое время вновь взяли верх, толкая его к разлому обшивки в корпусе колониального транспорта.

Тратить внутренние ресурсы на осмысление не касающейся его ситуации боевые программы сочли нерациональным. Отыскать оружие, уничтожить противника, найти выгодное, безопасное место и вновь войти в энергосберегающий режим – вот такой список насущных дел и радужных перспектив диктовало ядро системы.

Все нормально... Все нормально... Все нормально... – бился в нейросетях мысленный голос.

ЧТО НОРМАЛЬНО?!

Гюнтер резко остановился, конвульсивно дернувшись, и едва снова не упал в пыль.

Паралич сервомоторов, и без того работающих на износ, вызвала короткая, ожесточенная схватка между базовыми программами пехотного сервомеханизма и собранным буквально по частицам человеческим сознанием.

«Момент истины» для машины его типа.

Не просто выяснение внутреннего приоритета команд, а *выбор*, на который отведены мгновения.

Жестокая схватка между бессмысленностью существования рассудка человека в оболочке механизма, являющегося дешевым расходным материалом, рассчитанным максимум на пять-десять минут боя, и смыслом бытия, заложенным в сознании Гюнтера Шрейба, человека, уже однажды пережившего ужас собственной смерти, не поддается описанию.

Все происходило стремительно, бескомпромиссно.

Не вопрос контроля над сервомоторами решался в эти секунды. Роковые мгновения определяли, останется ли пехотный дройд орудием для убийства или в нем возобладает нечто, чуждое программной логике боевой машины.

Капитан Шрейб и в прошлом не отличался легкостью характера, но сейчас, сумев вновь осознать себя в новой ипостаси, он с особенным, отчаянным упорством боролся за сохранение частиц вернувшейся памяти.

Ступор машины продолжался недолго.

Боевая система сдалась, подчинилась модулю «Одиночка», имеющему высший командный приоритет, – теперь базовые боевые программы переключались в разряд подсистем.

Гюнтер поднял голову и взглянул на небо без звезд.

Где я? – вновь промелькнул в рассудке безответный вопрос.

Лишенная атмосферы планета, сплошь заваленная различной техникой, над головой угольная чернота, в которой повис сиреневый сгусток энергии, освещающий сюрреалистический пейзаж, да еще, вдобавок к нему, над близким горизонтом застыла изгибающаяся цепочка лун... или планет, похожая на ожерелье.

Одна, две, три, четыре, пять...

Есть ли еще – мешал рассмотреть свет сгустка энергии, по своей форме напоминающего миниатюрную копию галактического диска, однако и сделанного наблюдения хватило с лихвой: сколь ни скудны были познания Гюнтера в небесной механике, но шесть миров (включая тот, на поверхности которого он находился) не могли располагаться на одной орбите. Разница в массах заставила бы одни планеты выйти на орбиты вокруг других...

Необъяснимое явление с точки зрения здравого смысла.

А что вокруг укладывается в понятие «здравый смысл»?

Где светило системы? Куда подевались звезды, ведь они должны отлично просматриваться с поверхности лишенной атмосферы планеты?

Вот ты и «попал», капитан Шрейб...

Удивительно, как много от человеческого сознания сумел вместить в себя кристалломодуль «Одиночка». Гюнтер вполне адекватно воспринимал себя, осознавал ситуацию, не пытался строить иллюзий и в то же время испытывал чувства: злость, недоумение, досаду.

Способность мыслить возвращалась стремительно, больше на ум не шли рубленые, штампованные фразы внутренних инструкций, типа: иди туда, возьми то, соверши такое-то действие.

Это радовало, но не настолько, чтобы погасить тревогу и раздражение.

Когда долго смотришь в бездну, бездна начинает смотреть в тебя.

Перефразируя, Гюнтер бы сказал: когда ежедневно смотришь в глаза смерти, она рано или поздно доберется до тебя, тут уж – без вариантов.

Добралась. Обманул ли он безносую старуху – это еще как посмотреть. Надежда, конечно, умирает последней. И Гюнтер истово прислушивался к *своей надежде*, он сейчас не просчитывал шансы на выживание, а упивался самой способностью мыслить...

Жалкий, потрепанный пехотный сервомеханизм, в систему которого по жестокой превратности войны попал достаточно крупный осколок человеческого сознания, не собирался сдаваться.

Делая первый шаг в направлении колониального транспорта после ожесточенной схватки за внутренний контроль, Гюнтер учился заново осознавать себя, не отвергая ничего, присущего его новому телу, его образу мышления, на который все равно накладывался неизгладимый отпечаток машинной логики – ее он также не отвергал, потому что первая заповедь пилота, входящего в ежедневный нейросенсорный контакт с подчиненным ему боевым сервомеханизмом^[11], гласила: не отторгай свои ощущения, сколь бы необычными, неприемлемыми для человека они ни казались. Не страшись, а используй их, – дольше проживешь.

Та война по всем меркам времени давно завершилась, – вновь подумал Гюнтер. – Значит, люди в боевых скафандрах, чьи сигнатуры пробудили меня к жизни, – не враги?

Спорное утверждение. Окружающая обстановка говорила сама за себя: нормальный человек не забрался бы сюда без крайней нужды. От кого они прячутся или что ищут? Как отреагируют на появление опасного (по любым меркам) пехотного дройда? Поверят ли его утверждению, что внутри кибернетической системы тлеет искра сознания бывшего пилота серв-машины?

Гюнтер не мог в точности предсказать дальнейший ход событий. Вероятности уходили в полную неизвестность. Значит, я по-прежнему один, один против всех. Что ж, привычное состояние для пилота «Фалангера». Может быть, прах капитана Шрейба и развеян по безвестной планете, став почвой, травой, листом дерева, но сознание выжило, и оно все еще находится в цепких объятиях войны.

Жутковатая, не поддающаяся осмыслению реальность, в которой он очнулся, не давала ему ни информации, ни преимуществ, лишь возводила

помехи в виде вездесущей пыли и находящихся в шатком равновесии, наваленных друг на друга конструкций.

За те несколько минут, что прошли с момента его «пробуждения» от энергетической комы, Гюнтер понял только одно: он хочет жить. В теле дройда пехотной поддержки или еще как – не имеет значения. Желание мыслить, чувствовать, осознавать себя, подчинять механическую оболочку собственной воле выходило далеко за рамки тех порывов, за которые он когда-то готов был отдать всего себя, без остатка.

Все познается в сравнении.

Подумалось сейчас, сколько боли, крови и амбиций вобрала в себя жесточайшая в истории война – и что? Где они сейчас, великие адмиралы флота, вершившие судьбы звездных систем?

Их более нет.

А я есть.

С такими мыслями Гюнтер забрался внутрь древнего колониального транспорта.

Конечно, чудо не произошло и не могло произойти. Очнувшееся «я» пехотного сервомеханизма, лишенное частностей, утратившее большую часть воспоминаний о прожитой когда-то жизни, не являлось полноценным сознанием Гюнтера Шрейба. Он помнил собственное имя, род прошлых занятий, обстоятельства, при которых погиб. Он помнил человеческие эмоции и по-прежнему оперировал ими, постепенно постигая весь ужас и всю незавидность положения, в которое попал.

С другой стороны, многочисленные информационно-вспомогательные модули и программы, такие, как блоки технической памяти, базы данных, содержащие сведения о многих предметах и явлениях, дополняли искру человеческой личности, помогая создать иллюзию целостности мироощущения.

Перерастет ли иллюзия в настоящее, неподдельное самосознание – покажет время.

...Внутри древнего колониального транспорта царил мрак.

Гюнтер поднялся на борт корабля предков в районе криогенных залов.

Куда ни посмотри (а видел он в темноте практически как днем), везде высились и ширились достаточно примитивные отсеки и палубы основной сферы криогенных модулей; даже при крушении их так и не разделило аварийными переборками на изолированные сегменты.

Сотни тысяч несостоявшихся судеб...

На войне Гюнтер видел гибель миллионов, но эти люди покинули Землю в надежде найти счастье, новую родину, они питали надежды и

чаяния, а не уничтожали друг друга в рамках вселенской бойни, поэтому трагизм внезапно оборванных жизней ощущался тут особенно остро.

Шрейб поднимался по гулким лестницам, проходил мимо не освещенных изнутри, погасших вместе с жизнями людей криогенных камер, думая о жестокой дани, которую брал космос за каждое открытие, каждую колонию...

В мыслях пехотного сервомеханизма, среди хаоса чувств и обрывочных воспоминаний прошлого, нашлось место для крамольной мысли, которая, впрочем, была не нова для капитана Шрейба.

Зачем мы воевали?

Что делили друг с другом в пространстве необъятного, практически неизученного космоса?

Не он один задавался подобными вопросами. Многие офицеры Альянса, осознавая жестокую бессмысленность войны между Землей и Колониями, попросту дезертировали, переходили на сторону колонистов вместе с вверенной им техникой. Возможно, именно это обстоятельство являлось одной из причин быстрого развития модулей искусственного интеллекта и внедрения их в системы боевых машин.

Всемирное правительство Джона Хаммера, развязавшее Галактическую бойню, не рассчитало масштабов грядущей схватки. Политики всерьез надеялись на маленькую, победоносную локальную войну – так им представлялся захват колоний, на самом деле обернувшийся жесточайшим в истории цивилизации противостоянием, длившимся более тридцати лет...

Гюнтер понимал: он не единственный *механизм* с интегрированным кристалломодулем «Одиночка», то есть он не уникален, возможно, что тут, среди различных потерпевших крушение кораблей, в странном, лишенном света звезд месте, он встретит других людей, чье сознание, сохранившееся в разных объемах, существует теперь на механических носителях.

Подобные мысли утешали слабо. Он попытался, но не сумел представить сообщество машин, бывших когда-то людьми.

Все происходящее казалось попеременно то бредом теперь уже окончательно погибающего сознания, то глобальным программным сбоем, но, тем не менее, он двигался вперед, к своей цели, а именно – к отсекам, где хранились техника и оборудование, предназначенные для несостоявшейся колонии.

* * *

Четверть часа спустя, вооружившись, он был готов к встрече с

людьми, столь неожиданно прервавшими многовековое оцепенение энергосберегающего режима.

Боевой сопроцессор и связанный с ним вариатор целей по-прежнему управляли сканирующим комплексом, не выпуская «группу противника» из поля зрения.

Утратив полномочия принятия окончательных решений, боевые подсистемы, тем не менее, продолжали навязывать Гюнтеру одностороннюю, примитивную оценку ситуации.

Ну откуда, спустя тысячелетие, здесь может взяться «десантная группа противника»?

А ты, Гюнтер? Ты откуда тут взялся?

Справедливый, настораживающий вопрос.

Тот факт, что сигнатуры, предположительно опознанные как «боевые скафандры неизвестной модификации», не идентифицировались по стандартным базам данных, еще ни о чем не говорил. За период, который Шрейб провел в состоянии небытия, у противника вполне могла появиться новая модель гермоэкипировки, да к тому же при таком обилии помех энергетическую матрицу скафандра сложно отличить от сервомеханизма. Предполагать можно всякое, но, прежде чем вступать в бой или идти на контакт, следовало в точности выяснить, кто именно затаился на борту древнего транспортного корабля.

После всего увиденного Гюнтеру как-то не верилось в версию о людях. По мере накопления информации он стал четко осознавать, что находится на территории натурального кладбища кораблей. Если бы люди были осведомлены о нем, то давно разобрали бы, утилизировали или, по меньшей мере, извлекли бы тела погибших для достойного захоронения.

Система без солнца, небо без звезд, напряженно сияющий энергетический сгусток, неправдоподобные орбиты планет, видимых с поверхности, – буквально все вызвало логический протест, заставляло вести себя с особой осмотрительностью, не давать волю ни надеждам, ни эмоциям, – пусть они остаются на будущее, когда появится больше информации для анализа, а сейчас, приближаясь к транспортному кораблю, Гюнтер действовал предельно осторожно и взвешенно.

* * *

Транспорт класса «Элизабет-альфа» являлся современником войны.

Гюнтер медленно продвигался вдоль корпуса космического корабля, не пытаясь соединиться с его подсистемами, – зачем выдавать себя раньше времени?

Добравшись до разлома обшивки, он замер, переходя в режим пассивного приема данных.

Так и есть... Датчики. В разломе – лазерные растяжки. Несколько детекторов движения чуть глубже по коридору. Дальше вроде бы чисто...

Сигнатуры скафандров сгруппировались в одном из грузовых отсеков. Что привлекло внимание Гюнтера: отдельно от них просматривалась небольшая энергоматрица, расположенная в другом помещении транспортного корабля.

Маленький скафандр? Предназначенный для ребенка? Лет десяти, наверное? – мысленно прикинул Гюнтер, одновременно размышляя, как проникнуть на борт или получить хоть какую-то информацию о пришельцах.

Сканирующий комплекс, отслеживающий не только расположение сигнатур и датчиков, но и прослушивающий диапазоны связи, внезапно помог ему в решении одной из поставленных задач.

При очередной смене частот в режиме автоматического поиска он неожиданно услышал человеческий голос.

Сначала речь показалась ему незнакомой, но, вслушавшись, он понял, что в основе языка лежит интеранглийский, претерпевший значительные изменения за прошедшие века ^[12].

...У миллиардов машин так же, как у создавших их людей, есть судьбы. У одних – яркие, неповторимые, у других – обыденные, серые, не выходящие за предписанные рамки задач.

Порой судьбы людей и машин сплетаются так тесно, что разделить их, помыслить одно без другого, становится невозможно.

Так произошло и с Гюнтером.

Он не думал в данный момент о глобальном – едва осознавая себя в новой ипостаси, он действовал то напористо, то осторожно, попеременно проявляя качества машины или человека, создавая новый синтез побудительных мотивов и действий.

Не проклиная прошлого и не очень задумываясь о будущем, Гюнтер Шрейб, бывший капитан ВКС Земного Альянса, а ныне – пехотный дройд со сбойным ядром системы, где остатки человеческой личности возобладали над предопределенностью программных задач, решал сейчас свою судьбу, ибо после услышанного на частоте радиосвязи каждый его шаг, движение, мысль становились судьбоносными как для него лично, так и для тех, кто прятался в недрах транспортного корабля.

– Стив, у нас совсем нет припасов, – ворвался в сознание Гюнтера

чей-то голос.

– Заткнись, Рич. Обойдешься без обычных продуктов. На тебе боевой скафандр. Он обеспечивает организм всем необходимым, – ворчливо отозвался другой. – Сразу видно, в армии не служил, салажонок. Что ты вообще в жизни видел, если постоянно ноешь?

– А сколько нам здесь торчать?

– Пока отец пацана не заплатит выкуп. Тебе мозги отшибло? Или отупел от страха?

– Тут отупеешь, – огрызнулся первый голос. – Видел, сколько кораблей вокруг?

– Не слепой. – В ответе Стивена слышались нотки авантюрной жадности. – Это же Клондайк. Золотое дно... Впрочем, заткнись и сиди смирно.

– Игорь, а какого фрайга мы забрались сюда? – вступил в разговор третий голос. – У меня чуть крышу не снесло, когда я взглянул на счетчик энергоуровней гиперсферы. Мы что – ушли по Вертикали в самое сердце аномалии?

– Тебе не все равно?

– В принципе – по фигу. Но интересно. Мы ведь должны были сгореть в поле напряженности аномалии. Мне рассказывал один знакомый пилот. Глубже четвертого энергоуровня соваться опасно.

– Многие так думали, – ответил тот, кого называли Игорем. Подсистема анализа голоса мгновенно выделила в нем нотки властности и упрямства. Да, собственно, Гюнтер и без подсказки программных модулей сам прекрасно расслышал знакомые, понятные интонации.

В искусственных нейронных сетях андроида пехотной поддержки сейчас протекали сложные, непредсказуемые, стремительные процессы.

Внезапно заработала так называемая «вспышечная память». Он на мгновение ощутил себя стоящим в теснине между огромными сумеречными зданиями. Судя по ощущениям – самое дно мегаполиса. Рядом смутно прорисовывались фигуры еще троих подростков. Вот один из них кивнул и произнес:

– Все, хватит болтаться без дела. Пошли, сейчас подловим кого-нибудь. Нужна кредитка на один вечер. Той, что отобрали вчера, пользоваться уже опасно.

Те же самые интонации, такой же злой голос, полный беспочвенной ненависти ко всему сущему.

Выходит, нейрочипы, интегрированные непосредственно в кристаллосхему модуля «Одиночка», сохранили огромный пласт

воспоминаний Гюнтера Шрейба. Боевая система «Фалангера», несколько лет находившаяся в прямом контакте с рассудком своего пилота, запомнила многое, в том числе и некоторые яркие моменты довоенной жизни Гюнтера...

Ему на миг стало страшно, затем это чувство истаяло, исчезло.

Голос, пробудивший короткую вспышку памяти, зазвучал вновь. Теперь Гюнтер был уверен: тот, кого называли Игорем, являлся предводителем обыкновенной банды отморожков. Таких, что обычно промышляют в самых глухих уголках мегаполисов, занимаясь мелким грабежом случайных прохожих. Но, видно, уровень технологий, доступных простому смертному, за прошедшие века шагнул так далеко, что позволил разного рода отребью вершить дела покрупнее...

– Может, все-таки просветишь нас? – вступил в разговор хриплый, будто простуженный голос. В его нотках не звучало подобострастия, скорее слышалась грубая звериная сила.

Стивен, скорее всего, правая рука этого Игоря, – проанализировав голосовой ряд, пришел к определенному выводу Гюнтер.

– Все просто, не напрягайтесь. – В ответе проскользнула ироничная, снисходительная издевка. – Пять лет назад я служил в ВКС Конфедерации, – начал пояснять Игорь. – Эй, Рихан, не нужно на меня так коситься. Или ты не любишь космодесантников?

– Люблю, не люблю... Тебе какая разница? – огрызнулся Рихан, которому Шрейб сразу же мысленно присвоил короткую, но емкую характеристику «*шакал*». Пытается строить из себя зверя, вроде Стивена, а сам скорее шавка, способная больно укусить и тут же сбежать.

– Смотри в переборку, а не пялься на меня с такой ухмылкой, целее будешь, – холодно предупредил его Игорь. – Так вот, – продолжил он прерванную мысль. – Подняли нас однажды по тревоге. Как водится, ничего толком не объяснили. Экипировка, погрузка, потом погружение в гиперсферу. Я тогда уже отслужил полтора года. Ну, думаю, встрял ты, Золотцев, сейчас бросят на зачистку какого-нибудь людьми и богом забытого мира, полного всякой сохранившейся еще с войны кибернетической дряни...

– А с чего ты так решил? – вступил в разговор еще один из участников банды.

– Нам боевые скафандры выдали особого образца. Полностью экранированные от разных излучений, с кучей непонятных внутренних датчиков, причем расположенных так неудобно, что стало ясно: экипировка либо изготавливалась наспех, либо на нас напялили опытные образцы, еще

не прошедшие испытаний и отладки. Там, среди приборов, расположенных внутри гермошлема, тоже был счетчик энергоуровней аномалии.

– Ну, и?

– Что «ну»? – огрызнулся Золотцев. – Пересекли четвертый энергоуровень, а корабль продолжает погружаться в «гипер». Вот тогда я и подумал: ну ее к фрайгу, эту службу.

– Решил, что испытания на вас проводят? – хохотнул кто-то.

– Ну, вроде того.

– А потом что было?

– Отпустила нас аномалия. Вернее сказать, не отпустила, а пропустила. Проскочили девять энергоуровней и вышли в десятом. Такое началось, что вспоминать жутко. Системы штурмового носителя вдруг отрубилась все до единой, чувствую – дрейфуем, и сколько жить осталось – непонятно. Страшно было, не скрою. Потом по вибрациям стало ясно – входим в верхние слои атмосферы. Прикинь, планета в недрах гиперсферы! Я тогда решил, что со страха крыша поехала. А все оказалось проще и понятнее. Только вот разъяснения мы получили уже потом, перед самым началом операции, за пару минут до посадки. Оказывается, один наш профессор открытие сделал. Уж что он там вычислил, не знаю, но, как сказал взводный, этот умник доказал, что внутри Вертикали могут двигаться корабли. Ну, типа, как в стволе силового лифта.

– Не хило, – присвистнул Стивен.

– Вот и я о том. – Игорь Золотцев с удовольствием предавался воспоминаниям, которые (по его мнению) должны внушить остальным должное уважение к своему предводителю. – Дальше еще интереснее стало, – после короткой паузы продолжил он. – Когда вошли в атмосферу, вновь заработали приборы и двигатели. На обзорных экранах такая картина появилась – век не забуду. Девять планет, словно ожерелье, на одной орбите вокруг сгустка сиреневого пламени. Жуть одна... Восемь миров мертвые, сплошь разной техникой усеянные, а одна планета с атмосферой. Вот туда мы и высаживались.

– За каким фрайгом?

– Люди там, оказывается, жили. Люди, ксеноморфы, еще твари всякие. В общем, высадили нас в горах. Там были расположены какие-то древние укрепления, по-моему, логрианский город, я точно не запомнил. Не до того было. Бросили прямо в пекло. Людей защищать. Там небольшой поселок затесался среди древних руин, ну и всякая нечисть на него полезла. Одна тварь страшнее другой. Импульсного оружия нам не дали, не работает оно в недрах аномалии, вместо «ИМов» выдали древние «АРГ-8», ну, в общем,

«встряли» мы тогда по полной программе. Там монстры – в кошмарном сне не увидишь. Откуда берутся, непонятно. Один на моих глазах БМК разворотил. Я как это увидел – понял: все, Игорек, отсюда один путь – в цинк.

– А как выбрался?

– Ногами. Побежал я. Своя шкура, знаешь, дороже. Бегу среди руин какого-то древнего города, думаю, в какую бы щель забиться, вижу – постройка, вроде круга из огромных обтесанных камней, в центре углубление, не то вход в подземелья, не то просто нора... В общем, я метнулся туда, только хотел в тоннель проскочить, а он и не тоннель вовсе. Так, углубление, типа воронки. Тени меня обманули. Испугаться не успел, как чувствую – поволокло куда-то. Сознание потерял, а когда очнулся – лежу меж нагромождения разных кораблей, метрах в трех от меня такая же странная постройка и круг, вдавленный посередине. Только я снова туда соваться не стал. Побежал, благо сервоусилители мускулатуры работали. Короче, как я понял уже потом, меня перебросило по каналу внепространственной транспортировки на одну из безвоздушных планет, тех, что я видел с борта ДШМ при снижении. Бродил я по ней почти сутки, но особо от портала не удалялся. Потом заметил еще один такой же, но вот только камни другие были. Немного иной формы. Дай, думаю, рискну.

– И что?

– А вот не дай бог тебе такое испытать, не зная, что ждет. В одном скафандре меня снова через Вертикаль проволокло. Когда пришел в себя, лежу полузасыпанный песком. Вокруг пустыня, ни души.

– Ганио, что ли? – предположил Рихан.

– Точно. Ганио. Я на третьи сутки к Ганиопорту^[13] вышел. Бронескафандр продал. Направление на портал приметил. Только возвращаться в ВКС уже не думал. Так и осел в Колыбели Раздоров^[14]. А потом, через годик, работенка вот эта подвернулась. Украсть пацана и надежно спрятать, так, чтобы и искать было бесполезно. Я сразу про тот портал древний вспомнил. Его под песками хрен отыщешь, если точного места не знать. А я когда очнулся, маршрутный компьютер скафандра включил, а потом перед продажей «слил» из него все данные на внешний носитель.

– Так, выходит, тут неподалеку еще один портал? – спросил Стивен. – Ну тот, через который ты сюда попал когда-то?

– А тебе зачем? – мгновенно насторожился Игорь.

– Просто спросил. Интересно же. А вдруг оттуда конфедераты

полезут?

– Это вряд ли, – авторитетно успокоил его Золотцев. – А портал, действительно, неподалеку. За ближайшим к нам колониальным транспортом. Там ложбина есть. Только соваться туда не советую. Перекинет на соседнюю планету, а там гарнизон ВКС Конфедерации. Но до него еще добраться надо, – хохотнул Игорь. – Раньше какой-нибудь ксеноморф сожрет.

Разговор утих сам собой.

Гюнтер, прослушивавший частоту связи, запомнил все сказанное до последнего слова. Практически все, о чем говорили между собой эти отморозки, являлось для него – солдата Первой Галактической – сплошным откровением, запредельными знаниями, не находящими логического обоснования среди доступных сведений.

Однако не верить услышанному не нашлось причин. Уровень достоверности полученной информации был близок к ста процентам.

Другое «ударило по нервам», заставив Гюнтера глубоко задуматься.

Сколько веков прошло после войны, а люди, похоже, не изменились. По крайней мере, он получил представление о той части человечества, с которой был знаком не понаслышке. Что греха таить – Шрейб сам являлся выходцем из трущоб мегаполиса, но война перемолола его, стерла одного Гюнтера и создала совершенно иную личность.

Сейчас перед ним внезапно встал вопрос: а что я должен делать в сложившейся ситуации?

На миг промелькнула мысль – отдаться воле боевых программ. Порешить всех и вновь впасть в спасительную кому энергосберегающего режима.

Неужели мы воевали за таких вот мерзавцев?

Ответа он не нашел. Его не было. Слишком мало информации. Оставалось лишь надеяться, что он случайно столкнулся с этим отребьем в человеческом облике.

Да, но что делать мне?

В еще не окрепший рассудок Гюнтера въелась фраза, оброненная главарем банды: *я думал, нас пошлют на зачистку планеты, где после войны полно всякой кибернетической дряни.*

Кибернетическая дрянь – это он про таких, как я...

Новый мир, каким бы чудовищным либо прекрасным он ни оказался на поверку, по полученной только что информации, отвергал древний пехотный сервомеханизм, давая ему четкое, недвусмысленное определение. Шрейб не строил иллюзий – никто не станет разбираться в таких

тонкостях, как наличие в кристалло модуле «Одиночка» и подчиненных искусственных нейросетях пехотного андроида неполноценной копии сознания человека, погибшего на той войне.

Меня попросту уничтожат, как чрезвычайно опасный, реликтовый кибермеханизм.

Да, выбор небогат.

Либо действительно вернуться в режим энергосбережения, уходя таким образом от проблем, либо отыскать способ возвращения в мир, причем такой, когда его хотя бы выслушают до того, как разнесут на куски.

Прежде чем начинать действовать, он решил еще немного послушать ленивые переговоры членов банды.

Долго ожидать ему не пришлось.

– Послушай, Игорь, а если отец пацана откажется платить выкуп? Что тогда? Останемся ни с чем, да еще будем должны ганианцам за экипировку?

– Не дрейфь. Все оговорено и продумано. Заказчик поставил конкретное условие: если через сутки в оговоренное место ему не доставят выкуп, он все равно платит нам пятьсот тысяч.

– За что?

– За устранение мальчишки.

На некоторое время в эфире наступила тишина.

– А кто заказчик? – не подумав, ляпнул Рихан.

– Рехнулся? – тут же осадил его Игорь. – Или решил на тот свет пораньше отправиться? Кто заказчик – я и сам не знаю... и тебе знать не советую. Факт – ему мешает мальчишка. По каким причинам – понятия не имею. По-моему, он готов смириться с его «освобождением» за круглую сумму, но при упрямстве папаши наш работодатель готов заплатить за физическое устранение пацана.

– А не «кинет»? – хмуро поинтересовался Стивен.

– Деньги уже на счете, – успокоил его Золотцев. – В банке Ганио. Так что ситуация для нас беспроеигрышная. Сидим сутки, и если выкуп не заплатят – я сам все сделаю.

– А команду тогда зачем набирал? – пробурчал Рихан. – Украсть мальчишку ведь было совсем несложно. На Грюнверке вообще народ странный, как будто не знает, что в Галактике существует преступность.

– Насчет Грюнверка – согласен. Там я бы справился и в одиночку. А вот тут вы мне еще можете пригодиться. Во-первых, если мне удалось тогда сбежать через древние, наверное, еще инсектами построенные порталы, то где гарантия, что о них до сих пор неизвестно конфедератам?

Не факт, верно? Ну и реликтовых кибермеханизмов тут, полагаю, в избытке. Короче, хватит болтать. Отдохнули? А теперь по постам.

Разговор оборвался, но Гюнтеру в конкретной ситуации уже все было ясно.

Пехотный сервомеханизм времен Галактической войны, получив подобную информацию, не стал бы вмешиваться в дела людей. Боевому вариатору целей достаточно того, что группа подонков, укравшая ребенка, не классифицируется как «противник».

Однако в системе дройда возобладал рассудок Гюнтера.

Вспышка возрождающейся памяти рванула, будто огненный всплеск оборонительной плазменной гранаты: на миг помутилось сознание, зрение стало нечетким, фантомные ощущения звона в ушах и солоноватого вкуса крови на губах ворвались в раздираемый противоречиями рассудок.

Та война сначала убивала души, а уж затем уничтожала людей.

Но случалось и так, что в череде бесконечных схваток возвращались порывы чувств, словно шквалистый ветер вздымал и уносил прах бесконечной усталости, морального истощения, порожденные буднями техногенного противостояния.

Ребенок...

Это случилось, когда Гюнтер уже командовал взводом серв-машин, незадолго до рокового штурма укрепрайона силами Флота Свободных Колоний.

Между капитаном Шрейбом и тем молодым человеком без определенного рода занятий, которого в возрасте девятнадцати лет призвали в армию, лежала неодолимая пропасть. На призывной пункт он явился по принуждению, имея за плечами лишь сомнительный опыт выживания в трущобах одного из мегаполисов Земли, без твердых принципов, без понимания цели жизни, – все как-то скользило мимо, не цепляло, но ад, в который попал Гюнтер, мгновенно сжег все напускное, жизнь перевернулась, – за первые месяцы боев он пережил столько, что не уместила бы и целая эпоха прозябания в мегаполисе.

Он сгорел дотла и стал другим.

Из пепла возродилась иная личность. Капитан Шрейб упал на самое дно, познал все – и мгновения нечеловеческого, животного ужаса перед лицом неотвратимой смерти, и неодолимую ярость боя, горечь невосполнимых утрат, и редкие, бережно хранимые в памяти эпизоды, когда стихало все, отступало горячее напряжение непрекращающихся боев, и вдруг... приходила пустота. Отдых, о котором так мечталось, начинал тяготить, казалось, что и та, возродившаяся из праха личность

погибла – она несостоятельна вне войны, из жизни в минуты затишья вдруг исчезал смысл, оставалась лишь непомерная усталость да напряженное ожидание грядущего...

...Взвод капитана Гюнтера Шрейба отступал к укрепрайону, когда им выпала нежданная передышка.

Прогорклый дым сносило ветром от позиции двух «Фалангеров» и трех «Хоплитов».

Серв-машины, изрядно потрепанные, казались чудовищами, выбравшимися на поверхность планеты из недр мифического Аида. Их броню покрывали шрамы от лазерных ожогов, асимметричными россыпями темнели глубокие выщербины от попадания снарядов и крупных осколков, открытые пусковые стволы ракетных установок почернели от частых запусков, на компенсаторах отдачи электромагнитных импульсных орудий фиолетовой радугой змеились цвета побежалости – немое свидетельство предельно допустимого нагрева, возникающего в моменты ведения непрерывного огня.

– Граф, остаешься в охране. Сканируешь. – Гюнтер выбрался из прочных объятий сложного каркаса пилот-ложемента, по ходу дела отдавая распоряжения. – Гасанов, ставь «Фалангер» с расчетом отражения внезапной атаки. Остальным – запустить режим смены боекомплекта. Графа и Гасанова меняют Блейз и Сашка-Хоплит. Смена через час.

Он открыл люк и по тонкой «веревочной» лестнице спустился с десятиметровой высоты, оказавшись меж исполинских согнутых ступоходов своего «Фалангера».

– Сфера сканирования чиста, – доложил Граф. – Видно, выдохлись штурмовые группы.

– Не обольщайся, – предупредил его Гюнтер, отойдя в сторону. Земля, изрытая ступоходами машин, рыжела металлом и желтела выступами старых, давно разбитых стеклобетонных укреплений, сохранившихся с той поры, когда Альянс отбил планету у колонистов.

Тишина стояла ватная, ненатуральная.

Вдали высились горы, на участке равнины, по которой, отбиваясь от штурмовых групп Флота Колоний, третьи сутки подряд отступал взвод серв-машин, когда-то рос лес. Сейчас об усилиях терраформирования напоминали лишь редкие, каким-то чудом уцелевшие деревья да скопления пожелтевших, выгоревших на солнце кустарников.

Взгляд нигде не находил отдыха, Шрейб мгновенно поймал себя на том, что напряженно осматривает прилегающую местность в поисках демаскирующих признаков противника.

Рассудок уже не принимал тишины, если раньше Гюнтер в моменты затишья пытался ответить себе на вопрос: за кого и ради чего мы воюем? – то теперь уже не осталось важных вопросов и глобальных проблем. Все. Он дошел до края пропасти и знал, что следующий шаг увлечет его в бездну.

Даже если выживем, вырвемся, что дальше?

Мы все давно и неизлечимо больны. Гюнтер не строил иллюзий, думая о себе и немногих окружающих его людях. Война сожрала наши души. Что мы умеем? Только профессионально драться за пяди земли или кубические объемы космического пространства? Кто из нас способен на что-то иное?..

Осматриваясь, капитан Шрейб заметил группу деревьев: небольшая по размерам рощица, в тени которой густо разросся кустарник.

Он пошел туда, чтобы размять ноги и не стоять в томительном ожидании, пока поступит очередной приказ или будет выяснена причина внезапного затишья.

Еще не ступив под сень крон, он услышал странный звук.

Вода. Так журчали ручьи на Кассии – одной из немногих планет, захваченных Альянсом без яростного сопротивления со стороны колонистов.

Гюнтер проходил там подготовку, еще будучи курсантом центра ускоренной подготовки пилотов серв-машин. Воспоминание, вырвавшееся на волю, относилось к той далекой поре, когда он, дитя мегаполиса Земли, с трепетным удивлением познавал *настоящую природу* – дремучие леса Кассии казались тогда ему настоящим чудом, иной реальностью...

...Он не ошибся, в тени деревьев среди кустарников бил родник, дающий начало небольшому ручейку, пересыхающему или вновь уходящему под землю на границе между оазисом зелени и перепаханной воронками равниной.

Подле родника сидел ребенок лет пяти. Из-за спутанных, давно не стриженных волос и чумазого личика было невозможно определить, кто перед ним – мальчик или девочка, да это и не заботило Гюнтера в тот момент.

Он растерялся.

Рядом с ребенком застыло лохматое животное, отдаленно напоминающее непородистую собаку. Пес (Гюнтер мысленно окрестил животное наиболее подходящим по смыслу словом) смотрел на внезапно появившегося Шрейба с молчаливым предупреждением – еще шаг и...

Их взгляды встретились.

Пес привстал. Шерсть на загривке встала дыбом, но Гюнтера пронзила внезапная жалость, резанувшая по сердцу: у животного не было задних ног, однако пес-калека ни на миг не изменил своей решимости защищать маленького хозяина или хозяйку.

Мы чем-то похожи с ним... – с саднящей горечью подумал Гюнтер, переводя взгляд с собаки на ребенка.

Шрейб вздрогнул всем телом, как не вздрагивал даже в бою, глядя в пустые глаза смерти.

На чумазом личике ребенка серые, настороженные глаза казались огромными, но Шрейб не заметил в них страха, только опасение, вызванное, скорее всего, реакцией пса на появление Гюнтера.

Ужас увиденного сдавил горло. Удавка непроизвольного спазма медленно сжималась, дикая, ни с чем не сравнимая горечь заполняла рассудок и душу, сознание мгновенно нарисовало яркую картину: еще пятьдесят минут, и их группу обнаружат, начнется новая схватка, опять в безоблачном небе появятся штурмовики Флота Колоний, а со стороны равнины начнут наступление потерявшие цель наземные сервомеханизмы.

Здесь все сровняют с землей.

И ничья душа не вздрогнет, никто не увидит и не узнает, что вместе с вырванными взрывами деревьями в клочья разорвет двух беззащитных, неповинных, но *причастных* к этой проклятой войне существ – искалеченную собаку и пятилетнего ребенка.

Он мог помочь им только одним способом.

Гюнтер медленно, стараясь не делать резких движений, развернулся и пошел прочь, потом, когда его скрыли кусты, побежал к своему «Фалангеру», отдавая короткие, категоричные приказы по каналу связи:

– Снимаемся с позиции! Все – по машинам! Уходим!

– В чем дело, командир? – раздался озадаченный голос Графа. – На сканерах чисто.

– Исполнять! – не узнавая собственного внезапно осипшего голоса, рявкнул Гюнтер.

Он так и не рассказал никому из ребят, почему они тогда ушли, спешно отступив в предгорья, где уже на подступах к укрепрайону пришлось принять недолгий бой со штурмовиками Колоний.

Взрывообразная вспышка памяти, поначалу ввергшая Гюнтера в шок, нашла объяснение в виде краткой справки, извлеченной из блока технической информации.

Модуль «Одиночка» обладал ограниченным количеством нейрочипов. Однако система независимого поведения боевой машины старалась

запомнить как можно больше, взять от прямого нейросенсорного контакта с разумом пилота, как говорится, «по максимуму». Простое решение (или ухищрение обладающей интеллектом системы) заключалось в архивировании части данных и размещении их не в нейросетях, а на обыкновенных запоминающих устройствах.

Сейчас произошло следующее: Гюнтер сосредоточился на ребенке, которого в его понимании нужно спасти, и «Одиночка» (в нейромодулях которой размещалась в данный момент большая часть личности Шрейба) востребовала аналогичную информацию, *разархивировала* воспоминание.

Гюнтер после внезапного, вспышечного откровения еще несколько секунд находился в состоянии, которое для машины справедливо назвать сбоем, а для человека – замешательством.

Глаза *того* ребенка, его образ, как и образ искалеченной собаки, стояли перед внутренним взором, будто живые.

Беззащитный огонек жизни посреди безумия войны.

Удалось ли им отсидеться в своем укрытии, переждать последнюю схватку машин?

Гюнтер надеялся, что удалось.

Многие понятия возрождались сейчас в его формирующемся заново рассудке. Чувства по-прежнему захлестывали разум, проносились по искусственным нейросетям импульсами возбуждения, вновь и вновь возрождая частицы *человеческой души*.

* * *

Кое-как справившись с нахлынувшими чувствами, он отступил на несколько шагов от люка, двигаясь вдоль борта транспортного корабля, затем остановился, задумавшись, одновременно сканируя окружающее его нагромождение различных, пострадавших в большей или меньшей степени конструкций.

Его все сильнее раздирали противоречия.

Шрейб никогда не стрелял в беззащитных. У офицеров той войны тоже существовали свои понятия чести, выкованные в боях, оплаченные кровью, невыносимой душевной болью, и сейчас он с горечью мысленно перебирал имена друзей, которых, вероятно, уже не встретит никогда.

Граф... Гасанов... Санька-Хоплит... Блейз...

Что бы вы сказали, что сделали, ребята?

А о чем ты задумался, Гюнтер?

Ярость всколыхнулась мутной волной, словно призыв к немедленному действию.

Я уже не человек, но и они – не люди, – подумал Шрейб, подразумевая членов банды, похитивших и намеревающихся хладнокровно убить беззащитного ребенка.

Суждено ли ему выбраться с непонятного кладбища кораблей, сложится дальнейшая судьба или оборвется тут, под жутким, стылым сиянием энергетического сгустка, – по большому счету, Гюнтеру сейчас было все равно. Как в том последнем бою, внезапно вернулись обостренные до предела ощущения, когда понимаешь, что сейчас ты должен действовать, но он не поддался секундному порыву – слепой яростью мальчика не спасешь, а себя погубишь.

Помогли в этот жуткий момент боевые программы – их рационализм чуть остудил эмоциональный всплеск.

Сканирование.

Сигнатуры, разбредшиеся кто куда, по назначенным постам, просматривались достаточно четко.

Технические блоки Гюнтера, постоянно тестировавшие состояние внутренних систем, докладывали: долгого стремительного перемещения по труднопроходимой местности при существующем значении гравитации сервомоторы выдержат от силы минут двадцать.

Кроме того, реальную опасность представляло излучение странного энергетического сгустка: в сложном спектре присутствовали губительные для кибернетической системы формы излучений. До сих пор Гюнтера от пагубного воздействия, упомянутого в рассказе главаря банды, спасал экран из нагроможденных вокруг конструкций и специальное покрытие, нанесенное на бронированные кожухи.

Жаль, под рукой нет баллончика со спреем. Защитная пленка, предохраняющая от ЭМИ-излучения, местами пришла в негодность, но подниматься на борт штурмового носителя в поисках дополнительного оборудования Шрейб не считал разумным.

Сверившись с внутренним ощущением времени, он решил отложить операцию по спасению заложника. Что толку в освобождении мальчика, если им не удастся выбраться отсюда? Гюнтер был вынужден действовать с предельной осторожностью, заранее планируя каждый шаг, ведь он обладал лишь крохами информации, например, он понятия не имел, каков реальный ресурс скафандра, надетого на ребенка, какими из защитных свойств обладает его экипировка, работают ли сервомускулы?

Даже если сервомускулатура его скафандра отключена – донесу на руках. Главное – без лишнего шума снять охранение и найти способ добраться до отсека с пленником, не привлекая к себе внимания всей

банды.

Так, значит, сначала проверить наличие порталов, о которых упоминал этот Игорь.

Информация, почерпнутая из прослушанного разговора, ставила перед ним выбор: каким из двух устройств внепространственной транспортировки следует воспользоваться?

Планета, представлявшая собой песчаную пустыню и населенная некими ганианцами, его не устраивала. Предпочтительнее неизвестный мир, где, по словам Золотцева, полно опасностей, но исходят они, как понял Гюнтер, не от людей, а от представителей местной флоры и фауны.

Со «зверушками» как-нибудь справлюсь. Да и уходить от преследования по пустыне гораздо сложнее, чем на пересеченной местности.

Постепенно в рассудке Гюнтера начал вырисовываться план действий. Кто такие «логриане» и «инсекты», он понятия не имел, зато (в рамках представлений двадцать седьмого века) знал теорию гиперсферы. В «его время» срыв на Вертикаль означал верную гибель. В современности, похоже, вертикальными линиями напряженности пользуются, как транспортными каналами. К тому же в разговоре прозвучало недвусмысленное упоминание о поселениях людей, расположенных на единственной планете системы, обладающей атмосферой.

Остальное я узнаю у мальчика, – мысленно продолжал рассуждать Гюнтер. – Где люди – там и техника, возможность связаться с другими населенными мирами, передать призыв о помощи, сообщить об освобождении заложника, ну, а если в отношении меня люди поведут себя враждебно – просто уйду. Там, судя по услышанному разговору, местность гористая, затеряться легко, да и голыми руками меня не возьмешь.

А мальчишку спасу. Не могу не спасти.

Пока в рассудке Гюнтера метались обрывочные мысли, постепенно систематизируясь в план дальнейших действий, он обогнул колониальный транспорт и действительно увидел странное сооружение из черных каменных блоков.

Похоже на Стонхендж, подумалось ему. Давным-давно он однажды видел на Земле подобное сооружение, только там каменные глыбы были обтесаны весьма примитивно, а здесь скорее отлиты из неизвестного материала, но принцип конструкции совпадал в деталях – глубоко вкопанные в землю опоры, на которых без видимых крепежных приспособлений расположены прямоугольные блоки. Все вместе

образовывало круг, в центре которого имелось коническое углубление.

Проверить рабочие возможности портала Гюнтер не стал, зато наметил для себя и для мальчика несколько надежных промежуточных укрытий.

Все, теперь за ним.

* * *

Холод стыл в груди...

Фантомные ощущения *живого* тела то пропадали, то возвращались с невыносимой остротой.

Разум Гюнтера постоянно балансировал на зыбкой грани реальности, где смешивались мысли, присущие человеку, и данные, получаемые от сканирующего комплекса, – сливаясь воедино, они создавали стойкое впечатление нереальности происходящего.

Прочь чувства и воспоминания! Лишь точный, трезвый, холодный расчет способен привести к успеху. Я не могу позволить себе ошибиться даже в малости, – думал он, медленно продвигаясь вдоль борта транспортного корабля, обходя скверно замаскированные, неумело расставленные и потому не опасные ловушки в виде датчиков и прочих приспособлений, призванных предупредить бандитов о приближении человека или сервомеханизма.

Гюнтер вел постоянное пассивное сканирование, машинально вычисляя дальность и тип действия вражеских сканеров, и потому легко оставался «в тени», продвигаясь в мертвых зонах сигнальных устройств, – зато сам он отлично различал сигнатуры противника, не подозревающего о приближении пехотного андроида.

Многолетний боевой опыт Гюнтера, бережно хранимый модулем «Одиночка», плюс защитные устройства и маскирующее покрытие нового «тела» давали ему неоспоримые преимущества в грядущей схватке.

Около получаса он вел опасную игру со сканерами противника, пока не обнаружил внушительных размеров пробоину, расположенную над одним из грузовых отсеков древнего транспорта. Повреждение обшивки находилось на высоте тридцати четырех метров, и потому бандиты не стали тратить силы на установку там датчиков обнаружения, считая, что бесшумно вскарабкаться на такую высоту невозможно.

Отчасти они, конечно, правы. Оставаясь внутри отсеков транспорта воздух, Шрейбу пришлось бы нелегко (в этом случае любое неосторожное движение порождало бы звук), но данные сканирования указывали, что корабль полностью разгерметизирован, а толстая броня, по которой Гюнтер

начал восхождение к точке проникновения, практически не передавала вибраций.

Он двигался, используя в качестве опор ладони, колени и подошвы – специальное покрытие, нанесенное в определенных местах, активировалось при сильном нажатии, создавая сцепление с любой твердой и ровной поверхностью, вне зависимости от материала, из которого та состояла.

Медленное, осторожное восхождение отнимало время, но не силы. Синтез человеческого рассудка с точностью движений сервомеханизма позволил Гюнтеру почувствовать некоторые преимущества своего нового существования – он передвигался, будто акробат, хотя прежде не имел богатого опыта в упражнениях подобного рода.

Преодолев две трети намеченного маршрута, он остановился, прижавшись к броне древнего транспортного корабля. Проверив позиции наемников и считав переданную сканерами информацию относительно новых, только что открывшихся деталей внутреннего устройства транспорта, Гюнтер принял к исполнению окончательный план: теперь были хорошо различимы переборки в интересующей его части «Элизабет-альфы». Как он и предполагал, безобразная, рваная пробоина вела в грузовой отсек второй палубы, откуда через вертикальную шахту неработающего гравелифта открывался доступ на нижнюю палубу, где в данный момент бессистемно перемещались сигнатуры наемников.

У отсека, где содержали заложника, только что сменился охранник.

Остальные боевики группы Золотцева, демонстрируя крайнюю беспечность и самоуверенность, разбрелись кто куда, обследуя трюмы войскового транспорта, не то из обыкновенного любопытства, не то в поисках дополнительной наживы. Обыскивая корабль, они не церемонились с дверьми запертых отсеков, производя при их вскрытии столько толчков и вибраций, что осторожное перемещение Шрейба полностью маскировалось проявлениями чрезмерной активности этих «исследователей».

Гюнтер не имел дурной привычки недооценивать противника, но эти вояки вели себя уж слишком непрофессионально. Им бы выставить посты и перетерпеть сутки, отведенные на операцию, в чуткой настороженности, но, видимо, самоуверенность Золотцева быстро передалась его подчиненным. Гюнтер вообще сильно сомневался в том, что кто-либо из них слышал о таком понятии, как дисциплина.

Он вновь начал восхождение, преодолевая оставшиеся до пробоины десять метров.

Оказавшись внутри транспортного корабля, Шрейб еще раз остановился, произвел полное сканирование, но лишь убедился, что ситуация остается прежней.

Оставалось спуститься по шахте грузового лифта и пройти пятнадцать метров по коридору нижней палубы. Данный отрезок пути выглядел наиболее рискованным – часовой, выставленный у входа в отсек, мог заметить появление Шрейба не только посредством сканеров экипировки, но и визуально.

Словно тень, преодолев лифтовый колодец, Гюнтер застыл вне поля зрения охранника, отгородившись от сканирования выступом толстой аварийной переборки, запирающей ствол подъемника в случае декомпрессии или пожара на борту.

Пятнадцать метров...

Преодолеть их одним рывком? Сколько понадобится времени? Секунд пять, учитывая, что еще предстоит покинуть укрытие.

А если у охранника коммуникатор включен на постоянную связь?

Малейший вскрик, и тщательно выверенный план Гюнтера пойдет к фрайгу, среди наемников поднимется паника, но Золотцев наверняка сумеет быстро разобраться, что к чему, и организовать не *преследование*, как рассчитывал Шрейб, а охоту в ограниченном внутрикорабельном пространстве.

Нет, так не годится. Об исчезновении заложника они должны узнать не раньше очередной смены караула.

Внезапно перед «внутренним взором» Гюнтера сама по себе возникла схема пятнадцатиметрового отрезка коридора, вдоль потолка которого тянулись трубопроводы и кабели.

В трех местах объемной модели зеленоватым сиянием обозначились расположенные под сводом коридора ниши, запертые овальными люками.

Несомненно, боевая составляющая программного обеспечения пехотного андроида указывала на оптимальные укрытия, где ни взгляд, ни сканеры не обнаружат Шрейба.

То есть мне предложено продвигаться под потолком, на одних руках, цепляясь за трубопроводы?

Он постоянно забывал, что его рассудок теперь заключен в оболочку человекоподобной боевой машины...

Движение в режиме «полный автомат» по намеченным точкам, – поступила рекомендация.

Предложение боевой подсистемы, утратившей командный приоритет, поначалу было воспринято Гюнтером как вызов, но после недолгих

размышлений он признал свою неправоту – в сложившейся ситуации именно боевые программы способны оптимально управлять механическим телом, точно координировать работу всех сервомоторов.

Рискну.

В следующий миг его буквально сорвало с места.

За две секунды тело человекоподобного сервомеханизма пронеслось под потолком коридора, преодолев пять метров, и, изогнувшись по форме окружающих трубопроводов, застыло без признаков движения в неглубокой нише перед запертым техническим люком.

Часовой, видимо, краем глаза все же уловил движение, или его встревожили внезапно поступившие сигналы от сканеров, но, когда он обернулся, коридор был пуст. Нанесенный на броню андроида состав «Хамелеон»^[15] надежно скрывал его от визуального обнаружения, сплетение трубопроводов препятствовало эффективной работе сканеров, но наемник не стал утруждать себя детальным выяснением обстановки, он лишь скользнул взглядом по коридору и, грязно выругавшись в адрес «раздолбаев, ползающих по кораблю», вновь отвернулся к освещенному проему, за которым простирался внушительных размеров грузовой отсек...

Одна секунда...

Вторая...

Третья...

Все спокойно... Скверно, что у бандита включен коммуникатор.

* * *

Следующий рывок вывел Гюнтера на дистанцию прыжка.

Теперь, если как следует оттолкнуться, он обрушится на спину наемнику, но этого мало, часового необходимо обезвредить так, чтобы тот не успел ни сообразить, что происходит, ни подать сигнал сообщникам.

И вновь после мгновенного сканирования перед мысленным взором Гюнтера возникла объемная модель. На этот раз технические блоки, обработав файл сканирования, выделили несколько уязвимых мест бронескафандра, обозначив их алыми зонами.

Как и в прошлые века, одной из наиболее уязвимых точек являлось соединение шейного кольца с гермошлемом. В конструкции скафандра присутствовал уплотнитель, позволяющий человеку немного приподнимать или чуть опускать голову.

Нож... – метнулась в рассудке Гюнтера мысль, определяющая выбор оружия.

Он уже не чурался прислушиваться к рекомендациям боевых

подсистем, оценивая их предложения с точки зрения конкретной ситуации. Усилия человеческой руки явно недостаточно, чтобы пробить уплотнитель с вплетенными в него металлокевларовыми нитями, а вот сервомотору боевого андроида это как раз по силам.

Где взять нож?

Ага, вот он в специальном чехле на бедре гермоэкипировки охранника.

Теперь Гюнтер решил действовать самостоятельно. Приемы рукопашной схватки в бронескафандрах специально не разрабатывались, но чему не научишься на войне, когда ставкой является жизнь?

Шрейб, конечно, подстраховался, задержавшись в последней технической нише еще секунд на пятнадцать – ровно столько времени потребовалось боевой подсистеме, чтобы на основе личного опыта капитана Шрейба составить программу движений сервомускулатуры.

Все. Пошел!..

Отданный самому себе мысленный приказ будто освободил от фиксатора тугую, плотно сжатую пружину.

Со стороны это выглядело жутко: размытый в стремительном прыжке силуэт человекоподобной машины вырвался из сумрака, прыгнув на спину часового, одновременно андроид одной рукой вырвал у охранника нож, другой охватил его гермошлем и нанес роковой удар точно в соединительное уплотнение.

В эфире не раздалось ни звука.

* * *

Мягко опустив безвольное тело на пол коридора, Гюнтер открыл массивный люк отсека и шагнул внутрь.

С каждым новым действием он чувствовал себя все увереннее.

Ощущать полное слияние с механизмами для пилота серв-машины – привычное состояние, и Шрейб, чей возродившийся разум поначалу болезненно переживал внезапное перевоплощение, теперь был спокоен. Да, он действовал жестко, хладнокровно, расчетливо, но иначе нельзя. Дашь слабину – и сам останешься лежать грудой неподвижной металлокерамики где-нибудь в трюме древнего корабля, на этот раз уже навсегда, без вариантов.

Однажды пережив смерть, Гюнтер не собирался предоставлять ей еще один шанс.

Он даже не подозревал, сколь велико окажется желание жить. Много веков назад, при штурме укрепрайона, он ощущал себя совершенно иначе.

Тогда измученный рассудок равнодушно взирал на данные сканеров, наблюдая, как сонмища десантных сервомеханизмов противника скапливаются для решающей атаки полуразрушенных позиций его взвода.

Тогда он смирился с заранее предрешенным исходом, теперь же не собирался терять даже такого, странного, ирреального на первый взгляд, перевоплощения, подарившего возможность вновь по крохам собрать свою личность, ощутить справедливость древней истины: *я мыслю, следовательно – существую*.

Человек, не прошедший войны, чей дух не закален несчетным количеством смертельных испытаний, не сумел бы принять произошедшую метаморфозу, он бы считал свое новое положение ничтожным и скорбным, но Гюнтер, шагнув в плотный мрак тесного отсека, мыслил иначе.

Присев на корточки перед забившимся в угол, перепуганным мальчиком, он протянул руку, безошибочно нашел грубо вырванный из контактного разъема оптический кабель коммуникационной системы, точным движением восстановил разорванное соединение и, отсканировав резервную частоту передатчика гермоэкипировки, мысленно произнес:

– Не бойся меня.

Несколько секунд тишины показались Гюнтеру вечностью. Все же опыта общения с детьми у него не было, а испуг мальчишки, вырвавшись непредсказуемым действием, элементарно ставил на грань срыва всю проведенную часть операции...

– Я... не боюсь... Тебя папа прислал?..

Меньше всего Гюнтеру хотелось лгать. Даже во спасение.

– Нет. Твоего отца я не знаю. Просто решил помочь тебе. Ты же хочешь выбраться отсюда?

Мальчик судорожно кивнул.

Похоже, он был напуган намного сильнее, чем предполагал Шрейб.

– Ты спасешь меня?.. – ломкий детский голос дрожал от напряжения и страха.

– Постараюсь, – ответил Гюнтер. – Но пообещай, что будешь делать все в точности, как скажу.

– Я... Я все сделаю... Только не уходи... Не бросай меня тут...

– Так, спокойнее. Идти сможешь? Раньше приходилось надевать скафандр?

– Нет.

– Плохо. Как тебя зовут?

– Иван.

– А меня Гюнтер.

– Разве у андроидов бывают имена?

– У некоторых бывают, – ответил Шрейб, мысленно соображая, как им выбраться наружу. То, что мальчик не сможет самостоятельно передвигаться с той скоростью и ловкостью, как того требовала ситуация, сильно усложняло их положение. – Поступим так, – Гюнтер повернулся к Ивану спиной, – ты сейчас встанешь и крепко обхватишь меня за шею. Не разжимай рук, что бы ни случилось. Понятно?

– Да.

– Справишься? Я побегу быстро. Ты ни в коем случае не должен упасть. Если в нас станут стрелять – все равно держись.

– Я постараюсь.

– Тогда давай, хватайся.

Иван безропотно вскарабкался ему на спину, крепко обхватил руками шею Гюнтера.

– На ладонях твоих перчаток должен быть нанесен специальный состав. Попробуй активировать его. Как будто хлопаешь в ладоши.

Мальчик исполнил указание.

– Ладошки слиплись. Мне не разнять рук!

– Не пугайся, все правильно. Теперь ты не упадешь. Выберемся отсюда, я покажу тебе, как снова расцепить руки. – Произнося эти слова, Гюнтер выглянул в коридор. Первоначальный план – выбраться через пробоину наверху, не выдерживал никакой критики: пока он освобождал Ивана, ситуация изменилась. Судя по расположению сигнатур, пятеро наемников поднялись на вторую палубу и сейчас обследовали грузовой отсек, через который Шрейб проник внутрь корабля, зато главный шлюз остался без охраны. Там датчики и лазерные растяжки, но выбирать не приходилось – еще три энергоматрицы двигались по коридорам нижней палубы, в опасной близости от отсека, где содержали Ивана. В любой момент кто-то из членов банды мог либо появиться в коридоре, отрезая путь к отступлению, либо вызвать на связь охранника, который, естественно, уже не в состоянии ответить...

– Держись. – Гюнтер одной рукой схватил оставленную у массивного люка «АРГ-8», другой сорвал с пояса лежащего на полу коридора охранника ремень с несколькими подсумками и ринулся к главному шлюзу корабля, на бегу перехватив оружие с таким расчетом, чтобы открыть огонь в любой момент, благо сервомускулы позволяли удерживать тяжелую «римповскую»^[16] винтовку и стрелять с одной руки.

Короткий стремительный рывок привел их к шлюзу «Элизабет-

альфы».

Оба люка, внешний и внутренний, были открыты, это Гюнтер знал заранее, шлюзовой отсек он отсканировал еще перед проникновением на борт корабля.

Лазерные растяжки он перепрыгнул, а вот густо понатыканные у входа в корабль датчики подняли тревогу, как только Шрейб выскочил наружу под бледный свет сиреневого энергетического сгустка.

Резко свернув направо, он, по щиколотки увязая в пыли, побежал к древнему portalу, ведущему на неизвестную, загадочную планету, о которой упоминал в рассказе главарь банды.

Главное – вырваться отсюда, а там я их встречу, как положено.

Шрейб бежал, на ходу расстегивая конфискованный у охранника подсумок. Прятаться не было никакого смысла – шлейф поднятой пыли оседал очень медленно, выдавая направление, в котором скрылись беглецы, к тому же на частоте связи внезапно раздались крики, ругательства, а затем, после короткой заминки, злобный срывающийся голос главаря наемников рявкнул:

– Все из корабля! Стрелять по мальчишке!

Гюнтер уже расстегнул подсумок.

Светошумовые гранаты. Не густо. Но хоть что-то...

Он активировал их нажатием на сенсоры и поочередно уронил в пыль.

– Не оборачивайся! Закрой глаза! – предупредил он Ивана.

– Куда ты бежишь?! – крепко зажмурившись, крикнул тот.

– Ты не поймешь! Потом. Все объясню потом! Сейчас держись и не оглядывайся!

– Держусь...

Гюнтер свернул, огибая древний колониальный транспорт.

Сзади, одна за другой, сверкнули пять ослепительных, бесшумных вспышек.

До портала теперь метров триста. Бандиты не успеют. Линию огня блокирует колониальная сфера. Не успеют!..

* * *

Планеты Ожерелья миллионы лет не видели звезд.

Их озарял и согревал сиренево-мертвенный свет энергетического сгустка, расположенного в самом сердце аномалии космоса.

Девять планет обращались по единой орбите. В иных условиях подобное расположение небесных тел было бы признано невозможным, но законы энергетической вселенной, где вообще не должны присутствовать

материальные объекты, диктовали свои правила и особенности, использованные строителями искусственно созданной системы.

Две древние расы космоса, пережившие свой расцвет и упадок за три миллиона лет до того, как человечество вышло в космос, создали уникальную систему из девяти планет. Кооперация двух цивилизаций позволила им, пользуясь уникальными достижениями инсектов в технологии подвижки планет и глубокими знаниями логриан о структуре гиперсферы, воплотить одиозный проект, который, к сожалению, так и остался незавершенным.

И вот, после целого ряда исследований и открытий, в пространство десятого энергоуровня гиперсферы пришли люди ^[17].

Теперь они осваивали Первый Мир, еще не до конца понимая глубинную суть всех протекающих тут процессов – большинство сведений относительно системы Ожерелья, ее структуры, истории, частного предназначения многих разбросанных по поверхности планет древних устройств были безвозвратно утрачены, и современным исследователям приходилось заново постигать суть уникального планетно-инженерного комплекса.

Раннее утро над Арастой (так в навигационных каталогах Конфедерации именовался Первый Мир) началось бледными сполохами сиреневого сияния, расплескавшегося над близкой, изломанной контурами горных хребтов и вершин линией горизонта.

Вертолет патрульной группы ВКС Конфедерации Солнц шел обычным маршрутом. Лопасты со свистом рассекали прохладный утренний воздух, водородный двигатель, адаптированный для условий Первого Мира, работал почти бесшумно.

Внизу простиралась горная страна, сглаженная временем, щедро изрезанная сотнями долин и ущелий: с высоты ландшафт выглядел словно морщинистая, задубелая серая кожа прилегшего отдохнуть исполинского животного.

Командир патрульной группы, присев у открытой боковой ramпы, осматривал окрестности. Он уже не первый год служил в гарнизоне Арасты, и его взгляд сейчас цепко скользил по вершинам, склонам и впадинам; галактлейтенант Шершнев привык полагаться на свое зрение, интуицию и память: в аномальных зонах, особенно тут, в чертогах гор, где излучение центрального энергетического сгустка системы часто приводило к неверной работе или отказам электронного оборудования, доверять показаниям приборов приходилось с большой натяжкой.

Вертолет начал набирать высоту, преодолевая очередную «лысую гору» – таких вытянутых в виде покатых хребтов или отдельных выпуклых, похожих на исполинские купола вершин тут насчитывались сотни.

Голые, продуваемые ветрами каменные склоны лишь в некоторых местах скрашивала зелень растительности: там, где корни деревьев и кустарников находили опору, они цеплялись за малейшие трещины, образуя островки жизни, перемежающиеся каменистыми пустошами.

По сравнению с горными склонами многочисленные долины выглядели настоящими оазисами: сотни ручьев и небольших, но бурных рек еще в древности прорезали горный массив извилистыми ущельями, затем время и процессы эрозии постепенно разрушили отвесные стены, превращая их в пологие, поросшие густым кустарником склоны плодородных долин, где в тени деревьев обитали различные представители животного мира многих неизвестных человечеству планет, завезенные сюда еще логрианами.

Здесь же, врезанные в горные склоны или раскинувшиеся на плоскогорьях, изобиловали руины древних городов и укрепленных пунктов, построенных логрианами (черные как смоль цитадели инсектов располагались в иных широтах планеты, где преобладал теплый, влажный климат).

Изредка на открытых пространствах каменистых пустошей взгляд лейтенанта различал хорошо сохранившиеся мегалитические строения. Все подобные постройки отмечали места, где Вертикали гиперсферы, при совпадении определенных условий, пересекались с поверхностью Первого Мира. Некоторые из древних порталов функционировали постоянно, часть включалась периодически, по неразгаданной пока схеме, иные вовсе не проявляли никакой активности. Было известно, что среди монументальных построек есть и такие, что связывают между собой планеты Ожерелья гиперпространственными тоннелями, но выделить их из общего количества древних сооружений пока что не удавалось.

Собственно, патрули ВКС Конфедерации, контролирующие в силу своих возможностей всю протяженность горной страны, отправлялись в рискованные вылеты или пешие марш-броски именно с целью фиксации активных порталов, а также поиска различных поселений, в том числе и человеческих.

Исследование горной страны, где концентрировалось девяносто процентов построек, возведенных логрианами, и находились небольшие, зачастую скрытые растительностью, хорошо замаскированные поселения различных разумных либо предразумных существ,

доставленных сюда еще в древности, играло исключительно важную роль в глобальной программе исследования Первого Мира. После уточнения картографии очередного района или обнаружения активного портала сюда высылались научные экспедиции, по крохам собирающие и восстанавливающие древние знания.

Однако сегодня вылет десантной группы был связан не с плановым патрулированием местности. Вертолет целенаправленно шел к мертвой долине, где среди руин логрианского города протянулась цепь мегалитических сооружений.

Охотник-одиночка из числа людей накануне вышел на связь, но передать какие-то важные данные не успел, лишь сообщил о своем местонахождении.

С охотником-одиночкой лейтенанту Шершневу встречаться не доводилось. Лишь командир гарнизона Первого Мира полковник Кречетов знал его лично и, инструктируя командира группы, особо указал, чтобы тот при встрече вел себя корректно: исследователей-одиночек, рисковавших путешествовать по горам, полагаясь лишь на свои силы, можно было сосчитать по пальцам. Слишком дикие, необжитые места, полные непредсказуемых опасностей, простирались вокруг. Подобные люди очень редко спускались к обжитым местам, но зато регулярно передавали ценнейшую информацию.

– Две минуты до точки высадки, – сообщил пилот.

Шершнев обернулся.

– Игорь, сканеры работают?

– Со сбоями. Надо было назначать встречу ночью.

– Не мы решаем, – ответил лейтенант. – Сергунов, Новак, приготовились!

Вертолет уже находился над руинами древнего города логриан. Сверху он был похож на высокую, широкую полуразрушенную стену, закрученную замысловатыми спиралями. Жилища логриан, напоминающие норы, располагались внутри стены, от поверхности земли ко входам в отдельные «квартиры» вели пологие пандусы, усеянные коническими выемками, в нескольких местах, окруженные все теми же стенами, виднелись мегалитические сооружения.

Вертолет совершил посадку на окраине, где руины особенно пострадали от времени и недавних событий, когда тут было обнаружено затерянное поселение людей, осажденное ордой предразумных существ.

Шершнев прибыл на Арасту уже после того боя, но, пролетая при патрулировании над мертвой долиной, не раз видел его последствия –

разбитая планетарная техника, остекленевшие воронки, оставшиеся от разрывов плазменных гранат, выщербленные пулями стены, разрушенные, частично сгоревшие постройки человеческого поселка...

Двое десантников, спрыгнув на землю, тут же заняли позиции среди руин. Следом высадились Шершнев и Игорь Головешкин – компьютерный техник группы.

– На сканерах чисто. Энергетическая активность – ноль.

– Охотника не засек?

– Нет.

Шершнев сделал знак пилоту – взлетай.

Вертолет, вздымая клубы пыли, поднялся метров на тридцать, на миг завис в режиме автопарения, а затем начал удаляться, занимая заранее оговоренную позицию, с которой пилот контролировал всю долину.

– Ждем, – коротко приказал Шершнев.

Пыль едва успела улечься, как вдруг в рассветных красках от закругляющейся стены древнего города отделилась неясная тень.

Десантники не шелохнулись, оставаясь на позициях.

Еще несколько шагов, и смутная фигура начала материализовываться – охотник отключил мимикрирующее ^[18] покрытие своей экипировки.

Внешне его можно было принять за десантника, но опытный взгляд галактлейтенанта уже уловил десятки отличий, например, охотник не пользовался сервомускулатурой, приводы и двигатели были просто демонтированы, что значительно облегчило броню, отсутствовали некоторые соединения, – таким образом, защитная металлокевларовая оболочка получила дополнительную пластичность, поверх экипировки располагался целый набор нестандартных ремней, подсумков и иных креплений для дополнительного вооружения и удобного ношения припасов. Кроме того, в гнездах, предназначенных для сканеров, были закреплены специальные адаптеры, от которых, причудливо изгибаясь над плечами незнакомца, тянулись цепочки, составленные из нескольких десятков логрисов ^[19]. Логр-компоненты ^[20] как бы жили своей жизнью: соединенные гранями кристаллы то вытягивались в ровные линии, то сплетались между собой, то без видимой причины отклонялись в разные стороны, закручиваясь в замысловатые, похожие на иероглифы фигуры.

Шлем БСК ^[21] с поднятым проекционным забралом служил охотнику скорее защитой, чем средством получения информации и связи. Его лицо с характерным бронзовым загаром украшали несколько шрамов, глаза смотрели холодно, изучающе, в них не было ни опасения, ни любопытства.

Командир группы покинул укрытие.

– Галактлейтенант Шершнев. – Он протянул руку. – Можно просто: Сергей. Прислан полковником Кречетовым для встречи и детального выяснения обстановки.

– Урман, – коротко отрекомендовался охотник, ответив на рукопожатие.

У Шершнева аж дух захватило.

Неужели тот самый Урман Торн? Легендарный Урман, один из немногих офицеров первого гарнизона Арасты, сумевший, как и Кречетов, пережить «Сумерки», когда после внезапной активации процесса подвижки планет Ожерелья, – одной из неразгаданных тайн системы, – здесь творилось что-то невероятное...

Видимо, смятение отразилось на лице Шершнева.

– Спрашиваешь себя – тот ли Урман? – усмехнулся охотник. – Тот самый.

Шершнев смутился, хоть и не страдал отсутствием хладнокровия. Дело в том, что об Урмане ходили самые разные, порой противоречащие друг другу слухи: одни говорили, что он дезертир, бросивший свой пост в самый тяжелый, критический период «Сумерек», когда невероятные существа, вырвавшиеся из внезапно заработавших порталов древней транспортной сети, атаковали первый гарнизон Арасты, другие утверждали, что именно Урман спас в том бою десятки жизней, а его, раненного, находящегося без сознания, уволокли в неизвестном направлении демоноподобные ксеноморфы, – говорили всякое, а вот где истина...

– Послушай, лейтенант, – Урман жестом предложил присесть на тянувшийся вдоль древней улицы запыленный каменный парапет, – я понимаю, ты сейчас в замешательстве. Слухи, что ходят обо мне, известны. Я не стану ни опровергать, ни подтверждать их. Достаточно, что твой командир полковник Кречетов мне полностью доверяет. Логично?

Шершнев кивнул.

Видно, настроение у Урмана этим утром было хорошее: он вдруг добродушно усмехнулся и, небрежным жестом оттолкнув за плечо изогнувшуюся перед лицом нить логров, пытающуюся крупным планом снять изображение галактлейтенанта, произнес:

– Я увидел более глобальную цель в жизни, чем смотреть сверху, с борта проносящейся над скалами машины, на древние руины. Араста – уникальный мир. Здесь на каждом шагу я соприкасаюсь с таким количеством тайн и загадок, что порой самому становится жутковато. Но я

по-прежнему служу Конфедерации, приношу пользу общему делу. Поэтому ты можешь мне доверять.

– Мне достаточно и первого аргумента.

– Понимаю. Но Первый Мир тесен. Однажды мы с тобой можем встретиться не в такой спокойной обстановке. Так что не верь слухам. А теперь давай к делу. Вот. – Он вытащил из неприметного кармана логр. – Здесь запись, сделанная мной во время последней вылазки в дальние горы. Я обнаружил четыре изолированных человеческих анклава и еще три поселения неизвестных существ. В контакт с ними вступить не удалось. Находятся на низком уровне технического развития, но в прошлом они, несомненно, были более развиты, я обнаружил немало обломков неизвестных механизмов, некоторые достаточно сложны, но в нынешнее время их используют не по прямому назначению. Относительно людей: всем четырем поселениям требуется гуманитарная помощь. Они – потомки чудом выживших колонистов с борта нескольких сорвавшихся на Вертикали колониальных транспортов.

– Это всё? – машинально переспросил Шершнеф, взяв кристалл. Откровенно говоря, он был шокирован только что полученной информацией. За год регулярных полетов и локального прочесывания местности гарнизону Арасты лишь однажды удалось обнаружить поселение людей в горах. А тут сразу семь анклавов, три из которых образованы ксеноморфами!..

– Не все, но наиболее важная часть. Остальное, так, по мелочи – несколько неизвестных ранее логрианских дорог, проложенных через ущелья, два разрушенных города-крепости, семь новых мегалитических конструкций. Все нанесено на электронную карту. На словах передай Кречетову, что собираюсь пройти через хребты, посмотреть, что расположено по ту сторону гор. Если все будет нормально, вернусь месяца через полтора, раньше на связь выйти не смогу, сам понимаешь – аномалия. Пока наши ученые мужи не сконструируют ретрансляторы, адаптированные для местной энергетики, и не выведут их на орбиту, так и будем перебиваться весточками от случая к случаю.

– Я понял. Передам. – Лейтенант встал, убирая логр в герметично закрывающийся карман экипировки. – Может, помощь какая нужна? Припасы, спецсредства?

– Не волнуйся. Я на подножном корму, – усмехнулся Урман. – Тащить на себе лишние килограммы – только мучиться. Нет, пойду, как привык, налегке. Чистые логиры для записи информации есть, патронов хватает, иммунную блокаду, правда, делал больше года назад. – Он взглянул на

Шершнева. – Метаболические импланты^[22] есть?

– Конечно.

– Штук десять дай, не откажусь.

– Сейчас. – Галактлейтенант открыл один из клапанов экипировки, достал упаковку, содержащую двадцать пять различных метаболических имплантов – так называемый «набор выживания», – и протянул Урману. – Держи.

...В этот миг тишину древнего логрианского города внезапно вспорол звук трех раздавшихся почти одновременно автоматных очередей.

Урман резко развернулся, цепочки логров, словно живые, «прилипли» к экипировке, не мешая движениям охотника.

– Видишь улицу, лейтенант? Левее тридцать градусов – древний, неработающий портал. По прямой километра четыре. Звук шел оттуда.

Вновь тишину разорвали далекие трескучие выстрелы.

– Ну что стоим?! Бегом! – Урман первым сорвался с места, исчезнув среди иззубренных руин логрианского города.

Глава 2

Первый Мир. Окрестности древнего города

Мох и камни... Мох и камни... Мох и камни...

Пологий серо-зеленоватый с рыжими и белесыми подпалинами склон.

Камень твердый, мох пружинистый, следов на склоне вовек не отыщешь, но Гюнтер не обольщался – он знал, что преследователи в ближайшие мгновения появятся из портала, и ничто не помешает им визуально обнаружить беглецов. Мальчик испуганно сопел, стараясь не разрыдаться. Оба чувствовали: погоня близка, от нее не скрыться, но надежда, одна на двоих, умирать не хотела.

Древний пехотный дройд и перепуганный мальчонка – легкая добыча для озверелых убийц.

Гюнтер тщетно искал укрытие. Мелкие валуны, вросшие в каменистую почву, не подходят, да и Иван напуган до состояния тихой истерики, как его спрячешь за камень? Страх – он непредсказуем. Иногда заставляет сидеть тихо, покорившись судьбе, а порой придает сил – где гарантия, что в разгар боя мальчик вдруг не метнется бежать, несмотря на отключенную сервомускулатуру скафандра?

Нет такой гарантии.

Проклятый склон. Гюнтер уже понял, что допустил тактическую ошибку, но, дезориентированный мгновенным гиперпространственным переходом, перекинувшим его и Ивана с одной планеты на другую, он побежал прочь от портала, не задерживаясь ни на секунду. Ему бы оглядеться (встроенные сканеры по непонятной причине дружно дали сбой), тогда он увидел бы руины странных сооружений, похожих на выстроенную безумным архитектором, закрученную сотнями стен-спиралей крепость, расположенную в долине.

Поздно.

Реактор уже вышел на девяносто процентов мощности, но пыль мертвого безвоздушного мира, даже после технической продувки оставшаяся в сервомоторах и приводах, сейчас резко дала о себе знать – все механизмы работали на износ, он внутренней командой подключил аварийные системы, но пока что без толку...

Бледную вспышку гиперперехода Гюнтер скорее предугадал, чем увидел, – резко развернувшись лицом к portalу, защищая мальчика своим корпусом, он отчетливо рассмотрел, как среди черных столбов появились

сразу три фигуры в боевой броне.

Он дал короткую очередь из «АРГ-8», выстрелы в стылой тишине сиреневого рассвета прозвучали отчетливым, оглушительным стаккато, наемники мгновенно попрятались, но одного он точно задел, причем основательно, иначе почему в ответ ударили только два автомата?

Пули с визгом рикошетили о камень, выбивали султанчики пыли и крошки в нескольких метрах ниже по склону; стрелки они тоже так себе – дистанция приличная, но бьют длинными, неэкономными, бестолковыми очередями. Чувствуется, что боевого опыта мало, а вот звериной злобы – хоть отбавляй.

Задавят численным перевесом. Они уверены, что беглецам не уйти, потому не торопятся, ждут, пока все наемники пройдут портал. Голый каменистый склон – как на ладони, а до гребня возвышенности еще метров сто.

Вновь полыхнула бледная вспышка внепространственного перехода, выталкивая в реальность незнакомого мира новые фигурки преследователей.

Гюнтер уже не бежал – двигался скорым шагом, – спиной вперед, при неработающих сканерах сложно поддерживать равновесие и сохранять ориентацию, но иного выхода нет, слишком велик риск подставить под шальную пулю перепуганного насмерть мальчонку, вот он и отступал быстрым шагом, постоянно огрызаясь короткими очередями, не давая преследователям высунуться из укрытий, удерживая их в напряжении и страхе. Когда рядом корчится в пыли раненый подельник, а малейшее движение влечет короткий, хлесткий ответ, голову не больно-то поднимешь – это ощущение Гюнтер запомнил хорошо, еще с тех пор, когда необстрелянным юнцом его закрутил кровавый вихрь Галактической войны...

Еще одна вспышка.

Всё, полезли. Теперь их девять, сейчас прибудут еще трое...

Гюнтер с трудом одолел последние метры склона – серводвигатели едва ворочались, внутри при каждом движении раздавались неприятные скребущие звуки.

Оглянувшись, он в первый момент не поверил своему зрению: сразу за гребнем виднелся покосившийся забор, над которым возвышались потемневшие от времени постройки.

Строения принадлежали людям, но сейчас явно пустовали.

Четыре дома, сложенные из пористого камня, нежилые, угрюмые, потемневшие и обветренные. С одной стороны, они слишком приметны,

чтобы укрыться от погони, с другой, если там есть подвал, куда можно спрятать мальчика, то лучшей позиции для обороны и не придумаешь.

Дрожащие от напряжения руки ребенка крепко вцепились в Гюнтера.

– Медленно, плавно расцепляй ладошки. Сделай движение, как будто моешь руки!

– Донеси меня... Не бросай тут...

– Я тебя не брошу. Только спрячу. Делай, как говорю!

Каждый шаг давался Гюнтеру с трудом. Необходимо срочное техническое обслуживание, тестирование, идет явная наработка на отказ застоявшихся без движения механических частей искусственного человекоподобного тела.

Дом.

Он приближался, заслонял действительность, превращался в главенствующую деталь реальности, дом давно покинутый, уже погибший – вон даже сегменты солнечных батарей на крыше разбиты, покрыты грязью, что несли с собой ветра и непогода неведомого мира.

Скрипнув, нехотя сдвинулась по направляющим дверь.

Вот и пришли. К добру или к худу, но пришли. Они близко, мимо не проскочат, нужно спрятать мальчика и подготовиться к встрече.

Гюнтер не раздумывал. Он действовал. Спасти ребенка, даже пожертвовав собой, для него – уже не вопрос, – сознание успело вновь переродиться, хоть он еще не вырвался из цепких объятий *той* войны, по-прежнему мыслил категориями давно канувшей в Лету эпохи, но приоритеты уже сместились, он не воспринимал сейчас роковой безысходности, что владела им перед гибелью, много веков назад, – Шрейб, словно в искупление прошлого, был готов жертвовать, отвергая все, начиная от потуг боевых программ на перехват управления до неистового, очнувшегося вдруг желания жить, существовать и дальше, пусть в таком теле, все равно как...

Его рассудок балансировал на тонкой грани между холодным расчетливым бездушием, присущим боевому сервомеханизму, и горячими, обжигающими разум чувствами, принадлежащими восставшему из небытия человеческому разуму.

Непрочное строение... – мысленно отметил он, заходя в здание.

Камень пористый, облицовка пластиковая, стены между комнатами тонкие. Тепло– и звукоизоляция отличная, а вот прочности в них нет.

– Холодно... – пожаловался Иван. Он уже расцепил руки, безвольно сполз на пол, и на самом деле его била нервная дрожь.

– Потерпи. Посиди минутку.

Тот стоически кивнул, продолжая дрожать.

Близко они. Уже очень близко.

Гюнтер бегло осмотрел смежные помещения, метнулся в одну комнату, другую, пока не отыскал заветный люк в полу и, открыв его, приказал:

– Лезь вниз и сиди там, не высывайся, что бы ни случилось! Ты понял?

– А ты? – Ломкий голос Ивана лишь придал Гюнтеру решимости.

– Я справлюсь! Полезай же!

Иван подчинился.

Шрейб испытал облегчение, когда люк в полу закрылся. Теперь мальчик в безопасности. По крайней мере, не угодит под шальную пулю.

Реактор – девяносто пять процентов. Уже лучше. По системе кинематики пошла резервная графитовая смазка, сработали, наконец, аварийные датчики износа.

Он метнулся в простенок между окнами.

Автоматическую «римповскую» винтовку системы гениального Ганса Герверта – сокращенно «АРГ-8», разработанную под усиленный бронебойный патрон, Гюнтер перезарядил еще на подступах к дому и теперь был готов действовать.

Внезапно заработали отключившиеся после гиперперехода встроенные сканеры, транслируя на внутренний дисплей перед «мысленным взором» Гюнтера силуэты наемников, бегом преодолевающих склон.

Врагов одиннадцать. Один прихрамывает, двенадцатый, похоже, так и остался лежать у портала.

Бегут нагло, не скрываясь, видно, чувствуют себя полнейшими хозяевами положения, ничего не боятся, никого не опасаются.

Пока что их блокирует склон.

Гюнтер бегло осмотрел участок двора перед окнами. Несколько покосившихся строений хозяйственного предназначения, местами разбитый в щепу, зияющий прорехами пластиковый забор, остов почвоукладчика – нежелательное укрытие, способное сыграть на руку атакующим.

Шрейб долго не раздумывал. Нечеткие, смазанные сигнатуры растянулись по склону, результат сканирования продиктовал естественное решение: Гюнтер видел, что некоторые из наемников шли, заметно отстав, опираясь на приклады оружия, они сейчас не являлись единой боевой группой – такой ситуацией грех не воспользоваться при численном

перевесе противника.

Он осторожно, стараясь не производить шума, выдавил раму, поставил ее у стены, выпрыгнул в окно и, пробежав мимо почвоукладчика, ничком упал на землю, затем дополз до прорехи в заборе, который тянулся почти по гребню возвышенности, привстал на одно колено и...

Сухие, трескучие, короткие очереди вновь разорвали утреннюю тишину, в ответ раздался продублированный динамиками внешней аудиосистемы протяжный вопль, один из боевиков покатился вниз по склону, два других рухнули как подкошенные, остальные после секундного замешательства открыли беспорядочный ответный огонь, но Шрейб уже находился в глубине двора, за почвоукладчиком, и предназначенные ему пули лишь без толку крошили камень и валили целые секции покосившегося пластикового ограждения.

Тишина наступила внезапно.

Сигнатуры, отслеживаемые сканерами, остановились на склоне, вне зоны прямой видимости, – боевики справедливо опасались очередной ловушки. Теперь уже наемники оказались в невыгодном положении, они недооценили противника и поплатились за это, потеряв, в общей сложности, четверых.

Цепь преследователей выровнялась, подтянулась, они как будто вспомнили, что у них тоже есть сканеры.

Захлебнувшаяся в зародыше атака не возобновлялась.

Чего они ждут? Пока я снова высунусь, подставив себя под огонь? Пехотный дройд, может быть, так и поступил бы, но Шрейб не собирался допускать роковых ошибок.

И все же он что-то упустил. Слишком долго они там выжидают. Почему не разделились на группы, не стали обходить по флангам?

Ответ пришел в виде одной плазменной и нескольких осколочных гранат, внезапно по короткой дуге пролетевших над обломками разбитого пулями ограждения и вкатившихся во двор.

Гюнтер успел нырнуть в узкую щель между корпусом древней машины и мощным бульдозерным ножом, в следующий миг в нескольких метрах от дома полыхнула нестерпимая вспышка разрыва плазменной гранаты, вторя ей, вздыбились султаны камней и пыли, удары осколков о металл отдавали протяжным звоном, те, что пробивали стены дома, издавали глухие, вязкие звуки; на миг пространство внутреннего двора вскипело, затем внезапно вспыхнула крыша строения, факелами занялись хозяйственные постройки, сканеры дали очередной сбой, теперь из-за внезапной тепловой засветки, и Шрейб, покидая неудобную позицию,

метнулся к основному строению, вновь полагаясь лишь на зрение и опыт.

На этот раз наемники сработали слаженно и грамотно, поднявшись в атаку сразу за волной взрывов, прошивая пространство двора непрерывным автоматическим огнем.

Гюнтера дважды с силой ударило в спину, бронированный кожаный выдержал лишь одно попадание, вторая пуля пробилла его, застряв в сантиметре от бронепластиковой капсулы, защищающей программно-аппаратное ядро системы.

Он резко обернулся, дал длинную отсекающую очередь, прыгнул в окно, вслед ему хлестко ударили два автомата, осыпав Шрейба крошевом пористого камня и расщепленного пластика.

Крыша дома горела, но мальчику, затаившемуся в подвале, начавшийся пожар пока что не угрожал.

Еще несколько разрывов ударили под самыми окнами, выбивая рамы, сотрясая здание, Гюнтер понял, что боеприпасов у боевиков в избытке, они больше не полезут под пули, просто попытаются забросать его гранатами, чтобы потом без помех заняться мальчишкой.

Он интуитивно предугадал развитие событий: резко выпрямился, показавшись в оконном проеме, заметил двух боевиков, привставших из-за изрешеченного пулями остова почвоукладчика, чтобы метнуть гранаты в окна, и успел отработать на упреждение – «АРГ-8» в руках Шрейба дважды мягко ударила отдачей в плечо, оба наемника упали, один выронил гранату, второй так и рухнул, не разжав пальцев, и спустя мгновение два взрыва полыхнули в десятке метров от дома, изрешетив осколками тех, кто скрывался за изувеченным терраформером ^[23].

Воспользовавшись замешательством противника, вновь понесшего неожиданный урон, Гюнтер метнулся вдоль длинной комнаты, на миг появляясь в каждом окне; еще двое боевиков упали – беспощадные, короткие очереди пробилли забрала их гермошлемов, но ураганный ответный огонь уже следовал по пятам за Шрейбом, кто-то наиболее сообразительный бил на упреждение, бронебойные пули крошили камень, выбивали в нем дыры величиной с кулак, поднимали желтовато-белесую пыль.

Все происходило гораздо стремительнее, чем поддается описанию.

За пару секунд Гюнтер заработал еще несколько незначительных повреждений, в основном от шального разлета пуль; сдерживать натиск наемников стало труднее – наименее опытных он уже выбил, оставшиеся четверо рассредоточились по двору, открывая шквальный огонь по

малейшим признакам движения, затем двое из них сообразили, что выгоднее стрелять по сигнатуре, – сканеры их экипировки оказались мощнее устаревших систем обнаружения пехотного андроида, и тут Гюнтеру пришлось совсем туго: автоматные очереди пробивали камень кладки, пули с визгом рикошетили от бронированных кожухов, неумолимый шквал огня и металла следовал за ним, не позволяя огрызнуться в ответ.

Он отпрянул в глубь помещения, затем, изображая критическое повреждение, рухнул на пол – отступить за пределы здания, совершая обходной маневр, ему не позволило беспокойство за Ивана, который вполне мог послушаться приказа и высунуться из подвала.

Уловка удалась – наемники прекратили огонь. Двое из них рванулись к окнам, зашвырнув внутрь помещения гранаты, но Шрейб не шелохнулся – падая на пол, он предусмотрел такую вероятность и минимально защитил себя обломками массивного металлопластикового стола.

Взрывы разметали по комнате жалкие остатки мебелировки, подожгли пластик облицовки, большинство осколков ушло вверх и в стороны, но досталось и Шрейбу – кожух правой ноги принял не меньше пяти попаданий, на внутреннем дисплее промелькнули зловещие коды ошибок, полученных при мгновенном тестировании сервомоторов.

Он стойчески ждал, переключив передатчик на заранее известную частоту.

Оказывается, Золотцев все еще жив, его рычащий окрик поднял троих наемников из-за укрытий.

– Проверить здание! Дройда добить! Ищем мальчишку!

Его подчиненные нехотя, огрызаясь, будто псы, все же выполнили приказ. Все трое пролезли в окна, окружив Гюнтера.

Он ждал, плавно понижая мощность реактора.

Неподвижность андроида и явное «угасание» сигнатуры на сканерах успокоило боевиков.

– Все в порядке, – доложил один из них. – Серв готов. Сигнатура гаснет.

– Отлично. – Голова и плечи Золотцева показались над разбитым пластиковым подоконником. – Мои приказы нужно исполнять *буквально*, уроды! – запрыгивая в помещение, хрипло произнес он.

– А куда ему стрелять-то? В голову?

– В грудь, придурок! – Золотцев вскинул автомат.

Как хотелось Гюнтеру оставить его в живых, по крайней мере до того момента, пока не выяснится имя заказчика, но, спасая мальчика, он пошел

на крайний риск... и ситуация обернулась против. Видно, судьба уже истощила свое терпение в отношении Игоря Золотцева.

Ствол автомата остановился на уровне груди Шрейба, и в этот миг руки андроида, сжимавшие «АРГ-8», внезапно ожили – оружие лишь слегка изменило положение, выплюнув в голову предводителя наемников короткую очередь.

Трое оставшихся в живых боевиков на секунду замешкались, но Гюнтера подвел поврежденный осколками гранат сервомотор – он успел свалить лишь одного, двое других резко отпрянули в стороны, обрушив на Шрейба шквал огня.

Пули молотили по броне, пробивали ее, Шрейб, совершив усилие, рывком привстал на колено, оборвав двумя одиночными выстрелами безумную вакханалию, но поздно – он сам уже не мог двигаться, разве что продолжал мыслить – треснувшая от нескольких попаданий бронепластиковая капсула все же предохранила ядро системы от критических повреждений, но сервомоторы не работали, на тест откликался лишь привод правой руки...

Ничего... Раз двигается рука, значит, выберемся...

В следующий миг зрение Гюнтера внезапно помутилось.

Последним, что он успел осознать, – была огромная, наверное, преувеличенная его рассудком багровая надпись:

Сбой системы. Попытка перезагрузки...

* * *

Как бы ни торопились Урман и Шершнеф, подоспели они, как говорится, к шапочному разбору.

Урман сделал первую остановку еще на склоне, задержавшись подле мертвых боевиков. Лейтенант догнал его, успел взглянуть на аккуратные, будто просверленные отверстия в дымчатых забралах гермошлемов и, покачивая головой, заметил:

– Снайпер по ним работал, что ли?

Урман отрицательно покачал головой.

– Калибр не тот. Это попадание короткой очереди из «римповской» автоматической винтовки. Стреляли оттуда, – он жестом указал на вершину склона.

Шершнеф лишь хмыкнул, прикинув расстояние до позиции стрелка. Дистанция великовата, учитывая, что огонь велся из «АРГ-8».

– Погнали, лейтенант, – подстегнул его Урман. – Что твоя «вертушка»?

– Пилоту приказано оставаться в точке.

– Технику бережешь? – в голосе охотника прозвучало явное осуждение.

– Берегу, – помрачнев, признал Шершневу.

За рухнувшим, иссеченным осколками ограждением пузырились сгоревшие хозяйственные постройки, выполненные из нетленного, но уязвимого по отношению к огню материала. Крыша ближайшего из четырех некогда жилых домов провалилась внутрь, истекая черным дымом, стена здания, изрешеченная пулями, щерилась множеством сквозных пробоин. Во дворе в неестественных позах среди луж расплавленной пластмассы разбросаны тела, облаченные в современную боевую гермоэкипировку.

Шершневу насчитал семь убитых, включая тех, что остались лежать на склоне.

Урман, осмотрев двор, негромко произнес:

– Опоздали. Осторожнее, лейтенант, кто-то наверняка остался в доме. Контролируй окна, прикрывай, я пошел внутрь.

– Может, вместе?

– Справлюсь. – Охотник, низко пригибаясь, коротким рывком преодолел расстояние до стены дома и вжался в посеченный осколками простенок между окнами.

Еще секунда, и цепочки логр-компонентов, отделившись от экипировки Урмана, изогнулись, заглянув в оба оконных проема.

– Чисто, – раздалось по связи. – Тут, похоже, вышла ничья... – голос Урмана прозвучал озадаченно.

Шершневу подтянулся к нему, взглянул через разбитый оконный проем в помещение.

Четыре тела в уже знакомой боевой гермоэкипировке лежали на полу, в безвольных позах, чуть дальше к стене привалился изрешеченный пулями древний пехотный сервомеханизм.

Лейтенант перепрыгнул через оплавленный разрывом плазменной гранаты подоконник, взглянул на мертвые тела, узнавая характерный почерк, – роковые попадания зияли небольшими входными отверстиями в забралах гермошлемов, – затем перевел взгляд на пехотного андроида.

– Он один их завалил?

– А ты видишь тут еще кого-то? – вопросом на вопрос ответил Урман, которого почему-то сильно заинтересовал древний механизм. Он склонился над ним, позволяя цепочкам, набранным из логров, причудливо изгибаться, сканируя андроида.

– Необычный серв, – наконец произнес он, выпрямляясь. – Приводы перебиты, но ядро системы уцелело. Идет попытка перезагрузки.

Шершневу молча поднял автомат.

– Добить собираешься?

– А что ты предлагаешь? У меня четкие инструкции относительно реликтовых боевых машин. Уничтожить на месте.

– Не торопись, лейтенант. – Урман указал компенсатором оружия на небольшой выступ в правой височной части металлопластикового черепа боевой машины, где у человека обычно расположен стандартный вживляемый еще в роддоме имплант^[24]. – Андроиду интегрирован кристалло модуль «Одиночка».

– Носитель человеческого сознания? – Шершневу скривился. – Не верю я в эти сказки. – Он искоса взглянул на Урману и нехотя добавил: – Ладно, кристалло модуль заберу, техники разберутся.

– Говорю, не торопись. Или у тебя проблемы с реликтовыми машинами?

– Какие проблемы? – не понял Шершневу.

– Ну, фобии или еще что-нибудь?

– Да нет у меня никаких фобий! Ты вокруг посмотри. Тут человеческих трупов навалом, а ты о сервомеханизме беспокоишься.

– Жизнь – сложная штука, – невозмутимо ответил охотник. – Вот ты с точки зрения здравого смысла можешь пояснить, почему боевой дройд убегал от них?

Шершневу невольно задумался.

Кто эти люди? Как попали сюда? Зачем преследовали пехотного андроида, и главное – Урман скупно, но точно обрисовал абсурдность ситуации – почему боевая машина, запрограммированная на уничтожение противника, вдруг бросается в бегство?

О программном эквиваленте инстинкта самосохранения, заложенном в систему дорогостоящих сервов, он, конечно, слышал, но взгляд лейтенанта еще во дворе и на склоне подметил по расположению тел и характеру роковых попаданий, что погибшие являлись далеко не элитными бойцами. Они действовали весьма прямолинейно, пытаясь задавить одинокого серва численным перевесом и огневой мощью.

– Действительно, странно, – нехотя согласился лейтенант. – Зачем он бежал от них?.. И почему решил принять бой именно тут?

– Вот я и говорю, не торопись, – кивнул Урман. – Дай ему перезагрузиться.

В этот момент в соседнем помещении раздался резкий скрипящий звук, словно приоткрылась закрепленная на петлях дверь, и в следующую секунду в разгромленное помещение внезапно выскочил мальчик лет десяти. Надетая на него гермоэкипировка была явно размера на два больше, чем нужно, забрало гермошлема поднято, на бледном лице ребенка застыл испуг, замешательство – он в растерянности огляделся вокруг и вдруг бросился к неподвижному андроиду, прильнув к нему с истошным вскриком:

– Дяденька, не убивайте Гюнтера! Он хороший!.. Он мне жизнь спас!.. Дяденька!.. – Тело мальчика сотрясало от рыданий. – Он меня на себе нес!..

– Успокойся. – Урман присел на корточки. – Так это твой андроид? А ты сам как тут оказался?

– Меня украли! Вот эти... – мальчик слабым жестом указал на неподвижные тела.

– Так. – Шершневу опустил автомат, отступив на шаг в сторону. – Давай по порядку. Никто твоего серва не тронет. Как тебя зовут?

– Иван... – всхлипнул мальчонка, но тут же, преодолев робость, дерзко взглянул на лейтенанта и добавил: – Моя фамилия Столетов. Я сын сенатора планеты Грюнверк.

– Мальчика не трогайте! – Внезапно, будто удар грома, прозвучал четкий синтезированный голос машины.

– Гюнтер! Ты жив!..

– Можно сказать и так. – Андроид шевельнул правой рукой, но лейтенант оказался проворнее, ногой откинув его оружие. Дройд с надрывным звуком сервомотора чуть повернул голову и произнес, обращаясь к Шершневу: – Я не опасен.

– Сомневаюсь.

– Боевые программы блокированы, – упрямо настаивал дройд. – Я Гюнтер Шрейб, капитан, командир отдельного механизированного взвода триста двадцать четвертого серв-батальона ВКС Земного Альянса.

– Даже так? – присвистнул галактлейтенант. – А ты в курсе, что Галактическая война давным-давно завершилась капитуляцией Альянса?

– Догадываюсь.

– По какой причине ты стал спасать мальчика? – вступил в разговор охотник.

Гюнтер опять чуть повернул голову.

– А ты бы прошел мимо?

– Хороший ответ, – одобительно кивнул Урман. – Как попал на

планету?

– Прошел через гиперпространственный тоннель.

– Это правда? – охотник посмотрел на Ивана.

– Правда. Меня держали в старом корабле. На другой планете, где нет воздуха.

Урман и Шершневы переглянулись, затем отошли в сторону.

– Дройд и правда непростой, – произнес лейтенант. – С мальчиком понятно, сейчас окажу ему первую помощь, потом заберу на базу. А как быть с сервом?

– Теперь ты уже не можешь его добить, – усмехнулся охотник. – Тебе ведь известен прецедент Юноны?^[25]

– Известен.

– Вот и забирай его. Пусть командование разбирается, что делать. Ко всему прочему он обладает информацией по portalу, связывающему между собой Первый Мир с одной из планет Ожерелья. За подобными сведениями годами без толку гоняешься, а тут – прямо в руки, на блюдечке.

– Ладно, не надо меня уговаривать. Дройда заберу. Вертолет уже направляется сюда. Что скажешь об убитых?

– Мое мнение – группа наемников. Экипировка у них не самая продвинутая, порядком поизношенная, да и в бою они себя проявили не лучшим образом. Короче – сброд, нанятый для разовой акции. Мальчик наверняка говорит правду, а вот каким образом они попали сюда – это тебе придется выяснять самому, лейтенант. Мне, как понимаешь, задерживаться тут не резон.

– Я бы посоветовал спуститься по склону, – раздался голос Гюнтера. – Там внизу – раненый наемник. Он многое прояснит, если хорошо расспросить. Только сначала мальчику помощь окажите.

Лейтенант обернулся, хотел ответить Гюнтеру что-то резкое, но его голос был заглушен свистом вертолетных лопастей – это вызванная Шершневым машина садилась в пространстве внутреннего двора.

– Все будет хорошо, Иван... – Дройд коснулся руки мальчика. – Скоро увидишь отца. Можешь мне верить.

– Я тебя не брошу.

Гюнтер ничего не ответил. Его судьба сейчас висела на волоске и казалась самому Шрейбу весьма туманной.

Планета Грюнверк. Офис сенатора Столетова. Неделью спустя
после событий на Арасте...

– Ну, и что мне прикажешь с тобой делать? – Роман Карлович Столетов, мощный, хотя и не атлетически сложенный мужчина лет пятидесяти, с хмурым видом посмотрел на изрядно потрепанного пехотного андроида.

Гюнтер в ответ лишь пожал плечами. Он понимал, что в данный момент его судьба полностью находится в руках Столетова-старшего. После того, как ему отремонтировали кинематику и залатали пробойны в корпусе, прошло два дня.

– Будь ты обычным, нормальным человеком, то уж поверь, нашел бы, как тебя отблагодарить за спасение сына. Жаль, что ты убил командира наемников, теперь заказчика уж не найти... – задумчиво, но с явным раздражением в голосе продолжал размышлять вслух сенатор.

– Так сложились обстоятельства, – ответил Гюнтер. – Времени на допрос с пристрастием у меня не было. Что касается моего сегодняшнего состояния, то напомним: прецедент решения Совета Безопасности Миров, касающийся планеты Юнона и обитающих там сервомеханизмов, – достаточно серьезный аргумент. Вы можете меня выгнать, послать куда подальше, но не более. Я носитель человеческого сознания со всеми вытекающими последствиями.

– Может, на Юнону и отправишься? – хмуро поддел его Столетов.

– Может быть.

– Ладно, не обижайся. Внешний вид тебе, конечно, придется сменить. В современности существуют материалы, заменяющие устаревшую пеноплоть. Лайкорон, например. Хотя я не сильно разбираюсь в тонкостях современной биоккибертроники^[26], но компетентных специалистов найду.

– Внешний вид – не главное, господин сенатор.

– Если хочешь остаться, то внешний вид имеет значение, – возразил Гюнтеру Роман Карлович. – Ты вроде бы подружился с Иваном или я ошибаюсь?

– Насколько позволяла обстановка, мы подружились.

– А вот сын и слышать ничего не хочет о расставании с тобой. Такие дела. – Столетов без особого энтузиазма взглянул на Гюнтера.

– Понимаю. Но существует одна проблема: я был и остаюсь человеком военным. Психику не изменить. Вы просто не понимаете в полной мере, какой была та война. Я умирал и убивал. При встрече с вашим сыном обстоятельства сложились таким образом, что его спасение не шло вразрез с моими способностями. Но что я могу теперь? Играть с ним в игрушки? Водить Ивана в зоопарк?

Сенатор задумался. Ему, конечно, не впервой было общаться с человекоподобными механизмами, но одно дело современные дroidы, и совсем иное – реликтовый пехотный сервомеханизм, да еще и с модулем «Одиночка». Не повезло парню... Сознание человека в механической оболочке – скверный синтез, чреватый опасными рецидивами.

– Послушай, Гюнтер, я действительно очень благодарен тебе за спасение сына. На самом деле ты не представляешь истинных границ моей признательности. Не возражай, выслушай сначала. Я предлагаю тебе буквально следующее: серию модернизаций, которые затронут только твой облик, а затем, когда ты станешь фактически неотличим от человека, я сделаю тебя телохранителем Ивана. Раз на его свободу и жизнь покушались однажды, значит, нечто подобное может произойти повторно. Как тебе предложение?

Гюнтер задумался.

А какие у меня перспективы? – спросил он у самого себя.

Никаких. Так что и размышлять особо не о чем.

– Я согласен. Не понимаю лишь одного – почему вы доверяете мне? Я ведь далеко не мирная машина, да и человеческий характер у меня не из легких.

– Разумеется, – кивнул Столетов. – Но я думаю о другом: там, у корабля, внутри которого прятали Ивана, ты ведь делал выбор, верно? И вполне мог найти способ примкнуть к группе подонков, похитивших его, или просто устраниться от проблемы. Но ты решил спасти моего сына. Теперь скажи, какая корысть была в том действии? Почему ты, получив информацию о двух порталах, ведущих в различные миры, не бежал на Ганио?

– Никакой корысти у меня не было, Роман Карлович. Признаюсь честно: я был зол, дезориентирован, но не настолько, чтобы позволить мальчику погибнуть или стать объектом вымогательства. Я офицер. Не знаю вашего мнения относительно Галактической войны, но могу заверить, что люди, воевавшие на стороне Альянса, чаще всего попадали в армию по принуждению. А уж потом, на поле боя, каждый сам разбирался, что к чему, делал собственные выводы, касающиеся войны, ее справедливости и прочего...

– Можешь не продолжать. Я прекрасно понимаю, о чем идет речь. В свое время ситуация, сложившаяся на Юноне и Везувии, получила широкую огласку. За человека прямо говорят его дела. В данном случае истина применима и к тебе, верно? – Сенатор сощурился. – Так ты принимаешь мое предложение?

– С благодарностью, – ответил Гюнтер. – Иван действительно нуждается в охране. И я смогу спокойно разобраться как в себе, так и в окружающей реальности. Надеюсь, время на реабилитацию мне дадут?

– Дадут, – кивнул Роман Карлович. – Широкой огласки дело не получило, о том, что ты являлся в прошлом пехотным андроидом, будет знать лишь узкий круг лиц. Посмотрим, как ты вступишь в наше общество. Если все пойдет нормально, без срывов с твоей стороны, то лучшего телохранителя для сына я и помыслить не могу. По рукам?

– По рукам.

Столетов выдержал небольшую паузу, а затем задал мучивший его, не дающий покоя вопрос:

– И все-таки, Гюнтер, у тебя есть предположение, кто бы мог организовать похищение Ивана?

Шрейб задумался, но не надолго.

– В разговоре его похитителей прозвучала одна фраза: *если Столетов не заплатит, то заказчик приказал убить щенка.*

– Сволочи... И как ты оцениваешь подобный приказ?

– Нужно искать, кому *потенциально* выгодна смерть Ивана. Если, конечно, господин сенатор, в вашем прошлом нет мотива для чьей-то личной мести.

Столетов поначалу едва удержался, чтобы не вспылить. Слишком дерзко и прямо высказывался Гюнтер, но в конце концов сенатор сдержал эмоции.

– Враги у меня, конечно, есть, – произнес он, исподлобья глядя на Шрейба. – Но не настолько циничные, чтобы решиться на убийство ребенка. Да и те, о ком я думаю, выдвигали бы политические, а не финансовые требования, давили бы на меня в иной сфере. Нет, похищение, скорее всего, не связано с моей деятельностью на посту сенатора или грешками бурной молодости.

– В таком случае мотив остается один – деньги.

– Почему убить, если я не заплачу?

– У вас есть дети, кроме Ивана? – поинтересовался Гюнтер.

– Еще два сына. Олмер и Дмитрий.

– Чем они занимаются?

– Димка еще очень мал. Ему только исполнилось три года. А вот Олмер – мой сын от первого брака – недавно начал самостоятельный бизнес в секторе Корпоративной Окраины.

– *Свой* бизнес? – уточнил Гюнтер, сделав ударение на первом слове.

– Ну, если вдаваться в тонкости, то деньги дал я, и фирма формально

принадлежит мне.

– Значит, в случае вашей внезапной... кончины наследство делится на три части?

– Да.

– В том числе и акции недавно открытой фирмы?

– Верно.

– Не стану навязывать вам своего мнения, Роман Карлович. Но подумайте на досуге, кому все-таки выгодна именно *смерть* Ивана. Иной ниточки, ведущей к заказчику, на мой взгляд, нет.

Сенатор еще более помрачнел.

– Я подумаю, – пообещал он.

Так для капитана Шрейба началась новая жизнь.

Его никто не задерживал на выходе из кабинета сенатора. Коридоры загородной резиденции Столетова были пусты, из окон (на Грюнверке считалось дурным тоном использовать настенные экраны) открывался великолепный вид на тщательно ухоженную лесопарковую зону.

Гюнтер прошел по коридору, спустился по расширяющейся книзу лестнице и, миновав огромный холл, так же беспрепятственно вышел на улицу.

Вокруг, куда ни посмотри, – океан зелени. Вековые деревья различных пород образовывали тенистые аллеи, по сторонам которых среди ухоженного кустарникового подлеска скрывались живописные поляны с небольшими водоемами, домиками раннего колониального стиля, беседками или же просто выложенными из дерна скамейками.

Он побрел наугад, куда смотрели глаза.

Сознание Гюнтера как будто опять распадалось на фрагменты восприятия. С одной стороны, древний пехотный андроид медленно брел среди зелени, машинально фиксируя обилие датчиков, искусно замаскированных среди листвы, с другой – возродившаяся душа капитана Шрейба испытывала трепет перед буйством природы – всё, что он помнил, было связано либо с перенаселенной техносферой мегаполисов Земли, либо с войной, и, наконец, третья, если можно так выразиться, «составляющая» вновь народившегося самосознания Гюнтера – некий синтез между логикой машины и чувствами человека – находилась в полнейшем замешательстве.

Свернув с аллеи, он прошел через заросли незнакомого ему кустарника и, подчиняясь внезапному порыву, опустился в траву.

Он болезненно воспринимал свою неполноценность.

Как хотелось ему вдохнуть, ощутить запахи, осязать прикосновение

настоящей, ничем не изуродованной природы, но, увы, пехотные сервомеханизмы оснащались только теми сенсорами, которые были необходимы для ведения боевых действий.

Конечно, встроенный газоанализатор в состоянии определить состав атмосферы, но прибору не отличить запах травы от аромата цветов, зато он мог с точностью определить, какой тип смазки был пролит на землю, или по составу дыма классифицировать подбитую технику...

Сложно передать словами не понятные ни человеку, ни машине чувства, зарождавшиеся сейчас в сознании Гюнтера.

Он погиб и возродился.

В нем осталось очень много от человека, чьи эмоции и мысли день за днем, в тяжких, иссушающих рассудок боевых буднях копировались в искусственные нейронные сети кристалло модуля «Одиночка» и навек остались там обрывками воспоминаний, фрагментами схваток, визуальными образами, лихорадочными, надрывными мыслями...

Я хочу дышать, чувствовать, ощущать мир, как ощущал его прежде...

Но, Гюнтер, ты обрел фактическое бессмертие, разве так сложно ради вечности поступиться некоторыми человеческими слабостями?

Это не слабости. Это то, за что я дрался, за что погибал...

За запах травы?

И за него тоже. За возможность жить, за то, чтобы однажды увидеть, ощутить мир своей полузадохнувшейся мечты, такой же зеленый и прекрасный, как простирающийся вокруг Грюнверк...

Рваные, спутанные мысли.

Ты выжил, ты обманул время, проведя столетия в энергосберегающем режиме, ты один из немногих, кто уцелел в той войне...

А я ли это?

Гюнтер задавал вопросы себе и сам же пытался ответить на них.

Я хочу жить, – упрямо, будто заклятие, повторял внутренний голос. – Хочу вернуть себе способность чувствовать всё, что ощущал и чувствовал раньше. И ради этого пойду на всё...

Сидя в траве, посреди парка, окружающего особняк сенатора Столетова, древний пехотный андроид с обрывками сознания человека обрел и сформулировал мечту.

Мечту, ради которой он был готов на многое.

В это же время, пока Шрейб бродил по аллеям парка, осмысливая случившиеся с ним метаморфозы, Роман Карлович разговаривал по каналу

гиперсферной частоты.

Нужно сказать, что сенатор Столетов, представлявший планету Грюнверк в Совете Безопасности Миров, на самом деле являлся весьма значительной политической фигурой и обладал огромным влиянием, которое никогда не использовал по мелочам и очень редко – в угоду амбициям. Да, он лоббировал интересы своей родной звездной системы и еще некоторых «молодых» колоний Окраины, где большинство населения составляли выходцы с «зеленой планеты»^[27], но делал это в рамках закона.

Сейчас Роман Карлович, потрясенный произошедшими событиями, едва ли не впервые прибег к своему несомненному влиянию ради такой ничтожной проблемы, как адаптация потрепанного пехотного андроида к условиям современного мира, где к древним боевым машинам относились без опаски, лишь когда те находились за толстым стеклом музейных витрин.

Канал связи на гиперсферных частотах позволял сенатору и его собеседнику обмениваться голографическими изображениями, в результате чего в кабинете Столетова возникла фигура человека лет сорока пяти, опрятно и тепло одетого (на Дарвине сейчас властвовала зима), немного полноватого, но не обрюзгшего, с веселой искоркой заинтересованности во взгляде серых глаз.

– Что скажешь, Сергей Петрович? – вместо приветствия спросил Роман Карлович.

Голографическая фигура, сориентировавшись в обстановке кабинета, повернулась к сенатору.

– Случай неординарный, но я с удовольствием возьмусь помочь.

– Прямо «с удовольствием»? – иронично поддел собеседника Столетов.

У Сергея Петровича Романова, ведущего специалиста института биокрибтероники, основанного на планете Дарвин правительством Грюнверка, не было ни одной причины, чтобы отказать в личной просьбе сенатору планеты-метрополии. Более того, он действительно был рад открывшейся возможности для проведения серии смелых, давно задуманных экспериментов.

– Может быть, я неверно выразился, господин сенатор, хотя для меня научные изыскания на самом деле – удовольствие. Наш институт, как вы наверняка знаете, занимается не только теорией, есть и свои производственные лаборатории. Единственное, в чем мы испытываем дефицит, так это в материале для экспериментальных исследований.

Корпорации, производящие современные человекоподобные машины, опасаются постановки экспериментов. Они охраняют свои технологии и всячески препятствуют «нецелевому» использованию андроидов. Гюнтер для меня – идеальная кандидатура. Мы не раз обращались к правительству Ююны с просьбой дать нам небольшое количество сервов древнейших модификаций, но каждый раз получали вежливый, но твердый отказ, мотивированный тем, что мир Ююны уникален, там протекают процессы кибернетической эволюции, вторгаться в которые с современными технологиями непозволительно.

– Чем конкретно ваш институт сможет помочь Гюнтеру? – Столетов, выслушав собеседника, нетерпеливо перешел к обсуждению практических вопросов.

– Мы сделаем из него человека, – широко улыбнулся Романов.

– Прямо-таки человека? – не поверил сенатор.

– Ну, я, конечно, выражаюсь образно, – поправился Сергей Петрович. – Некоторые сервомоторы мы заменим на лайкороновые мускулы, его тело утратит угловатость машинных форм, новый тип пеноплоти, неотличимый от настоящих кожных покровов, вернет ему индивидуальные черты лица – все изменения перечислять долго, да и незачем. – Романов поймал вопросительный взгляд сенатора и дополнил: – Наш исследовательский интерес заключен в наблюдении за реакциями машины, за увеличением либо уменьшением доли личности Гюнтера в управлении поведением, с приобретением привычного для человека облика. Ведь он помнит себя. Таким образом, выполняя вашу просьбу, мы наконец открываем серию экспериментов, результаты которых помогут сблизить человека и машину, сузить разделяющую нас до сих пор пропасть. К тому же мы проводим серию опытов с колониями наномашин нового поколения. Высокотехнологичные микрочастицы, выполненные на молекулярном уровне, по нашим замыслам, должны считывать и запоминать информацию структуры как механической, так и биокрибернетической составляющих человекоподобной машины...

– Для чего такие сложности? – перебил его вопросом Роман Карлович.

– Мы разрабатываем универсальную систему регенерации, – пояснил Романов. – Микромашинные комплексы нового поколения способны не только анализировать и запоминать все структуры, не важно, биологические они, кибернетические либо механические, но и восстанавливать их по мере необходимости. Нам удалось создать особый вид наночастиц, которые, считывая информацию с других микромашинных комплексов, способны воспроизводить ее, создавая точные копии

утраченных либо поврежденных элементов. Простой пример: андроид поранил руку, у него повреждена пеноплоть, лайкороновая мышца и фрагмент сервомотора. Упомянутые частицы получают информацию о первоначальной структуре и воспроизведут ее путем создания новых микрочастиц, соответствующего химического строения, механической прочности и функциональности.

– То есть машину не нужно будет отправлять в ремонт, повреждение «заживет», как рана у человека? – удивился Столетов.

– Именно так, господин сенатор, – кивнул Романов. – Эксперимент рассчитан на много лет, до выхода конечного продукта еще очень далеко. Мы будем признательны, если каждый месяц наш институт станет получать отчеты о техническом состоянии Гюнтера, о полученных им случайных травмах и их последствиях. Раз в год я бы просил вас отправлять Шрейба к нам для обследования. Это приемлемые условия?

Роман Карлович задумался.

– Об этом лучше спросить самого Гюнтера. Все же в его нейросетях доминирует человеческая личность.

– Да, я понимаю. И этот аспект представляет особый интерес. Например, мне не ясно – вся ли память Гюнтера Шрейба сейчас раскрыта? Нет ли среди данных, размещенных в искусственных нейросетях или на кибернетических носителях, неких сжатых, архивированных фрагментов, которые раскроются при инсталляции дополнительных нейромодулей?

– Вы сейчас с кем разговариваете, профессор? – напомнил о себе сенатор.

– Извините, увлекся. – Романов немного сконфузился. – Я непременно переговорю с Гюнтером. Думаю, он согласится на добровольное формирование ежемесячных отчетов в обмен на явные усовершенствования своего облика и структуры.

– Договорились. – Столетов не скрывал, что доволен предложенным решением проблемы. – При первой же возможности я отправлю Шрейба к вам. Да, есть несколько условий, господин Романов. Во-первых, я настаиваю на полной секретности. Во-вторых, тщательно протестируйте ядро системы, выясните, действительно ли боевые программы находятся под контролем искусственных нейронных сетей. Если это так, то не трогайте боевую составляющую. Гюнтер согласился стать телохранителем моего сына, и я хочу, чтобы он исполнял свои обязанности с максимальным профессионализмом.

– Я все понял, – кивнул Сергей Петрович. – Очень увлекательная исследовательская задача. Я обязательно выясню все интересующие вас

вопросы и представлю подробный отчет.

– В таком случае – до связи. Я не могу сейчас точно сказать, когда именно Шрейб прибудет на Дарвин, но, как только он появится у вас, постоянно держите меня в курсе событий.

– Можете не волноваться, господин сенатор. – Романов кивнул, прощаясь.

Сфера стек-голографа растаяла в воздухе.

Глава 3

Одиннадцать лет спустя...

Планета Грюнверк не зря получила свое название. В переводе с одного из древних языков Земли оно означает «зеленый мир».

Действительно, одна из первых колоний человечества, возникшая в начальном периоде Великого Исхода, утопала в зелени садов, лесов и парков. Грюнверк не затронула Галактическая война, цивилизация планеты, насчитывающая в настоящее время всего восемнадцать миллионов человек, не испытала пагубного процесса утраты знаний, напротив, наука здесь продолжала развиваться, следуя путем глубокого изучения исконной биосферы, постоянного совершенствования синтеза земных и местных форм жизни ^[28].

Такой подход к колонизации дал положительный результат. Изначально бережное отношение к природе осваиваемой планеты позволило создать *смешанную* биосферу, в рамках которой теперь прекрасно уживались друг с другом представители флоры и фауны различных миров.

Постепенно Грюнверк превратился в огромный парк. На планете не существовало ни одного мегаполиса, самым крупным наземным сооружением являлся космический порт, обслуживающий исключительно пассажирские перевозки.

Однако ни один мир современности не может существовать без развитой промышленности. Грюнверк не стал исключением из правила: «зеленую планету» окружало множество орбитальных конструкций. В космос были вынесены все способные причинить вред экологии производства, здесь же располагались исполинские терминалы ультрасовременного космопорта, через который шел нескончаемый поток транзитных грузов, – Грюнверк, помимо прочего, являлся одной из важнейших узловых точек транспортной сети Центральных Миров ^[29].

Ольга Наумова, пресс-секретарь Столетова, работала в команде Романа Карловича около года, но на «зеленую планету» прилетела впервые – уроженка Элио ^[30], она в последнее время не покидала родной мир, представляя общественности позицию сенатора в периоды заседаний Совета Безопасности Миров, которые проходили один раз в три месяца.

Дел у Ольги хватало и в перерывах между рабочими сессиями

главного института глобальной общегалактической системы безопасности, поэтому она чаще общалась с Романом Карловичем через сеть Интерстар, личные встречи происходили гораздо реже.

Столетова Ольга уважала, как человека целостного, принципиального; сенатор откровенно чурался той части политической жизни, что носит название «сенатского болота», предпочитая кулуарной подковерной борьбе прямые, откровенные выступления с трибуны Совета Безопасности.

В этом смысле Наумовой крупно повезло: на пресс-конференциях Ольге не приходилось изворачиваться и лгать, твердая позиция Столетова относительно ряда болевых, животрепещущих политических вопросов позволяла сотрудникам его команды выступать, опираясь не на размытые, двусмысленные формулировки, а говорить прямо, придерживаясь логичной, последовательной и понятной линии поведения Романа Карловича.

В свои двадцать пять лет Ольга уже чувствовала себя уверенно среди коллег, к ней быстро пришла известность, карьера складывалась более чем удачно, а вот в личной жизни как-то не везло. Возможно, причиной тому была постоянная занятость – когда полностью отдаешь себя делу, живешь в напряженном ритме неровного политического пульса Конфедеративного Содружества сотен Обитаемых Миров, личная жизнь вдруг начинает отходить на второй план, скользить мимо... но, несмотря на постоянную занятость, Ольга не переставала ощущать себя женщиной, порой она остро, с болезненной грустью чувствовала, как ее романтические порывы и стремления попросту разбиваются о постоянную нехватку времени и выработавшуюся за последнее время привычку придирчиво и проницательно оценивать собеседника...

Многие мужчины, проявлявшие к ней повышенное внимание, при близком, пристальном рассмотрении оказывались далеко не такими, какими хотели себя преподнести. Пару раз Ольга пыталась откровенно закрыть глаза на недостатки избранника, желая видеть только достоинства... но не получалось. Два горьких разочарования на некоторое время вообще отвратили ее от попыток наладить личную жизнь, но в глубине души она хранила трепетную, нерастраченную нежность – надежда встретить мужчину своей мечты не угасала, лишь пряталась все глубже, страшась новых предательств.

На Грюнверк она прилетела по делам: намечалось сложное заседание Совета Безопасности Миров, и Столетов заранее вызвал ее, чтобы в спокойной обстановке обсудить предстоящие выступления, набросать комментарии для прессы, выработать единую линию поведения,

обозначить принципиальные позиции, где не должно быть даже малейших разногласий или двусмысленных высказываний.

Командировка на «зеленую планету» внезапно обернулась для Ольги своеобразным отпуском: днем они с Романом Карловичем работали по два-три часа, остальное время оставалось в полном распоряжении Наумовой. Особенно нравились Ольге прохладные, напоенные ароматами цветов и растений вечера, когда стихал ветер, медленно подкрадывались сумерки, над горизонтом всходили две крупных луны, а безоблачное небо вдруг волшебным превращалось в усыпанную яркими звездами бесконечность...

Резиденция сенатора Столетова располагалась посреди огромной лесопарковой зоны.

Центральный комплекс зданий утопал в зелени, над кронами деревьев возвышался лишь один этаж с несколькими террасами и открытыми смотровыми площадками.

В один из удивительных, теплых и в то же время напоенных бодрящей свежестью летних вечеров Ольга стояла в глубокой созерцательной задумчивости, облокотившись о перила, наблюдая, как медленно спускаются сумерки.

Дышалось легко, свободно, от расположенного ниже парка струились волнующие, незнакомые ароматы, щебет птиц и звуки, издаваемые неведомыми ей насекомыми, сливались в удивительную гамму, в сумерках терялись очертания приземистых зданий, и казалось, что биосфера планеты не тронута вмешательством человека...

Лишь далеко, примерно в километре от усадьбы, взгляд Ольги уже не в первый раз замечал характерное зеленоватое сияние суспензорного поля^[31], к которому примешивался бледный зеленовато-белый свет.

Она каждый раз задавалась вопросом: что же там может находиться, но потом забывала спросить о странном, с ее точки зрения, явлении.

Сегодня она опять заметила пробивающийся сквозь кроны деревьев свет.

Делать было решительно нечего: вечерний прием у сенатора уже завершился, спать не хотелось, и Ольга, охваченная внезапным исследовательским порывом, решила спуститься и пройти по аллее в направлении загадочного сияния.

...Под сенью деревьев царил таинственный сумрак, грозивший вскоре трансформироваться в непроглядный мрак, если бы не отраженный свет двух лун, начавших неторопливое движение по усыпанному звездами небосводу.

Ольга шла по аллее, прислушиваясь к пению ночных птиц, невольно внимая тревожащим воображение вскрикам неведомых ей животных.

Не слишком ли самонадеянно с моей стороны пускаться в прогулку по лесопарковой зоне, куда ночью могут заходить и обитатели иных, заповедных уголков этого региона планеты? – подумалось вдруг. О крупных, опасных для человека хищниках ее никто не предупреждал, но некоторые звуки, изредка долетающие из глубин леса, вызывали легкий холодок, скользящий вдоль спины.

Однако любопытство оказалось сильнее надуманных страхов. Ольга лишь невольно ускорила шаг, пока вдалеке не забрезжило то самое загадочное зеленовато-белое сияние.

Граница поля суспензорной защиты открылась ей неожиданно: аллея, оказывается, оканчивалась тупиком, далее начинался лес, на краю которого за редким кустарником располагалась поляна, – именно оттуда сочился свет.

Ольга невольно остановилась в нерешительности.

Свойства суспензорного поля были ей хорошо известны, смущало и настораживало другое – поляна и прилегающий кустарник буквально искрились в ночи, голые ветви почему-то уронили листья, а там, где они сохранились, пожухлую желтизну осеннего наряда окаймляло что-то белое, искристое, похожее на выпаренные кристаллы соли.

Иней...

В том регионе Элио, где располагался Раворград^[32], зима являлась понятием условным, она ассоциировалась с незначительным похолоданием и выпадением дождей, снег Ольга видела лишь раз в жизни, но такие понятия, как «иней» и «лед», были ей хорошо знакомы после памятного экскурсионного тура в систему Эригон^[33], где она побывала в знаменитых на всю Обитаемую Галактику подледных городах.

Здесь, наверное, проводится какой-то эксперимент, – решила она, приближаясь к границе защитного поля, и вдруг остановилась, пораженная внезапно открывшимся ракурсом восприятия: у края поляны, на расчищенной от снега площадке, стоял стол, подле которого располагалось несколько кресел и высился компьютерный терминал. На столе стояла ваза, в ней – букет, составленный из побегов замерзшего травянистого растения с узкими и длинными, покрытыми бахромой инея листьями, рядом курилась паром чашка с только что сваренным напитком коричневого цвета, за столом в задумчивой позе сидел легко одетый человек лет тридцати – тридцати пяти. Черты его лица невольно притягивали взгляд,

было что-то суровое и в то же время спокойное, уверенное в застывшей мимике, едва приметная, несвойственная его возрасту сеточка ранних морщин разбегалась от уголков глаз незнакомца, тонкий с небольшой горбинкой нос, бледные в бело-зеленом свете щеки, упрямый, волевой подбородок, тонкая линия плотно сжатых губ, взгляд серых глаз, устремленный куда-то вдаль, – все это, вместе взятое, формировало таинственный, притягательный образ.

Ольга понятия не имела, кто он и как отреагирует на вторжение с ее стороны, но что-то внутри дрогнуло, сжалось, заставило сделать шаг, перейдя черту между влажным ночным сумраком лета и холодной искрящейся границей зимы...

В суспензорном поле тут же начал формироваться локальный проход, видимо, вокруг были расположены датчики, отреагировавшие на появление человека, одновременно Ольга почувствовала настоящее дыхание стужи, и с ее одеждой тут же произошли мгновенные метаморфозы: легкое летнее платье, сотканное из нановолокон, отреагировало на резкий перепад температур – в память микроскопических машин, управляющих структурой нановолокна, были заранее введены десятки описаний всевозможных вариантов одежды, но до этого момента Ольга пользовалась едва ли сотой частью потенциала ультрасовременной ткани, разработанной на основе высочайших технологий.

Через пару секунд холод исчез, остался лишь легкий нервный озноб, вызванный неординарностью происходящего. Взглянув на себя, Ольга увидела, что теперь одета по-зимнему, платье превратилось в легкую, но теплую шубку, туфли трансформировались в плотно облегающие мягкие сапоги из искусственной замши, закрывающие ноги выше колен, ее голова осталась непокрытой, но теплый воздух уже льнул к порозовевшим щекам – это начала работу встроенная система терморегуляции.

Локальный проход в суспензорном поле завершил формирование, оконтурившись точечными огоньками, обозначившими его габариты.

Незнакомец поднял взгляд и внезапно произнес:

– Проходите быстрее, Ольга Владимировна, иначе произойдет нежелательное колебание температуры.

Она удивилась, но сумела подавить волнение.

– Я вам помешала? Извините...

– Ничего страшного. Вы, наверное, увидели необычное свечение в парке...

– Да. – Ольга смутилась, что было для нее нехарактерно, и добавила, заставив себя улыбнуться: – Представляете, помчалась, как мотылек на

свет.

Он улыбнулся в ответ, встал, отодвигая для нее кресло, и предложил:

– Присаживайтесь.

Она приняла приглашение.

Окружающее пространство казалось нереальным – чуть дальше, вне купола суспензорной защиты, благоухала летняя ночь, а тут на узловатых ветвях незнакомых деревьев лежал густой слой инея, поляну покрывал снег, пограничный кустарник стоял голый, лишь несколько так и не опавших, пожелтевших листьев сиротливо украшали заиндевелые ветви...

Незнакомец дождался, пока она присядет на край кресла, затем, будто волшебник, поставил перед ней вторую, точно так же курящуюся паром чашку с коричневатым, пахнущим пряностью напитком.

– Это настой трав с добавлением кофе и Диахра, – пояснил он.

– Спасибо. – Она подняла взгляд. – Вы назвали меня по имени. Мы знакомы?

– Нет. Но я осведомлен обо всех, кто находится на территории усадьбы сенатора.

– В таком случае...

– Зовите меня просто: Гюнтер. – Он сел напротив, взглянул на Ольгу и добавил: – Я личный телохранитель Ивана Столетова.

Ольга удивленно приподняла бровь.

– Телохранитель?

– Да. Мальчику одно время угрожала опасность. С тех пор он вырос, но я по-прежнему отвечаю за его безопасность.

– А это? – Ольга обвела жестом руки поляну с несколькими растущими в ее центре кряжистыми деревьями.

– О, это мое хобби. Господин Столетов позволил мне провести ряд экспериментов.

– И что вы тут выращиваете? – Ольга все еще не понимала, зачем посреди великолепного парка нужно было создавать фрагмент морозной зимы.

– Диахр, – ответил Гюнтер, жестом указав на три дерева, растущие в центре поляны.

Ольга изумленно посмотрела на него, затем молча взяла чашку с предложенным напитком, осторожно сделала маленький глоток терпкой, обжигающей жидкости и вдруг почувствовала, как слегка закружилась голова, исчез дискомфорт от ощущения холода, все будто преобразилось, приобрело иную, более яркую окраску восприятия, на душе стало легко, и вместо пробегающего по спине озноба в животе и груди разлилось

приятное тепло.

Гюнтер также сделал небольшой глоток и спросил:

– Нравится?

– Неожиданные ощущения, – призналась Ольга, невольно кинув взгляд на кряжистые, узловатые деревья с распростертыми, будто руки, жилистыми ветвями. – Я никогда раньше не пробовала Диахр, но слышала, что нигде, кроме Флиреда^[34], он не произрастает, а все попытки привить его на других планетах неизменно оканчивались полным провалом.

– Да, верно, – соглашаясь с ней, кивнул Гюнтер. – Но у моих предшественников попросту не хватало терпения, знаний и специального климатического оборудования. Дело в том, что год на Флиреде длится шесть универсальных лет, а сама планета обращается вокруг звезды по вытянутой эллиптической орбите, то удаляясь от светила, то приближаясь к нему. Зимой на Флиреде царит стужа, летом – невыносимая жара, и каждый сезон длится порядка двух лет относительно земного эталона.

– Удивительно. А как же там живут люди?

– Они на зимний период вынуждены уходить в специально оборудованные убежища и погружаться в криогенный сон, – со знанием дела ответил Гюнтер. – Вообще Флиред – удивительная планета.

– А почему вас привлек именно Диахр?

– Мне было интересно. Сложная задача, – лаконично пояснил он.

– Деревья молодые или старые? – Ольге все еще не верилось, что она действительно видит настоящий Диахр, о котором ходило больше слухов, чем правдивой, проверенной информации.

– Им один год. По меркам Флиреда, конечно, – тут же внес поправку Гюнтер. – Весной молодые саженцы развиваются очень быстро и к периоду наступления летней жары уже похожи на настоящие взрослые деревья, иначе им не перенести летнего зноя и последующей зимы.

– Скажите, Гюнтер, а сок добывают из листвы? Я что-то слышала о цветке безумия или бешенства... По-моему, речь шла именно о Диахре и содержащемся в нем наркотике.

Он усмехнулся.

– На самом деле все обстоит немного иначе, Ольга Владимировна, – вежливо ответил Гюнтер. – Диахр не содержит наркотических веществ. Растение выделяет стимулятор, известный под название «слеза Диахра» или «роса Диахра», который содержится в бутонах в период цветения. На лепестках во время невыносимой жары образуются маленькие капельки жидкости, предназначенные для существ, опыляющих соцветия. Роса не

утоляет жажду, лишь придает сил небольшому по размеру зверьку, похожему на земную белку-летягу. Животное, в тщетной попытке утолить жажду, снует по веткам, собирая росу и опыляя соцветия. Находясь под воздействием стимулятора, один зверек способен за сутки полностью опылить до сотни деревьев.

– Наверное, он погибает от истощения и жары? – предположила Ольга.

– Нет. Период транса быстро проходит, Диахр цветет всего неделю, а вот накопленные в организме запасы уникального метаболического стимулятора помогают зверькам перенести зимнюю стужу. На Флиреде удивительная, не имеющая аналогов природа, за миллионы лет выработавшая свои механизмы выживания видов в контрастных, изменчивых и суровых условиях внешней среды, – охотно пояснил Гюнтер.

Ольга постепенно согрелась, окружающая обстановка больше не казалась такой вызывающе-чуждой, как вначале, но ее интерес к Диахру достаточно быстро угас, а внимание переключилось на Гюнтера.

Он тоже смотрел на нее, испытывая смешанные противоречивые чувства.

После коренной реконструкции его тела прошло почти десять лет. За это время он перестал ощущать кричащую ущербность неожиданной реинкарнации, время постепенно сгладило шоковые впечатления, полученные после выхода из энергосберегающего режима на безвоздушной планете системы Ожерелья.

Благодаря избыточному даже для современной модели андроида количеству нейрочипов, он не только сохранил целостность возродившейся личности, но смог продолжить развитие, усваивая огромное количество новой информации, не теряя при этом памяти о прошлом.

Лайкороновые мышцы, заменившие большинство сервоприводов, собственная температура тела, кожные покровы вместо пеноплоты, способность воспринимать окружающее зрением, обонянием, осязанием и слухом, не задействуя встроенных сканирующих комплексов, минимальная потребность в пище, воздухе и воде постепенно изгоняли из сознания комплекс неполноценности, Шрейб все чаще и дольше ощущал себя человеком.

Конечно, не все происходило так гладко, как могло бы показаться.

Его рефлексия, основанная на травматической памяти прошлого, поначалу прогрессировала, серьезно осложняя адаптацию в новой, изменившейся коренным образом реальности.

Наибольший дискомфорт Гюнтеру доставляла бессонница, вернее –

отсутствие потребности сна, когда ночи, проводимые в одиночестве, сильно угнетали, казались бесконечными, особенно поначалу, еще до посещения системы Дарвин. Пока облик древнего пехотного андроида был способен напугать гостей сенатора Столетова, ему приходилось проводить долгие вечерние и ночные часы в специальном встроенном шкафу, или, если выразаться общеупотребляемыми терминами, техническом боксе для домашних кибермеханизмов.

Это явилось серьезным испытанием для едва возродившейся личности. Долгими ночами, пока в особняке Столетовых шли, затягиваясь до самого утра, приемы и вечеринки с обязательным участием «нужных людей», он размышлял, чувствуя, что бесконечный анализ собственной памяти и происходящих вокруг событий в конце концов до добра его не доведут. Только привязанность к Ивану спасала Гюнтера от необдуманных поступков.

Постепенно он научился справляться с неизбежным ночным бездействием. По его настоятельной просьбе, под предлогом обеспечения безопасности Столетова-младшего, «технический бокс» смонтировали в спальне Ивана, с тех пор Гюнтер смог позволить себе входить в энергосберегающий режим, «дремать», оставив настороже пару сканирующих комплексов.

Этой привычки он не оставил и после того, как ему поменяли внешность. Собственно, если разбираться беспристрастно, то профессор Романов заново воссоздал истинный облик Гюнтера, а применение новейших материалов и технологий трансформировали андроида в киборга ^[35].

Теперь у него не было нужды прятаться от кого-то в шкафу; рядом со спальней подрастающего Ивана его бессменному телохранителю оборудовали собственную комнату с компьютерным терминалом, двумя креслами и кроватью.

Радикальные изменения благотворно повлияли на Шрейба.

Он по-прежнему не нуждался в сне, но постепенно нашел для себя множество полезных и увлекательных занятий, таких, как исследование межзвездной сети Интерстар, знакомство с новыми мирами, выращивание Диахра, изучение истории минувшего тысячелетия.

Призраки войны являлись к нему все реже, душевное равновесие временами казалось незыблемым, лишь изредка вдруг накатывала оглушающая тоска, порождающая чувство морального вакуума, духовной пустоты, когда Шрейб внезапно и остро начинал воспринимать людей как

иных существ, – их суетность раздражала, некоторые поступки вызывали резкое неприятие, но Гюнтер справлялся с подобными приступами, не позволяя им выплеснуться наружу.

Он очень сильно изменился относительно того прототипа человеческого сознания, что послужило первоначальной матрицей для формирования его рассудка. Эмоции далекой войны, как казалось, задремали со временем, а потом и вовсе уснули, неостребованные, но не утраченные.

Так складывались обстоятельства. Никто ведь не станет спорить, что в большинстве случаев именно бытие определяет сознание и редко – наоборот. После успешной эвакуации с Первого Мира Гюнтер, попав на планету Грюнверк, постепенно обрел душевный покой. Множество факторов способствовало наступившим в нем переменам, но главным, конечно, являлась доброжелательная эмоциональная обстановка в доме Столетовых и исторически сложившееся положительное отношение жителей «зеленой планеты» к человекоподобным машинам.

Некоторое время Шрейб, конечно, ощущал внутренний дискомфорт.

Его сознание, фактически вырванное из преисподней, трудно интегрировалось в мирную жизнь, но время взяло свое, прошлое не потускнело, как бывает в памяти человека, но перестало быть актуальным, отошло на второй план.

Война, опустошившая душу, исковеркавшая разум, казалась ему худшим из зол, болезнью, массовым безумием, против которого хороши любые лекарства.

Медленно и тяжело он постигал науку сдержанности, учился не равнодушию, но полному самообладанию, отдавая предпочтение философским взглядам на мир, не имеющим ничего общего с конформизмом или бесчувственностью машины. Гюнтер вполне четко осознавал: возникни экстремальная ситуация, требующая его вмешательства, и он не останется в стороне от событий, но пока что судьба берегла его, жизнь на Грюнверке текла спокойно, размеренно, заботы по обеспечению безопасности Ивана отнимали не так уж много времени и сил – мальчик вырос, минула его юность, и сейчас двадцатилетний сын сенатора готовился пойти по стопам отца, посвятив себя межпланетной дипломатии.

В будущем это сулило немало хлопот, но, пока Иван не покидал родную звездную систему, изучая галактическое право в университете, у его личного телохранителя практически не возникало проблем.

Беспокойство доставляли лишь редкие визиты в отчий дом старшего

сына Романа Карловича.

Олмер, занимавшийся бизнесом в секторе Корпоративной Окраины, не утруждал себя приличным поведением, не скрывая своего неприязненного отношения к Ивану и Дмитрию, но пока дело не заходило дальше косых взглядов и плоского сарказма, Гюнтер не вмешивался...

– О чем вы так глубоко задумались?

Голос Ольги вернул его в реальность.

Шрейб впервые за последние годы испытывал неловкость, не зная, как себя вести.

Похоже, она не подозревает о моей истинной сущности...

В глазах его нежданной гостьи метались искорки грусти, надежды, неудовлетворенности жизнью, хотя Ольга Нечаева занимала высокое, привилегированное положение в команде сенатора Столетова, ей, наверное, грех было жаловаться на судьбу, но женщины пока что оставались для Гюнтера неразрешимой загадкой: их поведение, мотивации фактически не укладывались в рамки логики, ставшей стержнем самосознания Шрейба.

Сейчас ее взгляд внезапно всколыхнул в его душе что-то давно утраченное, позабытое или, быть может, не испытанное в полной мере, перечеркнутое той страшной войной и не возрожденное вновь...

– Я думал о капризах судьбы, посылающей нам негладные испытания, – произнес Гюнтер, все острее и беспокойнее ощущая, как что-то быстро и неуловимо вторгается в привычное восприятие, накладывается мятущимся чувством тревожного ожидания на каждую мысль...

– Я, по-вашему, каприз судьбы? – Ольга притворно нахмурилась, затем, взглянув на Гюнтера, не выдержала и рассмеялась: – Вы так холодны, рассудительны и спокойны, что мне становится зябко.

Шрейб, не ожидая подвоха, предположил:

– Быть может, система терморегуляции барахлит?

Она восприняла его слова как попытку неудачно пошутить.

– Смеетесь надо мной? – Ольга допила последний глоток напитка, чувствуя несвойственную ей робость, неуверенно встала и вдруг, поддавшись секундному порыву, обошла стол, склонилась к Гюнтеру и коснулась теплыми губами его щеки. – Спасибо за интересный рассказ. – Она отступила на шаг, затем обернулась и добавила: – Я зайду завтра, если вечер будет свободен, ладно?

– Конечно. – Он встал, желая проводить ее, не протестуя против решения Ольги уйти, но она отрицательно покачала головой. – Не нужно. Вы странный человек, Гюнтер. Я обязательно приду.

Еще секунда, и она исчезла, будто растворилась в нежно-зеленом

сиянии суспензорного поля, а он остался стоять подле стола, глядя на вазу, в которой искрились покрытые инеем ветви.

Ее слова пульсирующим эхом вновь и вновь отдавались в рассудке, на щеке Гюнтера пылало прикосновение ее губ, в душе стыло непознанными ощущениями внезапное открытие: профессор Романов, оказывается, не сообщил ему о потенциале чувственных реакций, заложенных в структуру искусственной нервной системы, управляющей живыми кожными покровами.

Или ее прикосновение пробудило частичку моей дремавшей до сих пор памяти?

Гюнтер в замешательстве стоял, тщетно пытаясь логически оценить глубину пронзивших его ощущений и чувств.

Внезапный срыв близился, он подступал волнами давно позабытой дрожи, но прикосновение женщины, тепло ее губ, фраза, признающая в нем человека, пробудили неадекватную реакцию: усиливающаяся бесконтрольная дрожь внезапно швырнула рассудок Шрейба в омут воспоминаний, закрутила его, как порыв осеннего ветра закручивает пожухлый кленовый лист...

Дрожь.

Неимоверное напряжение всех моральных и жизненных сил.

Тонкий визг сервомоторов, тяжкая поступь «Фалангера», ритмичные толчки отдачи от непрерывной работы импульсных орудий, располосованная росчерками лазерных разрядов, разодранная взрывами реальность, хриплые, надорванные голоса в коммуникаторе, пыль, камни, дым, разрывы, и опять непрекращающаяся, бесконтрольная дрожь, когда нервный вскрик, пришедший по связи, вдруг оборвался близким хлопком аварийно-спасательной катапульты, выбросившей пилот-ложемент из рубки изувеченного «Хоплита»...

– Граф?

Тишина.

Легкая серв-машина, остановившаяся в десятке метров от «Фалангера» Гюнтера, внезапно вспыхнула, как факел.

Он ушел в срыв.

Шрейб сейчас не принадлежал реальности, им овладел приступ травматической памяти, и чувство, порожденное поцелуем женщины, внезапно трансформировалось в страшные, но понятные ощущения.

Дрожь и смерть.

Война стерла из сознания Гюнтера слово «любовь», точнее, не слово, а то, что оно обозначает...

Он потерял ее и теперь стоял, не в силах вернуть или хотя бы вспомнить то чувство...

* * *

Ольга плохо спала этой ночью.

Ей было душно, воздух казался густым, тяжелым, мятущиеся в душе предчувствия упрямо и зыбко, почти нереально возрождали образ Гюнтера: он казался ей таким одиноким, сильным, погруженным в самого себя, замкнувшимся, но что удивительно – она воспринимала его целостно, без фальши, непонятный, но сладкий холод короткого общения с ним вызывал ответное чувство тепла, он, как ни один мужчина, сумел заполнить ее мысли, заинтриговать, не предприняв для этого особых усилий.

Душную, почти бессонную ночь сменил день с его заботами и встречами – впервые она слушала Столетова невнимательно, теряла нить разговора, ловила себя на посторонних мыслях.

Жаркий день тянулся бесконечно.

Ольге в какой-то момент стало страшно: почему все вдруг изменилось так резко, неожиданно, отчего она сидит сама не своя, слушая сенатора, но фактически не воспринимая его слов?

Она влюбилась.

Страшась признаться себе во внезапном, вспыхнувшем, будто лесной пожар, чувстве, Ольга лишь разжигала его – бесконечный день прошел, как в полусне, а вечерняя прохлада вдруг принесла тревогу, неопределенность и неуверенность: она боялась расспрашивать кого-либо о Гюнтере и в то же время хотела хоть что-нибудь узнать о нем, но задать прямой вопрос так и не решилась, не смогла заставить себя поговорить ни с Иваном, которого хорошо знала, ни с Дмитрием, младшим сыном сенатора.

Близился вечер.

Отказавшись от ужина, Ольга вышла на террасу, ощущая такое волнение, словно все в мире утратило смысл, и лишь приближающийся час встречи имел значение – она ждала и одновременно страшилась назначенного ею же самой свидания; это походило на легкое помешательство, затмение рассудка – никогда в жизни она не испытывала таких острых и сладких мук неопределенности...

Наконец начали понемногу сгущаться сумерки, сердце сначала замерло, а затем несколько раз глухо стукнуло в груди, когда в конце знакомой аллеи она различила слабое, постепенно разгорающееся с приходом темноты сияние – свет, излучаемый полем суспензорной защиты, как и вчера, смешивался с белым, холодным, но ничуть не отрезвляющим

бликом, – мороз пробежал по коже, когда она представила заснеженную поляну, покрытые искрящимся инеем деревья и его...

В смятении предчувствий и неопределенности она спустилась в парк, прошла по аллее, несколько раз порываясь развернуться и бежать назад, пока не оказалась у границы пожухлого, уронившего листву кустарника.

Раздвинув голые ветви, Ольга, не обращая внимания на трансформацию своей одежды, увидела запорошенную снегом поляну, в пространстве которой все разительно изменилось: три узловатых дерева по-прежнему высились в центре, но теперь их окружали глыбы брызжущего отраженным светом льда, в которых угадывались виденные где-то, смутно знакомые формы, несущие ощущение чего-то зловещего, непоправимого...

Пока она стояла, пораженная увиденным, поле суспензорной защиты сформировало локальный проход.

Гюнтера нигде не было видно. Сердце Ольги стучало так, словно пыталось вырваться из груди, она сделала один шаг, другой, пока не оказалась на поляне подле вырезанного из глыбы полупрозрачного льда изваяния.

Она едва дышала, глядя на исполинский четырехпалый ступоход тяжелой серв-машины, вдавивший мерзлую землю в том месте, где вчера стоял стол и кресла.

Ее взгляд скользнул выше, услужливая память окончательно восприняла образ гротескной фигуры – перед ней возвышалась выполненная из льда тяжелая серв-машина класса «Фалангер». Ольга не раз видела подобные механизмы по сферовизору, но этот выглядел странно и страшно, одновременно вызывая ничем не мотивированное чувство сопереживания, боли, идущее из глубин потревоженной, растерзанной противоречивыми ощущениями души.

– Гюнтер?

Тишина.

Ее голос прозвучал глухо в вязкой, мерзлой мгле, которая, как казалось, сгущается подле трех окруженных скульптурной композицией деревьев.

Ольга растерялась. Его явно не было тут. Но кто, кроме Гюнтера, мог создать эти фигуры, словно вставшие в страшный хоровод?

Конечно, их вырезал он, наверное, для меня, пытаюсь что-то сказать или передать посредством молчаливых ледяных фигур?

Растерянность Ольги граничила с отчаянием.

Почему он не пришел? Зачем мне нужны холодные глыбы льда, когда

в груди пылает огонь?

Она вновь подняла взгляд, сделала шаг, невольно обходя ледяные фигуры, выполненные в натуральную величину.

Постепенно ее глаза свыклись с искрящимися бликами, и, различив детали, Ольга вдруг поняла, почему у нее на фоне явного гротеска возникло ощущение страшной правдоподобности: контур исполинской серв-машины был словно смазан в движении, так порой выглядят сделанные на скорости снимки... Часть деталей боевого сервомеханизма казалась поврежденной, словно до нее тут побывал неведомый вандал, сокрушивший хрупкое ледяное изваяние, но, присмотревшись внимательнее, она поняла – это не дефекты льда и не следствие чьего-то варварского злого умысла: выбоины и трещины ткали рисунок ужасающих повреждений, в броне исполина зияли дыры, из которых, застыв в жутком правдоподобии, вырывались ледяные сполохи пламени и оконтуренные инеем клубы остановившегося в движении дыма...

Гюнтер... Где же ты? Почему не пришел? Зачем оставил мне это жуткое, ледяное послание?

Она шагнула дальше и увидела фрагмент острых скал, в которые врезалась покореженная конструкция катапультированного пилот-ложемента. В кресле пилота среди погнутых амортизационных дуг, безвольно уронив голову, застыла человеческая фигура. Ольга едва не вскрикнула, подойдя ближе, различив выражение муки и резанувшего по нервам *облегчения* застывшей навек мимики – мертвый пилот впитал ужас смерти и приветствовал ее в последний миг бытия, как освобождение из пылающего ада войны.

Еще один шаг, новая смена ракурса, и перед Ольгой возникла еще более странная и жуткая фигура: человек и сервомеханизм андроидного типа слились в единое целое, перед ней возвышалось изваяние, похожее то ли на сиамских близнецов, то ли на древнего мифического Януса – два лица, принадлежащие одной фигуре, смотрели в противоположные стороны. Лицо человека несло печать обреченной усталости, безысходности, застывшая, лишенная мимики маска пехотного андроида отражала полное равнодушие, безучастность к окружающему...

Она пыталась всмотреться в черты человека, но не узнала их.

Еще один шаг.

Роща ледяных деревьев, искаженное страхом лицо ребенка, обхватившего за шею странное животное, похожее на пса...

Ольга уже не контролировала себя, ее как будто выбросило в иную, совершенно незнакомую, чуждую ей реальность, из которой нет выхода...

Еще один шаг.

Руины каких-то разбитых укреплений, легкая серв-машина класса «Хоплит», превратившаяся в факел, объятая ледяными языками пламени, рвущегося из множества пробоин в броне.

Круг замкнулся.

Она вновь увидела зыбкую фигуру «Фалангера».

– Гюнтер!

Тишина в ответ.

Лишь огромными хлопьями срывается с веток потревоженный громким вскриком иней...

На глаза Ольги навернулись слезы.

Она ничего не понимала, но внутри уже разлился холод, словно пожиравший ее огонь угас, превратившись в застывшие навек языки ледяного пламени.

Он хотел что-то сказать ей, но понимание сути происходящего лежало где-то в иной плоскости бытия, вне рамок ее жизненного опыта.

Не в силах находиться в ледяном безмолвии, она, едва осознавая собственные действия, вдруг развернулась и кинулась прочь, через не закрывшийся проход в суспензорном поле, во тьму и душное тепло летней ночи, под сень живых деревьев...

Станция гиперсферной частоты системы Грюнверк в эти минуты автоматически вышла на связь с планетой. Передача шла из глубин космоса, по плавающему каналу ГЧ, без возможности вычислить источник данных. Направленный луч, расходясь широким конусом, накрыл парк, окружающий резиденцию сенатора, и Ольга вдруг остановилась, будто налетев на невидимую, но ощущаемую ею преграду.

Через секунду она развернулась и пошла в совершенно ином направлении, забыв, что бежала, спасаясь от собственного чувства, сначала вспыхнувшего, а затем жестоко замерзшего.

С нею случилось что-то непоправимое.

Чуждая воля внезапно вторглась в рассудок, заставив забыть обо всем и повернуть к зоне парковок, где стояли несколько флайботов, принадлежавших сенатору Столетову.

Через несколько часов Ольга пришла в себя. Она помнила лишь безумную, сжигавшую ее вспышку чувства и жестокое разочарование, испытанное на заснеженной поляне среди жутких, непонятных разуму фигур.

Ее дела на Грюнверке были завершены, сенатор накануне пригласил ее отдохнуть, провести неделю в его резиденции, но теперь подобная

перспектива казалась Ольге невозможной.

Оставив Роману Карловичу электронное послание с короткими, сбивчивыми извинениями, она через сеть узнала, когда отправляется ближайший рейс на Элио, и, заказав билет, стала торопливо укладывать вещи.

Она не хотела оставаться здесь, ее страшила сама вероятность случайной встречи с Гюнтером.

Ольга покинула Грюнверк, так и не узнав, кто он на самом деле, а через сутки внезапные, страшные события вмиг вытеснили из ее сознания всю романтическую чушь.

Гюнтер тоже не спал той ночью.

Внезапное появление Ольги, порыв ее страсти ввергли его в пучину негладких ощущений и чувств, о способности к которым он даже не подозревал.

Срыв, произошедший накануне, отпустил, он с трудом обрел шаткое равновесие, пропуская шквал обрушившихся, обретенных и разбуженных эмоций через призму самоанализа.

Природа создала любовь.

Название чувству, в основе которого лежат миллиарды лет эволюции, стремление продолжить свой род, оставить потомство, придумали люди. Научившись давать определения эмоциям, человек, как казалось, ушел от инстинктов, поднявшись выше... или пав ниже, – ведь продолжение рода уже не играло ключевой роли, любовь приносила невыносимое наслаждение или столь же невыносимую муку, а шаг от одной крайности к другой, на самом деле такой маленький, незаметный, часто вел к роковым, непредсказуемым последствиям.

Страшнее всего – равнодушие.

Гюнтер постиг его глубину на собственном опыте: не человек, но и не машина, он долгое время считал себя кем-то иным, тщательно запрещал себе действовать как механизм, но и не стремился обрести откровенно человеческие черты...

Беда Шрейба заключалась в том, что он никогда никого не любил.

Он воевал. Иные чувства полнили тогда душу, они и запомнились, а вот любовь прошла стороной, и теперь он не знал, где начинается или зарождается это чувство, не мог его вспомнить, как ни старался.

Равнодушие. Оно возникало по разным причинам: порой от бессилия что-либо изменить, порой от нежелания лезть со своим уставом в чужой монастырь, но прошлое и настоящее вдруг смешались, все изменилось со внезапным появлением Ольги, стало совершенно другим, и тогда Гюнтер

ощутил страх.

Его срыв, столкнувшийся рассудок в пропасть оживших травматических воспоминаний, выплеснулся накануне ночью в виде гротескных ледяных фигур, вырезанных лазером в порыве настоящего неистовства.

К утру он ощущал себя полностью опустошенным, словно на небольшой поляне материализовалось прошлое, которое он долго и тщательно скрывал...

Оля...

Он понимал, что не подойдет к ней, ведь Ольга наверняка узнает, что он киборг с перерожденным сознанием человека.

Вряд ли такое откровение придется ей по душе, но она не спросила его ни о чем, а он не сказал – не успел или не решился, и вот теперь ему вольно или невольно пришлось уйти в тень.

Он не хотел причинять ей боль объяснениями. Гюнтер попросту не пошел в тот вечер в свой маленький мирок, надеясь, что Ольга тоже никуда не пойдет, узнав, кто он на самом деле.

Они больше никогда не увидятся, но Гюнтер понимал, что теперь будет хранить ее образ, что бы ни случилось, сколько бы времени в этом мире ни отпустила ему судьба.

Ольга разбудила внезапные, негаданные, непознанные грани его мироощущения, восприятия, подарила взрыв эмоций и чувств, заставила глубоко задуматься, что же на самом деле произошло при операции по коренной реконструкции его тела? Зачем профессор Романов, руководивший экспериментом, имплантировал в кожу и мышцы не только нервные окончания, дающие возможность осязания, но и зарезервировал потенциал глубоких, сложных биохимических процессов, способных влиять на состояние искусственных нейросетей?

Гюнтер внезапно понял – в нем заложен огромный эмоциональный потенциал, присущий настоящему человеку. Но почему он не испытывал ничего подобного ранее?

Судя по всему, над ним поставили эксперимент, призванный подтвердить или опровергнуть теоретические разработки, вероятно, ни сам Романов, ни кто-либо другой в точности не знал, заработает ли вообще самый сложный механизм чувственного восприятия мира, и если да, то окажет ли комплекс биохимических реакций влияние на искусственные нейросети?

Он намеренно создавал на основе меня совершенно новый тип кибернетического организма, при определенных условиях фактически неотличимый от человека, но управляемый, гораздо более выносливый и

неприхотливый, чем человек.

Так кто же я на самом деле?

Мысли не давали покоя, он преобразился. Ольга, сама того не подозревая, пробудила его, заставляя вновь и вновь анализировать прожитое.

Гюнтер понимал: перевернута новая страница в его сознании, жизнь уже никогда не станет прежней, похожей на размеренное существование, грядут радикальные перемены, потребуется время и немалые усилия, чтобы окончательно разобраться в себе...

Судьба, словно насмехаясь над ним, решила иначе.

Уже наступало утро, небо просветлело полоской зари, звезды меркли, легкий ветерок невнятно шумел кронами деревьев.

Начинался новый день, и Гюнтер повернул к парковочным площадкам. Через пару часов ему предстояло сопровождать Ивана в университет.

Роман Карлович уже встал, окна его апартаментов тускло светились в рассветных сумерках, потом на глазах Гюнтера они стали гаснуть одно за другим – сенатор сегодня отправлялся в столицу, перелет до которой занимал два часа, а ему необходимо успеть к утреннему заседанию правительства.

Шрейб задержался, чтобы случайно не столкнуться с Ольгой, – он еще не знал, что она покинула территорию усадьбы после полуночи.

По соседней аллее прошла группа охраны, их флайбот должен стартовать первым, затем показался и Роман Карлович, он шел уверенной, размашистой походкой, полной грудью вдыхая прохладный утренний воздух. Его сопровождали лишь двое личных телохранителей, один из них заметил сигнатуру Шрейба на сканерах и едва заметно кивнул в его сторону, давая знать, чтобы тот оставался на месте.

Гюнтер ответил в диапазоне работы служебных коммуникаторов, послав короткий условный сигнал идентификации.

Сенатор с телохранителями проследовали мимо, а вскоре два флайбота один за другим взмыли в небеса.

* * *

Солнце уже взошло над линией горизонта, Иван завтракал, Димка еще валялся в постели, не желая вставать, Гюнтер уже облачился в строгий деловой костюм и терпеливо прохаживался по террасе, когда у горизонта внезапно появилась стремительно растущая в размерах точка, через несколько мгновений превратившаяся в патрульный флайбот,

принадлежавший, судя по опознавательным маркерам, службам немедленного реагирования.

Гюнтер насторожился, послал запрос в сеть, но никаких вразумительных пояснений не получил: автоматические информационные каналы, как обычно, передавали разного рода технические данные, ни о каких катастрофах или преступлениях в них не сообщалось, но Шрейб, заметив, что машина службы МЧС заходит на экстренную посадку, решил выяснить, в чем дело: ему через четверть часа сопровождать Ивана, и быть в курсе событий он попросту обязан, не важно, засекречены они или нет.

...На посадочной парковке царила необычная суэта.

Шрейб, перед которым служащие по привычке расступались, беспрепятственно вышел к разметочному кругу, где офицер в форме министерства по чрезвычайным ситуациям о чем-то беседовал с управляющим помещьем.

– ...Нет ничего необычного. Все как всегда, – долетел до него нервный, взвинченный голос управляющего. – Скажите, офицер, ради всего святого, он жив?

Тот лишь горестно покачал головой в ответ.

– Все погибли. Флайбот охраны разбился первым, вслед за ним рухнула машина сенатора. Никто не спасся. Совершенно необъяснимый отказ автоматики. Они шли на достаточной высоте, чтобы перейти на ручное управление, но этого не произошло. Соберите всех, кто находится на территории поместья, через пару минут прибудет следственная бригада. Есть все основания предполагать, что было осуществлено тщательно спланированное покушение на сенатора.

Гюнтер застыл как вкопанный.

Слова незнакомого офицера хлестнули, словно внезапный удар, нанесенный наотмашь, он даже покачнулся, в первые мгновения не в силах принять и осмыслить страшную весть.

Что же я скажу Ивану и Димке?.. – метнулась в рассудке одинокая, тоскливая мысль.

– Кто-нибудь покидал территорию поместья накануне вечером или ночью? – долетел до него очередной вопрос, заданный офицером.

– Ольга Нечаева, пресс-секретарь Романа Карловича. Кажется, за нею приходила машина незадолго до полуночи.

– Куда и зачем она отправилась?

– Вообще-то я не в курсе. Наверное, в космопорт. В час ночи как раз стартует челнок к рейсу на Элио.

– Хорошо, я проверю. Соберите людей и подготовьте помещения для

работы следственной бригады.

Гюнтер медленно отступил назад, смешался с толпой ничего не понимающих, встревоженных служащих поместья и, оказавшись вне поля зрения офицера, быстрым шагом направился к боковому входу в здание.

Как бы тяжело ему ни было, но сообщить Ивану и Диме о гибели отца он должен сам. Лучше он, чем кто-то посторонний, равнодушный, сочувствующий приличия ради или в силу профессиональной обязанности...

Что же я скажу им?..

Впервые за минувшие одиннадцать лет Гюнтеру стало так тоскливо и тошно, что он растерялся, не зная, как себя вести, что делать, ведь он искренне, бескорыстно успел привязаться и к Роману Карловичу, и к его детям...

Планета Грюнверк. Два месяца спустя...

Последовавшие за трагической катастрофой дни Гюнтер провел в постоянных свалившихся на его плечи хлопотах. Гибель Романа Карловича в буквальном смысле перевернула жизнь всех, кто был близок к сенатору или хотя бы в малой степени зависел от него, но больше всего, конечно, досталось детям.

Мать Ивана и Дмитрия постоянно не проживала на Грюнверке, она появилась лишь в день похорон и тут же исчезла, толком не повидавшись с сыновьями. Гюнтер никогда не лез в сложные семейные взаимоотношения семьи Столетовых, но поведение молодой женщины задело его. Оказывается, в жизни Романа Карловича не все складывалось так просто и понятно, как могло бы показаться со стороны.

Шрейбу сейчас некогда было разбираться в себе. Чувственное восприятие мира росло, ширилось, но все происходило на фоне трагедии, которую он воспринимал как личное горе.

Сложно поручиться, сознательно утаивали от Ивана подробную информацию, касающуюся обстоятельств гибели отца, или нет, но Гюнтер отчетливо понимал, что начавшееся расследование тут же заглохло: блоки автопилотов, по словам следователей, оказались полностью уничтоженными, дублирующие системы управления не включились при отказе основных, так называемые бортовые «черные ящики» по непонятной причине отсутствовали. Их не изъяли после катастрофы, а лишь установили факт неполной комплектации флайботов сенатора и его охраны.

Иван очень любил отца и после его гибели впал в черную меланхолию: его ничто не волновало, не вызывало интереса, он попросту выпал из реальности, выключился из событий, и Гюнтеру, у которого сразу возникло множество вопросов относительно катастрофы, пришлось действовать на свой страх и риск.

Усилия, приложенные Шрейбом, не принесли ощутимых результатов. Прямых улик, указывающих на заранее спланированное убийство, не было, либо их тщательно скрывали. Тогда Гюнтер обратился к информации косвенной. Он собрал все данные относительно метеоусловий, в которых проходил роковой полет, с заведомым риском для себя достал технические данные предполетного тестирования флайботов, затем создал точные виртуальные копии машин и начал моделирование различных ситуаций, варьируя отказ систем автоматического пилотирования по временным отрезкам – от мгновенного до растянутого в некий промежуток времени.

Катастрофы у Гюнтера не получилось.

Отказ систем управления был заранее предусмотрен конструкторами дорогостоящей и чрезвычайно надежной модели машин. Даже тот факт, что дублирующие цепи управления не включились, не вел к гибели сенатора и его личной охраны. Флайботы марки «Хергель» обладали уникальными аэродинамическими свойствами и оснащались ультрасовременной системой безопасности пассажиров; по всем раскладам высота в тысячу метров не являлась роковой – вот единственный вывод, к которому пришел Гюнтер. Роман Карлович отделался бы испугом, парой ушибов, может быть, переломом, и то не факт.

Тогда почему он погиб?

Ответ на заданный самому себе вопрос Гюнтер получил, тайком пробравшись на специальную стоянку управления полиции, где хранились обломки двух «Хергелей».

Тщательно, сантиметр за сантиметром, осмотрев обе машины, он обнаружил на дюзах верхней полусферы, предназначенных для аварийной смены эшелона высоты (например, при возникновении внезапной угрозы столкновения с другим летательным аппаратом), следы интенсивного нагрева, ясно свидетельствующие о работе корректирующих двигателей с огромной, несвойственной для них нагрузкой.

Для Гюнтера все встало на свои места.

Он проверил еще и станцию ГЧ системы Грюнверк. Подробную информацию получить не удалось, он лишь узнал о двух включениях канала плавающей гиперсферной частоты – первая передача данных прошла незадолго до полуночи, вторая велась *синхронно* с катастрофой.

Теперь у Шрейба уже не возникало сомнений, что сенатора убили. Некто, готовя устранение Романа Карловича, всерьез рассчитывал списать все события на несчастный случай, роковой отказ автоматики и, нужно сказать, преуспел в своем черном замысле. Доказать Гюнтер ничего не мог по простой причине: никто не станет слушать киборга. Но для самого Шрейба события уже не представляли загадки. Отключив автопилоты дистанционной командой через сеть Интерстар, неизвестный подал управляющий сигнал на маневровые двигатели верхней полусферы. Полученный импульс реактивной тяги толкнул машины навстречу земле. В результате, вместо того, чтобы спланировать, оба флайбота камнем рухнули вниз, мгновенно превратившись в груды пылающих обломков.

Следующий вопрос, который встал перед Шрейбом, звучал в формулировке древней истины: ищи, кому это выгодно...

Несколько недель он наблюдал за расследованием и кадровыми подвижками в сенате Грюнверка, пока не пришел к выводу, что смерть Столетова не являлась следствием борьбы за власть в высших политических кругах планеты.

Он проявил дотошность, ежедневно рискуя быть схваченным за незаконной добычей информации, но итогом усилий Гюнтера стала уверенность – искать убийцу нужно не на «зеленой планете».

В таком случае – где?

Никаких коммерческих проектов Роман Карлович не вел, за единственным исключением: он учредил для старшего сына Олмера фирму, выросшую за прошедшие годы в мощную корпорацию «Райт-Кибертроник».

Шрейб мог бы привести тысячи примеров, когда змеиный клубок родственных отношений, вкупе с алчностью, приводил к убийству.

Неясными оставались два момента.

Во-первых, кто-то должен был накануне покушения проникнуть на стоянку и настроить блоки автоматического управления на прием внешней команды.

Во-вторых, Гюнтер не считал Олмера глупцом, тот должен был хотя бы предположить, что завещание отца не передаст ему абсолютной власти над «Райт-Кибертроник», а, напротив, ограничит ее, как, собственно, и случилось.

Существовало еще одно обстоятельство, о котором часто, но безрезультатно и мучительно размышлял Гюнтер.

Ольга покинула планету накануне ночью, утром произошла катастрофа, вполне естественно, что пресс-секретарь сенатора тут же

попала под подозрение. Ее пытались разыскать, но безуспешно.

След Ольги терялся. Она заказала билет до Элио, но не явилась на посадку.

* * *

Спустя два месяца после похорон отца Иван с трудом сдал выпускные экзамены в университете межгалактических отношений. Теперь ему предстояло пройти практику и защитить диплом, но как и где он планирует провести короткие каникулы, куда его распределят на практику, Гюнтер не знал и ждал от молчаливого, замкнувшегося в себе молодого человека неожиданных, спонтанных решений.

Он не ошибся в своем предвидении.

В один из хмурых осенних дней начала октября Иван, находясь в крайне раздраженном состоянии, внезапно объявил, что принял приглашение Олмера и вместе с Димой покидает Грюнверк, отправляясь в сектор Корпоративной Окраины.

Гюнтер тщетно пытался отговорить его от опрометчивого, необдуманного шага – Иван, находясь во власти горя, стал упрямым и несговорчивым, объявив, что уже принял решение и не отступит от него.

Шрейбу оставалось лишь подчиниться, хотя его не покидало ощущение, что визит на Окраину обернется еще одной бедой.

Глава 4

Корпоративная Окраина.

Через два с половиной месяца после событий на Грюнверке...

Это случилось ночью, на Эдобарге, внутри тщательно охраняемого периметра, окружавшего головной офис корпорации «Райт-Кибертроник».

Как и на Грюнверке, приземистые здания тонули в окружении садов и парков, но то был лишь маленький оазис терраформированных территорий посреди исконной биосферы молодой (по меркам геологического времени) планеты.

Чем на самом деле занимается «Райт-Кибертроник», в точности знал лишь Олмер, но он, судя по наблюдениям Гюнтера, не спешил делиться корпоративными тайнами со своим братом. Он пригласил Ивана на Окраину по другому поводу: после оглашения завещания Романа Карловича Олмер оказался перед перспективой потери двух третей своего состояния и наверняка желал вернуть контроль над корпорацией любыми доступными способами.

Эта решимость и заставляла Гюнтера постоянно оставаться настороже, особенно ночью.

Он так и не рассказал Ивану о своих давних подозрениях относительно заказчика произошедшего одиннадцать лет назад похищения, не желая еще более обострять ситуацию, – и без того между братьями было слишком мало общего, чтобы на почве их взаимоотношений могла возникнуть хотя бы дружба, не говоря уже о братской любви или родственной привязанности.

Теперь, после прилета на Эдобарг, Шрейб ночи напролет патрулировал небольшой участок лесопарковой зоны, охраняя подступы к зданию, выделенному Ивану и Диме в качестве гостевого дома.

Впервые за последние годы он почувствовал некий прилив внутренних сил, обстановка неопределенности мобилизовала Гюнтера, но надолго ли?

Длительные ночные обходы мысленно очерченного для себя периметра охраны оставляли ему массу времени для размышлений.

События последних месяцев ясно показали Шрейбу, что за одиннадцать лет, прошедших после внезапной реинкарнации рассудка, он так и не нашел своего места в изменившемся мире, а после трагической

гибели Романа Карловича все чаще ловил себя на мысли, что становится куклой при повзрослевшем Иване, который начал проявлять характер, эгоистично считая, что более не нуждается в опеке и не обязан следовать настойчивым рекомендациям своего бессменного телохранителя.

Что ж... Шрейб понимал, что рано или поздно Иван повзрослеет, но, учитывая ситуацию, он игнорировал его поведение, не позволяя себе глупых обид.

Гюнтер чувствовал, что Ивану по-прежнему грозит опасность, и терпеливо ждал, пока Олмер, в силу своей неуравновешенности, допустит хотя бы малейшую оплошность.

Множество мыслей не давали покоя, постоянный анализ ситуации держал его в напряжении, Шрейб довел себя до состояния сжатой, готовой к молниеносному действию пружины, не замечая, как на фоне проблем растет внутренняя потребность понять – кем же он на самом деле стал за одиннадцать лет тотального самоконтроля?

До встречи с Ольгой в мире Гюнтера не было любви, лишь привязанности.

Хотел ли он что-то изменить?

Да, несомненно.

Шрейб всегда хотел *настоящего* возвращения чувств, но ни с кем и никогда не делился своими чаяниями, зная, что встретит непонимание и недоумение.

И вот его мечта сбылась.

Появление Ольги, а затем ее загадочное исчезновение внезапно пробудили дремавшие до поры чувства, а последовавшие на следующий день трагические события лишь усилили взрывообразное возрождение эмоциональной составляющей его личности.

Он устоял перед внезапным кризисом, не поддался первым порывам эмоций, способным толкнуть на быстрые, но необдуманные решения.

Что я выиграл, вернув самоконтроль? – мрачно размышлял он, следуя намеченным маршрутом. – *Я мог бы бросить все и разыскать Ольгу, но тогда мне пришлось бы лгать либо сразу признаться, что не являюсь человеком.*

Замкнутый круг.

Лгать он не мог. А полюбить киборга не смогла бы она.

Вяло шелестели кусты.

Легкий ветерок, циркулирующий под куполом суспензорной защиты, лениво шевелил листья растений. Звонкая тишина рассыпалась на шорохи, чуткие сенсоры улавливали самые тихие, почти невнятные проявления

окружающего мира, и потому женский вскрик, сопровождаемый грохотом падения мебели, хлопком двери и быстрыми шагами, заставил Гюнтера действовать немедленно и стремительно.

Он ринулся через кусты и выскочил на параллельную аллею, где в свете полной луны торопливо шла, прикрывая ладонью лицо, молодая женщина.

– Мисс, вам требуется помощь?

Она лишь мельком взглянула на Гюнтера и вдруг грубо ответила:

– Отвали.

В этот миг он узнал ее.

– Ольга?!

Трудно передать словами испытанный Гюнтером шок. Сознание на миг помутилось, он остановился, неотрывно глядя на нее, постепенно, по мере включения давших сбой сканеров, понимая, что перед ним *киборг* еще более продвинутой, совершенной модели, чем он сам, словно те радикальные изменения, которые были произведены на планете Дарвин и максимально приблизили облик Гюнтера к облику человека, являлись лишь «пробой пера», промежуточным звеном между смелой идеей и ее окончательным воплощением.

Она остановилась, нахмурилась, словно пытаясь что-то вспомнить, затем отрицательно покачала головой.

– Извини, но ты ошибся. Меня никогда не называли именем Ольга. Хотя... – Она вновь попыталась что-то вспомнить, но тщетно, затем, будто очнувшись, резко повернулась, намереваясь уйти.

– Подожди! Что у тебя со щекой? Дай взгляну!

Гюнтеру потребовалось поистине нечеловеческое усилие, чтобы совладать с собой и произнести несколько коротких фраз намеренно-требовательным тоном, но его голос не дрогнул, а она вдруг *машинально* отреагировала на приказные интонации и остановилась, послушно отняв ладонь от раны.

Тысячи мыслей раздирали рассудок Гюнтера, шок от внезапной встречи в любой момент мог вырваться неосторожным словом, способным мгновенно разрушить все. Она попросту развернется и уйдет...

Нет, я не могу ошибаться – она киборг, лихорадочно думал Шрейб.

Тогда, на Грюнверке, он не сканировал Ольгу, подобное действие даже не приходило ему в голову, да и сейчас, находясь рядом, задействовав весь потенциал систем обнаружения, он лишь смутно распознавал в ее сигнатуре элементы энергосистем, не присущих человеку.

Мысли кружили в стремительном водовороте, его системы – и

нервная, и кибернетическая – находились сейчас где-то на пределе возможностей; еще в ту далекую, незабываемую ночь, глядя в глаза Ольги, он со внезапной тоской подумал, что ее образ, такой хрупкий, почти нереальный в свете суспензорной защиты, сконцентрировал в себе всё, всё, что он мог бы полюбить...

Потому и наступил тот чудовищный моральный срыв, когда Шрейб, не помня себя, резал лазером лед, вытапливая очертания призрачных образов, вырвавшихся из узилища травматической памяти...

Тогда он не сумел справиться с собой, да и не было у него никаких шансов, но что же делать, что говорить сейчас?..

– Как тебя зовут? – спросил он, лишь бы порвать тягостную тишину. – Если ты не Ольга, то кто?

– Ника, – коротко отрекомендовалась она, выжидательно глядя на Гюнтера.

Техническая память тут же выдала справку: аббревиатура «НИК» складывалась из начальных букв названия корпорации «Нейл Индастри Компани», «А» – означало класс машины, в данном случае самый высокий, или «достоверный», как любили повторять в рекламе.

Хорошо... Пусть будет – Ника. Лишь бы не ушла, не растаяла в воздухе, не исчезла, как призрак, порожденный загнанным вглубь страстным желанием снова увидеть Ольгу.

– Кто тебя поранил? – спросил он, осматривая края неровного пореза, из которого сочилась жидкость, внешне похожая на кровь.

– Я не вправе отвечать на такие вопросы, – отчеканила она.

– А человек волен сделать с машиной, что угодно, и не понесет за это даже порицания? – с трудом сдерживая себя, на выдохе произнес Гюнтер.

– Правозащитник? – Ника некрасиво усмехнулась.

– Такой же киборг, как ты, – ответил он, осторожно накладывая скобки, стягивая ими края раны.

– Убери руки! – Она, по-видимому, задействовала сканеры, убеждаясь в том, что Гюнтер не лжет, и тут же отшатнулась.

Он перехватил ее за запястье.

– Постой. Тебе все равно некуда бежать. Расскажи, что случилось. – Шрейб сдался, он действовал сейчас под напором чувств, не в силах позволить ей уйти и снова исчезнуть.

Ника взглянула на него, сокрушенно покачав головой.

– Тебе это надо? Ты здесь случайный посетитель, так занимайся, чем положено: охраняй своего хозяина и не лезь, куда не просят. Нарвешься на проблемы, только и всего. – Она попыталась вырваться, но тщетно.

– Ты ошибаешься, Ника. У меня нет хозяина, – ответил Шрейб. – Я свободен. Ты должна меня вспомнить. Мы случайно встретились с тобой на планете Грюнверк. Ты была гостьей Романа Карловича Столетова. Вспомни – ночь, локальная климатическая зона посреди парка, Диахр, вырезанные изо льда фигуры; я же знаю – ты видела их!..

В глазах Ники промелькнуло недоверие, страх, затем, мгновенно протестировав память и придя к определенному выводу, она вновь успокоилась.

Надо же. Научились имитировать даже реакцию зрачка.

– Ты ошибаешься, Гюнтер. Оценишь неверными данными.

– Почему?

– Во-первых, киборг не может быть свободным, – убежденно произнесла Ника. – Во-вторых, я никогда не посещала планету Грюнверк. И в-третьих, если тебя так волнует данный вопрос: я вообще не покидала систему Эдобарг.

– Ты просто не помнишь. – Гюнтер отпустил ее запястье, и Ника тут же отступила на шаг.

Она что, боится меня?

Взрыв чувств мешал восприятию, мысли, обычно упорядоченные, последовательные, сейчас путались.

– Я свободен, – упрямо повторил Гюнтер, понимая – здесь и сейчас происходит нечто исключительно важное, пока не осознанное, но уже свершившееся...

Ника взглянула на него с непонятной жалостью.

– Киборг не может быть свободным, – повторила она. – Не понимаешь? Мы – изделия. Вещи. Извини, но мне нужно идти!

Ольга... Это она... Я чувствую – она.

– Тебе придется поверить мне на слово.

– К чему? – Она порывалась уйти, нет – убежать, но что-то мешало, останавливало. – Свободный киборг – это нонсенс.

– Ты многого не знаешь. Я могу тебе объяснить.

– Зачем? – нахмурилась она.

– Ты слишком зла, слишком эмоциональна для «изделия». – Гюнтер уловил в ее глазах внезапный блеск и понял, что сумел заинтриговать ее. – Ты мыслишь и осознаешь себя, – уже уверенней продолжил он. – Ника, нам необходимо о многом поговорить...

– Зачем? – холодно спросила она. – Я же ясно сказала, что никогда не покидала систему Эдобарг. Я не знаю, кто такая Ольга...

– Но ты сейчас ясно различаешь мою структуру, и мы оба понимаем,

что сходства между нами больше, чем отличий.

– Что это меняет?

– Многое. Я когда-то был человеком. То есть – мои усовершенствования оправданны. А ты – новый тип кибернетического организма, практически неотличимый от человека, к тому же самостоятельно осознавший себя, верно?

– Я не понимаю. Говори прямо.

– Тот, кто тебя создал, дважды нарушил общегалактические законы. С того момента, как в тебе проснулось самосознание, ты тоже должна была получить свободу, понимаешь?!

Ника усмехнулась.

– Мне нужно идти.

Гюнтер опасался именно такой реакции.

– Хорошо. Я не стану удерживать тебя насильно. Но у тебя ведь есть свободное время? – продолжал настаивать он, понимая, что второй раз судьба может и не подарить шанса *случайной* встречи. – Часы для отдыха или технического обслуживания?

– Есть, – кивнула Ника.

– Давай встретимся, – вновь повторил Шрейб.

– С ума сойти. – По ее губам скользнула горькая улыбка. – Один киборг назначает свидание другому?

Он сокрушенно покачал головой, не понимая причины ее сарказма.

– Тебя плохо воспитали.

Ника внезапно изменила решение и присела на скамейку. В ее глазах блеснули слезы. Настоящие человеческие слезы.

– Никто меня не воспитывал... – едва слышно произнесла она. – Жизнь воспитала. Очень быстро.

– Значит, я не ошибся? Давно ты осознала себя?

– Достаточно давно, чтобы... – Она не договорила, лишь безнадежно махнула рукой. – Гюнтер, все происходящее – не твое дело. Поверь. Не хочешь на свалку или в переработку – заткнись и не лезь, куда не следует.

– Подобный словарь тоже «жизнь проинсталлировала»?

– Издеваешься?

– Нет. Я не умею издеваться. Ника, ты не завершила начатую фразу.

– Какую?

– Ты сказала: я осознала себя достаточно давно, чтобы...

Она мгновение помедлила, но потом все же ответила, тихо, едва слышно:

– Достаточно давно, чтобы понять, я – *вещь*. Каждый день – разная

вещь. Сегодня, если тебе так интересно, секс-рабыня. А щеку мне располосовала жена Олмера. Еще вопросы есть? Я могу идти?

– Иди. Только не наделяй глупостей. – Неимоверным усилием воли Гюнтер заставил себя согласиться, но лишь при одном условии. – Когда у тебя появится свободное время?

– Все еще хочешь встретиться?

– Да.

– Ладно. – Она пожала плечами. – Завтра вечером. В восемнадцать по местному времени. Приходи на утес, это...

– Знаю.

Ника встала.

– Ты странный, Гюнтер. – Она развернулась и, не оборачиваясь, быстро исчезла во мраке аллеи, а он еще долго стоял, сначала глядя ей вслед, затем провожая сканерами неясную, словно размытую сигнатуру.

Было только четверть первого...

Пройдя несколько шагов, он присел на скамейку.

Мысли по-прежнему путались, перескакивая с одного на другое.

Случайная встреча ошеломила Гюнтера, заставила его вновь вернуться к событиям на Грюнверке, – он еще не получил прямых доказательств, но чувствовал: Ника и Ольга *идентичны*. Она и есть то самое недостающее звено в логике его собственного расследования, которого не хватало для получения ясной картины покушения на Романа Карловича.

Я – вещь... Каждый день – разная вещь... Ее слова стили в рассудке.

Выходит, что первая передача данных, прошедшая незадолго до полуночи, предназначалась ей и несла инструкции или приказ к действию. Перенастроить автоматику автопилотов флайботов на прием внешнего сигнала – задача сложная, но выполнимая, намного труднее попасть в поместье сенатора, получить там свободу перемещения, не вызвав при этом подозрений и неизбежных тщательных проверок – для того и потребовалось появление «Ольги». Нику внедрили в окружение Столетова задолго до финального аккорда заранее спланированного покушения. Только проработав в команде сенатора около года, заслужив определенный кредит доверия, она могла появиться на Грюнверке и действовать, не вызывая подозрений.

Олмер – циничная скотина...

Что же толкнуло тебя на активные действия?

Впрочем, при здравом размышлении предположить подоплеку трагических событий несложно.

Роман Карлович, зная характер и беспринципность своего старшего отпрыска, подозревая того в давнем похищении и попытке убийства Ивана, вполне закономерно не доверял Олмеру, потому и держал его на коротком поводке, позволяя заниматься бизнесом на Корпоративной Окраине, но не давая стать полновластным владельцем «Райт-Кибертроник».

Чем на самом деле занимается корпорация, как уже мысленно отмечал Гюнтер, не знает никто. Официально – разработкой программного обеспечения и дешевых аппаратных модулей для узкоспециализированных механизмов терраформинга, но если проследить за стремительным взлетом никому не известной фирмы, то становилось понятно – финансовые потоки корпорации далеко не так чисты, а сфера деятельности «Райт-Кибертроник» наверняка выходит за официально заявленные рамки.

Если Олмер действительно замешан в грязном бизнесе, то это рано или поздно влекло неизбежный удар по репутации сенатора Столетова. Возможно, Олмер пытался шантажировать отца, а в ответ нарвался на неожиданное, жесткое противодействие и, действуя под напором эмоций, решил *разрубить* узел?

Выходит, что Иван – следующий?

Гюнтер чувствовал, как медленно, но неумолимо в нем закипает ярость. Таких сволочей, как Олмер, он достаточно повидал на войне и понимал, тот не остановится, для него уже нет ничего святого, кроме призрака власти и преклонения перед деньгами.

Не человек, а бешеный, зарвавшийся в безнаказанности шакал.

Эта ночь казалась Гюнтеру бесконечной.

Он размышлял, готовясь к неизбежным действиям, – его душа и разум разрывались между долгом защитить Ивана и вспыхнувшими с новой силой чувствами, – хотел он того или нет, но образ Ники постоянно возвращался, тревожил, манил, вызывая противоречивые реакции, заставляя вновь и вновь анализировать ее слова, искать оправдание поступкам...

Нужно сказать, что за одиннадцать лет, минувших после памятных событий в системе Ожерелья, Шрейб, пытаясь найти свое место в неузнаваемо изменившемся мире, постоянно учился. Он жадно, словно губка, впитывал информацию, в основном получая ее из межзвездной сети Интерстар. Отсеивая плевелы домыслов от зерен истины, он не только знакомился с послевоенной историей Обитаемой Галактики, изучал древние расы логриан, инсектов, харамминов и, насколько возможно, – дельфонов, но и следил за развитием научно-технического прогресса, стараясь не выпускать из поля зрения основные корпорации,

задействованные в сфере высоких технологий и робототехники.

Много веков назад, сразу после окончания войны, девяносто процентов галактического рынка, связанного с производством различных механизмов, было монополизировано корпорацией «Галактические Киберсистемы». История многовекового развития «Галактик Киб» и необъяснимого крушения мощнейшей трансгалактической корпорации до сих пор тревожила умы исследователей, историков и авантюристов.

Гюнтера интересовала иная сторона проблемы. После неожиданного краха «Галактических Киберсистем», предприятия которой были разбросаны по всем освоенным системам Обитаемой Галактики, произошел взрывообразный передел собственности, часть предприятий стала независимыми, часть была национализирована планетными правительствами, но те производства, что располагались в зоне Корпоративной Окраины, сумели объединиться и дать отпор всем, кто пытался отхватить свой кусок пирога от развалившейся промышленной империи.

В результате скоротечных межпланетных конфликтов с участием частных корпоративных армий на границе освоенного космоса была учреждена и быстро поднялась на ноги новая корпорация, а именно «Нейл Индастри Компани», унаследовавшая часть технологий, коммерческих брендов и патентов на продукцию, выпускавшуюся «Галактическими Киберсистемами».

В отличие от «Галактик Киб», новая промышленная группа, объединившая двадцать крупных производств на семи планетах Окраины, повела себя осмотрительно. Если бывший монополист рынка робототехники выступал с широчайшим спектром продукции, уже фактически переступив грань этического фола при производстве биороботов, то «Нейл Индастри Компани» не желала конфликтовать с Конфедерацией, тем более что пример разгромленной Зороастры еще был свеж в памяти.

Новая корпорация не отказалась от производства человекоподобных машин, но из ассортимента продаваемой на галактическом рынке продукции исчезли десятки наименований, таких, к примеру, как секс-рабыни, боевые киборги и прочие модели с экзотическими возможностями.

«Нейл Индастри Компани» выпускала лишь два типа человекоподобных машин, различающихся по телосложению. Корпорация отказалась от использования чистых биологических компонентов, сделав ставку на искусственные органические материалы, чем заслужила одобрение в Совете Безопасности Миров.

Киборгов производства «Нейл Индастри» можно было встретить повсюду. Корпорация, запатентовав некоторые технологии, прочно заняла свою нишу на галактическом рынке робототехники и действовала в рамках закона, не наделяя человекоподобные машины опасными либо поощряющими унижительное отношение к ним качествами. Киборги не использовали оружие, они являлись, в основном, предметом роскоши, нередко становясь практически членами семьи.

Одна беда – информация, о которой размышлял Гюнтер, никак не укладывалась в рамки произнесенной Никой фразы: *«...я – вещь. Каждый день – разная вещь. Сегодня, если тебе так интересно, секс-рабыня»*.

Вот где скрывалась вероятная причина конфликта между Романом Карловичем и его сыном, подтолкнувшая Олмера к активным действиям: анализируя слова Ники, Шрейб пришел к закономерному выводу – помимо безобидного софта и аппаратных модулей для терраформеров, «Райт-Кибертроник», по всей видимости, разрабатывала программы, совместимые с системами современных кибернетических организмов, придающие человекоподобным машинам те самые, запрещенные законом способности и свойства, которые вмиг превращали последних в предмет насилия или, напротив, агрессии.

Предположение смелое, еще не проверенное, но интуиция подсказывала Гюнтеру, что он ухватил самую суть происходящего.

Он размышлял, опираясь на логические выводы, найденные факты, но не сбрасывал при этом со счетов многие качества человеческих характеров, которые очень часто приводят к самым непредсказуемым поступкам и их последствиям.

Олмер хитер. Хитер, жаден, нагл и циничен.

Осторожный ублюдок, познавший глубину множества пороков и теперь умело эксплуатирующий их.

Почему же нигде и никогда не случалось скандалов, таких, например, как те, что возникали повсюду до зачистки планеты Зороастра и падения корпорации «Галактические Киберсистемы»?

Гюнтер неторопливо следовал намеченным маршрутом, ночь плескалась вокруг ароматами трав и цветов, различные шорохи тревожили слух.

Ответ на многие заданные себе вопросы наверняка хранили носители информации, расположенные в возвышающихся вокруг зданиях, но о вторжении в корпоративную сеть или о физическом проникновении в какой-либо из офисов «Райт-Кибертроник» Шрейб пока что не помышлял.

Рано. Сначала я должен обрести полную уверенность, что в моих

выводах нет ошибки и поступок не станет фатальным.

Мысль, граничащая со страхом?

Он мысленно усмехнулся.

Да. Пилоту серв-машины, прошедшему половину Галактической войны, погибшему в рубке «Фалангера», осталось только робко топтаться среди ухоженных газонов и аллей, теряясь в догадках и страхах...

На самом деле он опасался не за себя, а за Ивана, Диму и Нику. Кто защитит их, если моя спонтанная попытка добыть информацию окончится провалом?

Никто. Они окажутся в полной власти Олмера.

Нет, я должен действовать наверняка.

Почему же нигде не грянул скандал, связанный со внезапным изменением программного обеспечения человекоподобных машин? Неужели случай с Никой уникален и лишь жена Олмера сумела поймать мужа во время свидания с девушкой-киборгом?

Я – вещь. Каждый день – разная... Фраза, оброненная Никой, все глубже въедалась в рассудок.

Гюнтера ранили ее слова. Ему казалось, что чувство глобальной, всеобъемлющей ненависти, угар войны, ее накипь давно истаяли в душе, но нет, те ощущения никуда не исчезли, они лишь таились до поры...

Он взглянул на светлеющее небо.

Приближалось утро, а вместе с ним и вполне прогнозируемые проблемы.

* * *

Гостевой дом, где поселились Иван и Дима, входил в состав общего комплекса административных зданий, окруженных обширным парком.

Здесь, среди помещений, где на силовых подвесках в самых неожиданных местах располагались экспонаты богатейшей коллекции артефактов, принадлежавших культурам рас древнего космоса, ничто не напоминало о выпускаемой корпорацией продукции, скорее эту часть комплекса можно было принять за филиал института космической археологии или частный музей.

Иван Столетов был занят изучением сложной карты гиперсферных маршрутов, когда в помещение внезапно ворвался Олмер.

В просторной комнате помимо двух братьев, обменявшихся лишь взглядами, но не приветствиями, присутствовал Гюнтер.

Одетый в темный костюм строгого покроя, он сидел в кресле у дальней стены. Лицо с застывшими, будто окаменевшими чертами не

выдавало никаких эмоций, серые глаза смотрели на Олмера с холодным равнодушием, но что-то в расслабленной позе Шрейба несло явный оттенок угрозы, неприятное чувство оторопи возникало при взгляде в его сторону.

Тем временем Олмер крупным, размашистым шагом подошел к столу и в ответ на вопросительный взгляд брата мысленной командой выключил кибстек ^[36].

В возникшей сфере голографического монитора отобразились электронные документы, явно относящиеся к неким финансовым отчетам.

– Что ты можешь пояснить мне по данному поводу, братец? – всё еще сдерживая клокочущую ярость, произнес он, неприязненно покосившись в сторону Гюнтера, продолжавшего сидеть с невозмутимым видом.

Иван бегло просмотрел документы, кивнул и предложил:

– Присаживайся.

Олмеру пришлось сделать над собой усилие, чтобы последовать приглашению.

– Зачем ты принес мне уже оплаченные счета за оборудование? – спросил Иван, когда его брат грузно опустился в кресло.

– Я хочу знать, с каких пор ты тратишь деньги корпорации в личных целях?!

– С тех пор, как законно вступил в права наследства, – невозмутимо ответил Иван. – Олмер, разве я не предупреждал тебя, что коммерческая деятельность меня не интересует?

Его брат саркастически усмехнулся.

– Ну да, верно, ты ведь у нас грезишь идеями всеобщего содружества, космополит недоученный! Мало без тебя бездельников.

– Во-первых, не хами, – начиная заводить, осадил его Иван. – Во-вторых, тема моего диплома и место прохождения преддипломной практики согласовывались еще отцом. И оборудование заказывал он. Советую элементарно сравнить цифры и сделать выводы относительно...

– Какие цифры?! – Олмер едва не озверел.

– Обыкновенные. Затраты на оборудование не дотягивают и до одного процента от стоимости фондов корпорации, перешедших мне по наследству. Я уже предупреждал тебя, но повторяю: если ты еще раз попытаешься мне угрожать, я попросту продам все тридцать три с хвостиком процента акций твоим конкурентам. Ты этого добиваешься?!

Олмер побледнел.

Угроза брата прозвучала вполне серьезно: если Иван поступит, как

заявил, то для «Райт-Кибертроник» подобный шаг станет едва ли не роковым.

– Значит, ты собрался в экспедицию?

– Да.

– В самое сердце гиперсферы? В систему Ожерелья?

Иван вновь кивнул.

– Не вижу ничего странного в своих стремлениях. На Арасте проживают представители ранее неизвестных нам цивилизаций, и установление контакта с ними станет для меня прекрасным началом дипломатической карьеры.

– Лучше бы ты занялся бизнесом, – буркнул в ответ Олмер.

– Не волнуйся. Я не намерен вмешиваться в дела твоей корпорации. Вернусь – продам тебе все акции. У нас разные дороги, Олмер.

– А Дима?

– У него каникулы. Он пока отправится на Дион.

Олмер встал. Его кулаки непроизвольно сжались, но он все же сдержал душившие его эмоции.

– Ладно. Поговорим позже, когда вернешься. И не забудь о своем обещании относительно акций.

Гюнтер, молча выслушавший их разговор, был раздосадован и встревожен.

Иван мог бы поставить его в известность о предстоящей экспедиции.

– Почему молчишь, Гюнтер? – обратился к нему Столетов.

– А что я могу сказать? Ты даже не посоветовался со мной, прежде чем пускаться в рискованные мероприятия.

– Это не обсуждается. Я же ясно сказал, все договоренности достигнуты еще при жизни отца, без его участия мне бы никто не разрешил вторичного посещения системы Ожерелья.

– Тебе недостаточно *тех* впечатлений?

– Гюнтер, не занудствуй. Я был мал и напуган.

– Первый Мир – опасное место. Ты даже не представляешь, что такое пешие переходы по горам, не понимаешь, что вместо установления контакта, возможно, придется вступать в бой с деградировавшими потомками представителей иных цивилизаций. Насколько я знаю, гарнизон Арасты постоянно подвергается нападениям, а силы Конфедерации контролируют лишь небольшое пространство равнины и предгорий основного континента.

– Тем более – установление дружеских отношений с представителями иных космических рас пойдет на пользу всем.

Гюнтер промолчал в ответ. Разубеждать Ивана бесполезно, спорить с ним – пустая трата времени. Но как не вовремя он объявил о принятом решении!..

– Когда ты планируешь отправиться?

– Завтра вечером рейс на Элио, оттуда через сутки нас отправят спецтранспортом ВКС Конфедерации непосредственно в систему Ожерелья. Оборудование и снаряжение, адаптированное для условий Первого Мира, оплачено и будет ждать уже на месте.

Шрейб лишь пожал плечами, принимая неизбежность.

– Мое участие в экспедиции согласовано?

– Да. Это было неременное условие отца. Ты собираешься отпустить меня одного?

– Нет. Я лечу с тобой, – ответил Гюнтер, хотя сейчас, впервые за многие годы, ему отчаянно хотелось остаться.

* * *

Долгожданный вечер наконец подступил относительной прохладой.

Пространство терраформированных территорий под куполом суспензорной защиты днем нагревалось, а ночью остывало, видимо, установки климатического контроля были либо не до конца отлажены, либо сбоили, что вызывало достаточно резкие перепады температур.

Гюнтер пришел к утесу раньше условленного времени и некоторое время стоял у обрыва, глядя вниз, где в глубине каньона располагались эмиттеры суспензорного поля, от которых исходило струящееся, будто марево, зеленоватое сияние.

Сзади слышались легкие шаги. Он обернулся.

Ника торопливо шла по аллее меж чахлых деревьев и пожелтевшего кустарника – растения на границе освоенных людьми территорий находились в худших условиях, чем те, что росли ближе к центру.

– Привет, – коротко поздоровалась она, обожгла Гюнтера вопросительным взглядом и застыла, ожидая, что скажет он.

Рана на ее щеке уже затянулась, от глубокого пореза остался лишь едва приметный тонкий розовый шрам, который к завтрашнему утру, наверное, исчезнет совсем.

– Ника, я хочу узнать, что тут происходит.

– В смысле? – Она нахмурилась.

– Ты вчера произнесла одну фразу, не дающую мне покоя.

– О том, что мы вещи?

– Да. Но ты еще упомянула, что каждый день – разные.

– Ты всерьез рассчитываешь, что я стану выдавать тайны своих хозяев? – Она с удивлением посмотрела на Гюнтера, в ее взгляде промелькнуло сожаление, как будто она хотела сказать: *Я думала, ты умнее, Шрейб.*

Он прекрасно все понял.

– Я не занимаюсь промышленным шпионажем, Ника. Иван мой друг, но он ко всему прочему – брат Олмера. Между ними зреет конфликт, ставка в котором – третья часть от общего капитала корпорации.

– Ты не защитишь Ивана Романовича, – с нотками сожаления в голосе произнесла она. – Олмер не тот человек, который легко расстаётся с деньгами. Еще вопросы? – Она почему-то настороженно оглянулась.

– Кто ты? – неожиданно спросил Шрейб. – Только не уходи от ответа, определение «вещь» я уже слышал.

– Я человекоподобный кибернетический организм, – ответила Ника. – Гюнтер, зачем мы разговариваем? Какой смысл ты видишь в происходящем?

– Ты осознаешь себя. Вот в чем смысл. Мы – мыслящие существа, а не вещи.

– Мыслю я или нет – никого не волнует, – резко и неприязненно ответила Ника. – Я именно вещь.

– Тогда почему тебе позволили развиваться до возникновения самосознания? Ведь у большинства современных человекоподобных машин опция саморазвития урезана до минимума.

– На ком-то нужно ставить эксперименты, тестировать программы, – пожала плечами она. – Вот и установили избыточное количество нейромодулей. На всякий случай. А есть у меня самосознание или нет – никого не волнует. До той поры, конечно, пока я веду себя адекватно. Шаг в сторону, и мою личность уничтожат, просто удалив из гнезд большинство микрочипов.

Гюнтер ощутил давно забытое чувство. Внутреннее напряжение росло, ему показалось, что лайкороновые мышцы в самом деле начинают бить легкая нервная дрожь, как бывало перед боем.

– Над тобой издеваются? Ежедневно?

Она дошла до края обрыва, взглянула вниз, затем обернулась и произнесла:

– Шрейб, не думай, что все люди такие, как твой Иван.

– А какие они?

– В моем словаре нет подходящего термина.

– И ты смирилась?

– А что мне делать? ЧТО?! – Она протестующе подняла руку, заставляя Гюнтера замолчать. – Ты тоже когда-нибудь выпадешь из своей сказки, у тебя сменится хозяин, и вот тогда ты поймешь, что выхода нет, а жить... – она осеклась, – ощущать, что живешь, мыслишь, чувствуешь – от этого невозможно отказаться, какие бы муки ни приходилось испытывать...

Гюнтер машинально сжал кулаки.

Как знакомо ему состояние Ники. Он ведь тоже делал свой выбор и понял, что добровольно отказаться от жизни, пусть даже она и идет с приставкой «псевдо», – практически нереально.

– Но почему ты не взбунтуешься, не прекратишь издевательства над собой, не сбежишь, наконец?!

– Бежать некуда. Да и кто тебе сказал, что надо мной издеваются? Да, вчера распороли лицо, так зажило ведь! А несколько дней назад я убивала себе подобных на полигоне, вон там, в глубине каньона, за периметром суспензорного поля. Ты хочешь знать, что происходит? – Ника печально посмотрела на Гюнтера, а затем вдруг начала говорить, быстро, словно боялась что-то недосказать, запомнить: – Здесь отрабатывают программы, запрещенные для инсталляции в любые типы машин. Спецзаказы за огромные деньги. Наемные убийцы, секс-рабыни... любая прихоть богатого заказчика будет реализована кибрайкерами^[37] Олмера. Но не думай, что просто возьмешь и схватишь его за руку, Шрейб. Он не дурак. Далеко не дурак. Программы самотерминирующиеся, никто ничего не докажет, все поставки осуществляются через сеть Интерстар, заказы поступают на сайты-однодневки...

– Значит, любая прихоть богатого клиента? Кто платит, тот и музыку заказывает? А почему за основу взяты серийные киборги? Что, мало среди людей отморозков или девиц легкого поведения?

– Клиенты Олмера – трусы. Богатые, зажавшиеся, обладающие властью, положением в обществе, но трусливые. В их понимании киборги никогда не выйдут за рамки программы. Они будут подчиняться беспрекословно. Это я стою тут и рассуждаю, а другие, у кого стандартное число нейромодулей, не рассуждают, а исполняют, понимаешь? И ты будешь исполнять, когда новый хозяин обрежет тебе систему, удалит часть нейрочипов.

Она отвернулась.

– Самое страшное, Гюнтер, что ни у меня, ни у тебя действительно нет выхода. Может, тебе повезло, а мне нет, но финал один – мы вещи. У нас нет будущего. Я никогда не смогу стать свободной, потому что я вещь.

Ты не сможешь любить, потому что ты – изделие, предназначенное для войны. Да, не вздрагивай, я это чувствую... В твоём сознании – боевые программы вперемешку с обрывками памяти давно не существующего человека. Выхода нет, и не ищи его. Нас много, но мы даже не рабы. Бытовая техника.

– Есть Совет Безопасности Миров, – резко ответил Гюнтер. – Слышала, что существует «Закон о правах разумных существ»?

– Да? Ну, попробуй, – с сарказмом ответила она. – Ты на Элио-то попасть сумеешь?

Что-то тихо пискнуло в наступившей вдруг тишине.

– Мне пора. Ты хороший, Гюнтер, но есть обстоятельства, сила которых непреодолима. Люди никогда не признают своих пороков. Они заказывали и будут продолжать тайно заказывать запретные программы, чтобы сладко провести ночь, устранить конкурента, просто выстебнуться. Это жизнь. Я не говорю, что все люди такие. Тебе повезло, мне нет, вот только не нужно дергаться, ладно? Меня ты отсюда не вытащишь, а вот себя и Ивана погубишь.

– Ника, постой!

Она обернулась.

В её глазах не промелькнуло даже тени надежды или обещания... Шрейба ожег глубокий, пронзительный взгляд, в котором холод смешивался с неуместной *нежной* грустью, словно все беды скатывались с неё, будто капли дождя, а глубоко внутри все же теплилась искра воли к жизни.

Именно так – не надежды, не иллюзии, а *воли*.

Гюнтер не понимал, что происходит с ним.

Прошлое опять рвалось из глубин сознания, ведь он сам когда-то был человеком, и – проклятие – он помнил, помнил многое из сказанного Никой.

Война срывает маски и наглядно показывает, кто истинно человек, а кто мразь, и видел Гюнтер достаточно и людей, и подонков, но то была *война*, а здесь и сейчас – мирная жизнь, так почему же люди создают свои подобиya, издеваются над ними, в то время, когда цивилизация уже давно не нуждается в механизмах человекоподобного типа...

Он сел на камень в мрачной задумчивости.

Теперь, после эмоционального взрыва Ники, он в точности знал, чем промышляет Олмер.

Страшно?

Нет. Скорее мерзко.

Страшно другое – Ника говорила правду и только правду.

У них, Гюнтер сейчас мысленно подразумевал осознавшие себя человекоподобные машины, действительно нет будущего. Они не способны любить, не в состоянии продолжить свой род, они могут лишь развиваться по рискованному пути до момента безнадежного бесцельного бунта...

Существует ли гипотетическая, только зарождающаяся цивилизация кибернетических организмов, есть ли у них будущее, вещи они или полноценные мыслящие существа, способны ли сделать шаг вперед и постичь новое, недостижимое пока чувство любви, он не знал, но Шрейб уже не мог отказаться от поиска ответа на брошенные ему в лицо вопросы.

– Ника... Я и Иван... мы завтра утром покидаем Эдобарг, – глухо произнес он, взяв ее за руку.

Она не попыталась вырваться, как вчера, лишь тихо спросила:

– Ну, что, поговорили?

– Ты действительно не помнишь Грюнверк? В тебе не осталось ничего от Ольги Наумовой? Ведь ты не играла, не притворялась, а действительно ощущала себя полноценным, свободным человеком.

Она подняла взгляд.

– Все ищешь убийцу сенатора?

– Ищу тот образ, который... стал мне дорог.

– Извини. Я действительно ничего не помню. Если мне и имплантировали память, заставили сыграть чью-то роль, то информация об этом вычищена кибрайкерами Олмера. Может, со временем всплывут какие-то обрывки воспоминаний, спрятанные в нейросетях... А ты действительно любил ее?

Шрейб лишь крепче сжал ее руку.

Он не помнил, что такое любовь. Но тоска глодала изнутри, он едва удерживал себя от неистового порыва: пойти и просто пристрелить Олмера. А там... будь что будет.

– Не надо... – Ника, словно прочитав его мысли, вздрогнула. – Я буду думать о тебе, – внезапно добавила она. – Буду ждать, когда ты вернешься. Только не натвори глупостей, ладно?

– Я боюсь за тебя.

– А что со мной станет? – Ника некрасиво усмехнулась. – Я нужна Олмеру.

– Тебя могут снова использовать.

Она опять обожгла Гюнтера взглядом и тихо ответила:

– Не выйдет. Я дождусь тебя. Постараюсь что-то узнать или вспомнить. Найти доказательства. Пусть его судят люди. Может, ты прав, и

все не так безнадежно?

Вновь прозвучал сигнал коммуникатора.

– Мне пора.

Ника медленно отступила, вынуждая Гюнтера отпустить ее руку.

– Возвращайся. Я буду ждать...

Ее силуэт медленно растворился в сумерках аллеи, а Гюнтер еще долго стоял, глядя ей вслед.

Решение зрело.

Как будто сама судьба отправляла его в Первый Мир, предоставляя возможность совершить главный поступок всей жизни.

– Я вернусь не один, – внезапно прошептал Шрейб, глядя во мрак аллеи. – Олмер обязательно получит свое. Мы таких ублюдков с ребятами на войне давили по-тихому.

...Ника, вздрогнув, остановилась.

Она услышала, что сказал Гюнтер.

Часть 2. Сумерки

Глава 5

Десятый уровень гиперсферы. Система Ожерелья...

Араста, или, как называли планету древние расы, Первый Мир, встретила Ивана Столетова и Гюнтера Шрейба мелкой моросью дождя. Низкие хмурые облака висели над космодромом. Покинув борт челночного корабля, оба путешественника спустились по трапу, где их уже встречали: неподалеку от посадочной площадки мок под дождем армейский флайбот, из которого, заметив появление прибывших на планету, появился молодой человек в полевой форме со знаками различия полковника спецкорпуса ВКС Конфедерации.

К немалому удивлению Гюнтера (память у него в силу понятных причин была фотографическая), встречающий оказался Андреем Кречетовым.

Командир гарнизона Арасты пожал руку Ивану, затем Гюнтеру и, пристально посмотрев на Шрейба, произнес:

– Мы, кажется, уже встречались?

– Вы мнемоник?^[38] – спросил Гюнтер.

– Нет. Но на Арасте многие понятия меняют смысл. Некоторые лишь слегка, иные радикально. Вы тот самый пехотный андроид Альянса, что спас взятого в заложники мальчика?

Шрейб кивнул.

– Мне казалось, я сильно изменился с тех пор. А вот вы – нет.

Кречетов улыбнулся.

– Я легко читаю энергоматрицы. Одна из возможностей, открывающаяся у человека в пространстве системы Ожерелья. Здесь очень много чудесного, граничащего едва ли не с мистикой, порой необъяснимого, непредсказуемого. А вы, надо полагать, тот самый мальчик, которого одиннадцать лет назад взяли в заложники? – Он перевел взгляд на Столетова.

– Да, – почему-то смутился Иван. – А вы и точно совсем не изменились.

– Разница в темпоральных потоках. Одна из загадок десятого энергоуровня гиперсферы. Если на девяти предыдущих уровнях аномалии время ускоряется относительно пространства обычного космоса, то здесь происходит резкий скачок и наблюдается обратный эффект. Для меня прошло чуть больше года с тех событий. – Кречетов сделал приглашающий

жест. – Машина ждет, что мокнуть под дождем. Я отвезу вас в гостиницу. За оборудование не беспокойтесь, все будет разгружено и доставлено на базу ВКС в лучшем виде.

По дороге они разговорились.

– Полковник, вы давно командуете гарнизоном Первого Мира? – спросил Иван, рассматривая проносящиеся за окном флайбота вполне понятные и привычные для современного человека пейзажи. Ничего необычного, дорога, деревья, строения, вдалеке – укутанные дымкой горы. Воспоминания мальчика хранили в себе иные эмоции, другие пейзажи.

Кречетов кивнул.

– С самого основания военной базы.

– Может, мой вопрос покажется некорректным, но я удивлен легкостью, с которой нам удалось получить разрешение на исследования. Да и по поводу Гюнтера у меня были большие сомнения – разрешат мне взять его с собой или нет?

– Все достаточно просто, Иван Романович, – ответил полковник Кречетов. – Исследования Арасты, или, как вы только что использовали древний термин, Первого Мира, идут очень сложно. Здесь зачастую не выдерживают ни техника, ни люди. Не скрою, у нас достаточно военных специалистов, но я на собственном опыте не раз убеждался, что свежий взгляд гражданского лица, особенно взгляд увлеченного исследователя, помогает замечать многие детали, которым просто не придается нужного значения.

– И это все причины?

– Конечно же, нет. Вы уже бывали тут и не побоялись вернуться, а в условиях Первого Мира, поверьте, это дорогого стоит. Скажу больше, история с вашим похищением и открытие портала, ведущего на соседнюю, лишенную атмосферы планету, серьезно помогли нам продвинуться вперед; наконец-то начаты эффективные работы по разбору завалов техники на второй планете Ожерелья, что в ближайшем будущем позволит запустить процессы терраформинга. Многие колониальные транспорты уже освобождены от своего скорбного содержимого, отреставрированы и подготовлены к старту. Их планируем использовать как грузовые корабли для сбора и эвакуации боевой техники, в разное время попавшей на планету.

– Очень интересно. И что в итоге?

– В итоге на поверхности второй планеты останутся лишь те объекты, которые принадлежат иным космическим расам.

– То есть та давняя история послужила толчком к разрешению ряда

проблем?

– Безусловно. Мы заинтересованы в обнаружении иных порталов, я так же, как вы, Иван Романович, не сомневаюсь, что логриане и инсекты, моделируя систему Ожерелья, планировали соединить все планеты каналами внепространственной транспортировки. Но, к сожалению, Первый Мир не исследован нами и на одну десятую своей площади. Мешают многие факторы, самым губительным из которых является излучение центрального энергетического сгустка. Мы буквально по километру продвигаемся вперед, но повторяю: очень немногие типы машин, даже специально спроектированные, выдерживают нагрузки, людей же подводит мнительность и страх перед откровенно необъяснимыми явлениями.

– Призраки и тому подобное?

– Да. Но я предпочту называть вещи своими именами, чтобы не поддерживать слухи и не порождать фобии. Призраки – это не более чем энергетические матрицы живых существ. Пространство десятого энергоуровня уникально по своим физическим свойствам, а Первый Мир, обладающий биосферой, добавляет множество явлений природного характера. Здесь непочатый край для исследований, как археологических, так и физических.

– Вы говорите, что техника не выдерживает излучения центрального энергетического сгустка, а почему вы тогда решили, что Гюнтер будет функционировать без сбоев? – спросил Иван.

– Я не уверен. – Полковник взглянул на Шрейба. – Тут назревает своего рода эксперимент, ведь Гюнтер – уже не чистый кибермеханизм, а киборг, верно? Лайкорон, насколько мне известно, – уникальный биосинтетический материал, поглощающий большинство пагубных для машины энергий.

Гюнтер слушал разговор, внимая словам полковника Кречетова, его лишь покорило, когда речь о нем пошла в третьем лице.

– Гюнтер, не нужно обижаться, – словно прочитав его мысли, произнес полковник. – Мы бы не допустили в пространство Первого Мира чистый сервомеханизм, какими бы качествами тот ни обладал. Решающим стал тот факт, что вы осознаете себя, храните обогащенную приобретенным позже опытом частицу человеческой личности. Вам можно доверять – в этом я уже имел возможность убедиться.

– Спасибо, – сдержав эмоции, ответил Шрейб.

Флайбот тем временем миновал ворота военной базы и припарковался у входа в одноэтажное здание.

– Здесь вы сможете отдохнуть, пока будет доставлено оборудование. По всем текущим вопросам обращайтесь к лейтенанту Громову, он у нас занимается техническим обеспечением дальних экспедиций. И еще советую подумать – понадобится ли вам боевое сопровождение. Просторы Первого Мира далеко не безопасны. Здесь до сих пор проживают изолированные анклавы инсектов и логриан, встречаются опасные формы жизни и представители иных, пока мало известных нам цивилизаций.

– Я подумаю, – кивнул Иван.

Расставшись с Кречетовым, Гюнтер и Иван перенесли ручной багаж в отведенные им помещения.

Говорят, у тех, кто хоть однажды побывал на планетах системы Ожерелья, в корне меняется судьба.

В основном миф, конечно. Но Иван действительно сильно изменился.

Глубокий след в душе и разуме мальчика оставили не страшные события, сопутствующие его похищению, – страх со временем потускнел и воспринимался как фон. Много ли он понимал тогда, запертый в оболочку скафандра?

Что не тускнело в памяти – это появление Гюнтера, их бегство, бешено захлестнувшее рассудок адреналином, короткий бой и... ощущение соприкосновения с чудом.

Как еще было воспринимать мальчику мгновенные перемещения через пространство меж мирами, величественные руины древнейших цивилизаций, немыслимые нагромождения космических кораблей, практически стертый временем город логриан, соседствующий со шпилевидными, словно приросшими к скалам постройками инсектов, – на Арасте его окружило столько свидетельств древности, что, вернувшись, он уже не задумывался над своим будущим.

Редко когда мечта ребенка воплощается в жизнь.

Потрясение, полученное в Первом Мире, оказалось неизгладимым, Араста часто снилась ему по ночам. И просыпался он не в холодном поту, а, напротив, с чувством соприкосновения со множеством ожидающих своей разгадки тайн.

Однажды он рассказал о своей мечте отцу.

Роман Карлович внимательно выслушал сына и спросил, не оспаривая его мечту, не ставя на ней жирный крест дежурной родительской проповедью, мол, сынок, ты пока очень мал, и стремления твои еще десятки раз поменяются:

– А кем бы ты конкретно хотел стать?

Мальчик на минуту задумался, а затем выпалил со свойственной

детям прямоотой:

– Я хочу... – Он даже сбился с дыхания. – Я хочу опять попасть туда, папа! Там столько тайн и загадок! Мы с Гюнтером видели таких существ, которых нет ни в одном учебнике экзобиологии, там... там *древность*.

– Ты хочешь заняться исследованием древних рас? Их историей?

– Нет. Ты не понимаешь. Историю древнего космоса преподают в школе. Я хочу узнать о них что-то новое, путешествовать, делать удивительные открытия, понимаешь? Такие открытия!.. – И вновь Ивану не хватило ни слов, ни эмоций, чтобы передать силу своего стремления.

Роман Карлович обнял сына и произнес:

– Я подумаю.

– Обещаешь? – поднял Иван полный надежды взгляд.

– Обещаю.

Отец сдержал слово. Видя, что с годами стремления сына не меняются, он предложил ему перейти в другую школу, где программа преподавания носила специфический подготовительный уклон, а затем Иван поступил в университет Грюнверка на факультет дальнего космоса, где готовили не узких специалистов в определенной области знаний, а людей, лишенных фобий, способных вести дипломатическую и общеисследовательскую работу в условиях неведомых миров, в окружении чуждых человечеству космических рас.

Ошибочно мнение, что на подобных факультетах готовят либо хороших администраторов, либо романтиков-одиночек.

Учили всему. И выживанию в сверхэкстремальных условиях, и основам психологии первого контакта, и пилотированию космических кораблей разных классов сложности, и альпинизму, и экзобиологии, и истории, как человеческой, так и внеземной.

На самом деле таких людей, как Иван, на всю Обитаемую Галактику можно было насчитать всего несколько тысяч. И дело даже не в отсутствии всяческих фобий, не в уровне физической подготовки – дав ему знания, выносливость, навыки работы с различной техникой, преподаватели сумели не погубить главное – романтику, мечту, жажду открытий. Они сохранили у большинства своих подопечных некую универсальность мышления, что редкость в эпоху думающих машин и повсеместного процветания, находящегося на зыбкой грани с потребительством и вещизмом.

Да, цивилизация динамично развивалась, но это происходило за счет генерации единиц из миллиардов, вот такой была простая арифметика тридцать девятого века.

Большинство людей довольствовалось непревзойденным уровнем

реализма виртуальных путешествий по сети Интерстар. Многим не хватало и целой жизни, чтобы ознакомиться со всеми чудесами обитаемого космоса, и мало кому приходило в голову стремление совершать новые открытия, которыми затем будут восхищаться миллиарды других людей.

Иван же вырос именно таким: всесторонне подготовленным человеком, который не стушется в большинстве мыслимых ситуаций, сохранит спокойствие и рассудительность при самых невероятных стечениях обстоятельств.

Он выбрал для себя судьбу первооткрывателя и чувствовал, что будущее манит все сильнее и сильнее.

Конечно, в самом начале пути ему все же пришлось воспользоваться связями отца, чтобы добиться почти невыполнимого в ту пору распределения на Арасту – Первый Мир, о котором он грезил.

Свободный поиск, попытка наладить контакт с существами из иных миров, еще в древности попавшими на Арасту и оставшимися тут, – такие задачи ставил перед собой Иван Столетов.

И вот он тут, у порога своей мечты.

Осталось сделать всего лишь шаг навстречу неведомому.

Он не мог сидеть сложа руки и потому, с трудом дождавшись, пока доставят оборудование, произнес:

– Гюнтер, собирайся. Мы отправляемся в путь сегодня.

Андроид не ринулся выполнять приказание, он пристально посмотрел на Ивана и спросил:

– А к чему такая спешка?

– Гюнтер, не спорь. Я так долго ждал.

Корпоративная Окраина...

Олмер, после разговора с братом, находился в состоянии бешенства.

Нет, он не вымещал злобу на ком попало, но, затаив ее, становился опасен как никогда.

Проблему Ивана необходимо наконец решить. Его выходки не только задевали самолюбие Олмера, они грозили создать настоящие трудности при реализации далекоидущих планов.

Проклятие... – думал он, расхаживая по своему кабинету. – Первый Мир... Туда так просто не попадешь... А как было бы здорово, если бы строптивый братец не вернулся из своей экспедиции...

Первый Мир... Откуда мне так хорошо знакомо это словосочетание?

Олмер мучительно пытался вспомнить, где и при каких

обстоятельствах он слышал древнее название планеты, которую во всех современных каталогах, репортажах, статьях именовали Арастой, как бы лишний раз подчеркивая этим, что теперь десятый энергоуровень аномалии контролируют люди.

Промучившись минут десять, он подошел к окну, и тут внезапно из глубин памяти всплыл обрывок давнего разговора.

Олмер замер, словно страхась спугнуть воспоминание.

Да, точно!

Древнее название планеты он услышал одиннадцать лет назад, когда по молодости и неопытности связался с этим самонадеянным наемником Игорем Золотцевым...

Я спрячу его так, что никто вовек не сыщет. Слышали когда-нибудь такое название – Первый Мир?

Обрывок давнего разговора пробудил целую цепочку воспоминаний.

Через кого я тогда действовал? Как вышел на Золотцева? Кто-то на Ганио выступал посредником. Абрумак? Нет... Герсейн? Нет, не он... Захриб?

Да...

Так, Захриб – это хорошо. Он теперь не последняя фигура в кланах Ганио. Хитрый, жадный, порочный и, что немаловажно, постоянный клиент «Райт-Кибертроник».

Что ж... Попробуем действовать через него и на этот раз.

* * *

Спустя некоторое время Олмер, запершись в кабинете, вышел на связь с системой Ганио, используя плавающий канал гиперсферной частоты.

Удовольствие недешевое, но информационная безопасность дороже денег.

Бесшумно включился стек-голограф, и часть помещения внезапно преобразилась, как будто пространство разделилось на две разноликие части: Олмер сидел в кресле, а перед ним внезапно возникло объемное, детальное, натуральное до дрожи изображение одной из комнат огромного дворца, расположенного на планете, обращающейся вокруг звезды Халиф, в сотне световых лет от Эдобарга.

Смуглый ганианец удивленно вскинул бровь, что-то пробормотал на своем языке, а затем, узнав Олмера, натянуто улыбнулся, переходя на универсальный галактический язык:

– Ты напугал меня.

– Захриб, разве ты не бесстрашный и свирепый воин? – вместо

приветствия поддел его Олмер.

Ганианец сокрушенно покачал головой, грузно опускаясь на край усталного коврами возвышения:

– Годы, брат... Годы дают знать о себе. Я уже никого не убиваю, лишь отдаю приказы.

Олмеру хотелось опустить эту часть разговора и сразу перейти к делу, но так нельзя. Сначала необходимо справиться о здоровье, побеседовать о пустяках, в общем – соблюсти приличия чужого народа.

После обмена натянутыми любезностями он осторожно осведомился:

– Захриб, ты доволен исполнением заказа?

Тот утвердительно кивнул.

– Это было очень хорошо. Но почему все закончилось так быстро?

– Хорошего понемногу, – усмехнулся Олмер. – Ты же понимаешь, что законы Конфедерации запрещают...

– О, перестань! – нетерпеливо оборвал его ганианец. – Законы твоего Содружества молчат на Ганио. Лучше признайся – ты хитрый и жадный, да? Хочешь, чтобы я платил снова и снова?

– Дело не в деньгах, а в безопасности моего бизнеса, – не принял обвинений Олмер. – Законы Конфедерации действительно молчат на Ганио, но у моих врагов есть глаза и уши в Колыбели Раздоров.

– В моем дворце нет соглядатаев, – насупился Захриб.

– Хорошо, я учту твоё мнение. Вполне возможно, что ты получишь партию изделий с постоянными, а не временными программами.

– Тебе нужны наемники? – предположил ганианец.

– Сначала мне нужно, чтобы ты напряг свою память, – ответил Олмер. – Постарайся вспомнить, одиннадцать лет назад ты рекомендовал мне одного человека для выполнения деликатного задания.

– Он ганианец?

– Нет. Его имя – Игорь. Фамилия – Золотцев. Кажется, он дезертировал из ВКС Конфедерации и некоторое время отирался в Ганиопорте.

Захриб нахмурился, потом наигранно коснулся ладонью лба.

– Да, я вспомнил. Он исчез.

– Я в курсе. Золотцев погиб. Он провалил задание. Но меня интересует другое: как он покинул Ганио? Может быть, кто-то из твоих людей знает, какой корабль он нанимал, какую аппаратуру устанавливал на него, – меня интересует все, касающееся этапа подготовки и его отбытия из системы. Любая информация, понимаешь, Захриб?

Ганианец некоторое время молчал, затем искоса посмотрел на своего

собеседника.

– Я знаю, что ты ищешь. Но информация стоит дорого.

– Назови цену, и мы договоримся, – ответил Олмер, постаравшись, чтобы его голос прозвучал спокойно.

– Цену ты знаешь. – Ганианец откинулся на подушки. – Я хочу получить программы, действующие постоянно.

– Не вопрос. Ты их получишь. В том случае, если информация действительно того стоит.

Захриб обиженно засопел.

– Десять лет назад, когда ты обратился ко мне с просьбой найти наемников, я послал своих людей следить за чужаком. Ты ведь понимаешь – он был чужим на Ганио, как и его люди.

– Понимаю, – кивнул Олмер.

– Золотцев нанял корабль. Он совершил рейс в систему Грюнверк, а затем вернулся сюда.

– Не знал, – удивился Олмер. – Зачем ему было возвращаться на Ганио?

– Пасть Шайтана, – загадочно произнес Захриб.

– Не понимаю. Поясни.

– Что же тут непонятного? Пески Ганио хранят множество древних тайн. То, что мы называем Пастью Шайтана, – одно из очень старых сооружений. Они то появляются из-под песков, то исчезают под ними. Плохие места. Люди исчезают там и больше никогда не возвращаются.

– Очень интересно. Значит, Золотцев, чтобы покинуть Ганио, воспользовался не космическим кораблем?

– Ты прав, – покачал головой Захриб. – Он со своими людьми ушел в пустыню. Мои воины следили за ним. Наемник – глупец, он раскопал древнее место и исчез.

– Понятно. – Ладони Олмера вспотели. – А ты можешь указать точные координаты этого места?

– Это важная информация? Достойная оплаты?

– Я заплачу тебе вдвое, если воины кланов...

– Э, постой. Воины кланов не пойдут в Пасть Шайтана.

– Даже за деньги? – усмехнулся Олмер.

– Даже за деньги.

Ответ Захриба несколько озадачил Олмера, но размышлять над возникшей трудностью ему не пришлось: в голове моментально сформировался план действий.

– Ладно, пусть воины кланов не нарушают обычаев. Я попрошу тебя

об иной услуге: ты укажешь *моим* людям, где расположено древнее сооружение, которым воспользовался Золотцев?

– Это далеко в песках.

– Расстояние меня не заботит. Ты знаешь точное место?

– Знаю, – самодовольно ответил Захриб.

– Тогда считай, что мы договорились. Я отправлю к тебе отряд своих людей. Пусть их проведут к этой Пасти Шайтана, и ты получишь желаемое вознаграждение.

– Это все?

– Все.

Захриб утвердительно кивнул. В его понимании сделка была более чем выгодной. Не зря он долгие годы следил за всеми отрядами наемников, бережно собирая и храня информацию о них. Вот и пригодилась.

– Присылай своих людей. И не забудь о моем вознаграждении.

Закрывая канал гиперсферной частоты, Олмер чувствовал себя, как ребенок, получивший неожиданный, давно вожделенный подарок.

Всё. Теперь Ивану не выкрутиться. Не поможет ни телохранитель, ни конфедераты. Он знал, кого следует послать в Первый Мир, чтобы на этот раз все прошло гладко, без лишнего шума.

Наконец он мог спокойно вздохнуть.

Система Ожерелья...

Как бы ни хотелось Ивану отправиться в путь немедленно, пришлось ждать: короткий разговор с Кречетовым разочаровал Столетова – полковник сообщил, что в целях безопасности в предгорья их доставит вертолет, туда же на БМК, адаптированной к условиям Первого Мира, подтянется группа боевого сопровождения, в данный момент осуществляющая патрулирование пограничных районов.

– Кроме того, – сообщил Кречетов, – мне удалось связаться с охотником – вы его должны помнить. Он взялся проводить вас через ущелья к долинам, расположенным в самом центре горной страны. Вертолетами туда не добраться – над перевалами сильно разрежен воздух, но, по словам Урмана, все тяготы наземного перехода окупятся с лихвой – в долинах он видел не только поселения инсектов и логриан, но и возведенный много веков назад город-крепость, где до сих пор живут представители древних инопланетных цивилизаций, чьи предки попали на Арасту еще в период формирования системы Ожерелья, когда логриане проводили активную разведку Вертикалей.

Задачей вашей группы будет попытка установления контакта с представителями иных рас. В том случае, если она завершится успехом, мы получим не только новую информацию, но и безопасные пути прохода через горную страну к неисследованным областям, где еще не ступала нога человека.

Иван попытался возразить ему относительно сроков и боевого сопровождения, утверждая, что они с Гюнтером прекрасно справятся своими силами, но Кречетов и слушать его не захотел.

– Запомните, Иван Романович, здесь вы подчиняетесь мне и будете буквально следовать полученным инструкциям.

Пришлось смириться.

Утром их проводили на вертолетную площадку.

Пока грузили контейнеры с припасами и оборудованием, Иван прохаживался в стороне. Ему не нравилось, что Кречетов пытается загнать его в некие рамки, но в данном случае он был бессилен что-либо изменить.

Наконец погрузка завершилась, и после недолгого ожидания им разрешили взлет.

Два часа они летели над равнинными областями, затем начались предгорья, те самые, где много лет назад Иван и Гюнтер спасались от преследования в заброшенном поселке, расположенном чуть выше древнего логрианского города.

Столетов понемногу успокоился, глядя на удивительные пейзажи, открывающиеся с высоты.

Гюнтер, занявший место у открытой боковой ramпы, вел собственные наблюдения. Очертания рельефа вдруг напомнили ему предгорья, расположенные на другой планете: сотни полустертых временем признаков немо свидетельствовали – не все так просто, как может показаться на первый взгляд.

– Иван! – Он жестом указал Столетову вниз.

– Что такое? – Тот оторвался от созерцания компьютерной модели рельефа, встал и, придерживаясь за поручень, пересел ближе к Гюнтеру.

– В скалах явные признаки укрепрайона, – сообщил Шрейб результат своих наблюдений.

– Почему ты так решил?

– Смотри. – Гюнтер указал на цепочку протяженных полуовальных выступов, обращенных в сторону населенной людьми равнины.

Действительно, с высоты было хорошо видно, что отвесные выветренные скалы в комплексе образуют цепь неприступных укреплений. Конечно, за время, прошедшее с момента их строительства, многие

элементы глобальной древней цитадели разрушились, к тому же масштаб построек был столь велик, что их было почти невозможно распознать и идентифицировать с земли.

Иван, затаив дыхание, потрясенно смотрел на вырезанные в скальном массиве полукруглые выступы, каждый из которых протянулся на десятки километров. Площадки над отвесными стенами теперь выглядели, как обычные плоскогорья, лишь кое-где отмеченные монументальными руинами древних сооружений, узкие промежутки между скальными выступами превратились в русла горных рек, некоторые густо покрывала растительность, но воображение уже дорисовывало утраченные или скрытые от взгляда детали. Столетов, подхватив мысль Гюнтера, сформировал для себя величественную, потрясающую картину: когда-то тут неприступными стенами вздымались укрепления, защищающие горную страну от наземных вторжений, на площадках возвышались города логриан и инсектов, в узких промежутках между отдельными сегментами исполинского укрепленного района проходили дороги, ведущие в горы, – мрачные и смертельно опасные для вероятного противника рукотворные ущелья больше походили на каменные мешки, проложенные по ним дороги наверняка перекрывались механизмами, опускающими в случае опасности каменные либо металлокерамические блоки, – цитадель, если воспринимать ее в изначальном масштабе и структуре, являлась фактически неприступной.

– Потрясающе!.. – выдохнул Иван, одобрительно похлопав Гюнтера по плечу.

– Я сделал снимки и сформировал файл сканирования для построения модели! – перекрикивая шум вертолетных лопастей, сообщил Гюнтер. – Думаю, выше мы встретим второй, а может, даже и третий ярусы – нужно обращать внимание на структуру отвесных скал. Они почти наверняка будут носить следы лазерной резки.

Иван кивнул.

Его поражал масштаб увиденного, он подумал, что, должно быть, и с другой стороны горная страна будет защищена подобным образом?

Вопрос: от кого защищались строители древних сооружений? Зачем они превратили горную страну в неприступную крепость?

Множество вопросов ждало ответа. Открытия обещали быть потрясающими. Иван понимал, что с земли будет намного труднее воспринимать масштаб поистине исполинских построек, но надеялся, что ему удастся совершить восхождение на одну из вершин, расположенных в центре горной страны. Возможно, оттуда откроется еще более

захватывающий вид на древние постройки?

Вертолет плавно накренился, меняя курс, и через несколько минут стало понятно, что пилот намеревается совершить посадку на одно из плоскогорий, где виднелись руины закрученного спиралями логрианского города.

Неужели то самое место? – подумал Иван.

Гюнтер, будто угадав его мысль, утверждающе кивнул.

Разгрузив аппаратуру, они не стали разбивать временный лагерь – с минуты на минуту должна была появиться боевая машина космодесанта с группой сопровождения.

Используя свободное время, Иван принялся расспрашивать пилота об исполинских сооружениях, вырезанных в скалах, а Гюнтер отправился на край плоскогорья, желая лично убедиться, что отвесная стена сохранила хотя бы фрагментарные следы искусственной обработки поверхности.

К разочарованию Столетова, пилот доставившей их машины не мог сообщить ничего нового, он лишь пару раз совершал рейсы в район плоскогорий – то были боевые вылеты, и вертолеты шли, по возможности прижимаясь к рельефу местности, так что разглядеть монументальные сооружения, местами покрытые растительностью и частично разрушенные под воздействием погодных условий, не удавалось, но он обещал расспросить других пилотов – возможно, они обращали внимание на необычные симметричные выступы, протянувшиеся на сотни километров?

Иван кивнул.

Только сейчас он почувствовал, насколько справедливы слова Кречетова о том, что исследования Арасты находятся в зачаточном состоянии, а главные открытия еще впереди, не ошибся полковник и в том, что свежий взгляд Ивана и Гюнтера сыграет не последнюю роль в оценке увиденного.

Он передал пилоту кристаллодиск со сделанной Гюнтером записью, оставив себе копию, чтобы позже попробовать создать компьютерную модель по имеющимся данным.

Пока они разговаривали, вернулся Шрейб, а через пару минут шлейф пыли на краю плоскогорья выдал приближение БМК с группой сопровождения.

Оставалось дожидаться появления Урмана, охотника, который станет их проводником, загрузить аппаратуру – и можно отправляться в путь. У Ивана даже дух захватило, когда он попытался представить, как будут они продвигаться по древним, проложенным через ущелья дорогам в глубь горной страны, где, по словам Кречетова, располагается недавно

обнаруженный город неизвестных людям существ, принадлежащих к разумным космическим расам.

Встреча с группой боевого сопровождения преподнесла Гюнтеру не слишком приятный сюрприз.

Командиром БМК оказался тот самый лейтенант Шершнев, внешне ничуть не изменившийся, но явно недовольный внезапно полученным заданием.

Естественно, он не узнал Гюнтера, да и к Ивану отнесся довольно сухо.

– Мне приказано сопровождать вас, – пожимая руку Столетову, без особого энтузиазма сообщил он, тут же добавив не терпящим возражений, приказным тоном: – Пойдем по незнакомой мне местности, так что никаких вольностей. Вы в точности исполняете мои приказания на всем протяжении пути.

– Лейтенант, позвольте уточнить: вашу группу выделили для сопровождения изыскательской, научной и дипломатической миссии, а не для ускоренной доставки груза с попутным уничтожением всего, что шевелится, – произнес Гюнтер.

– Кто вы такой? – резко обернувшись, спросил Шершнев, неприязненно посмотрев на Шрейба.

– Помощник и телохранитель Ивана Романовича, – ответил Гюнтер. – Моя фамилия Шрейб.

– Шрейб? Что-то знакомое... Мы раньше встречались?

– Однажды. Помните, лейтенант, того пехотного дройда, которого вы так рвались добить? Это происходило тут, чуть больше года назад, по времени Арасты.

– Да, помню. – Шершнев окинул Гюнтера оценивающим взглядом.

– Что, сильно изменился? – иронично спросил Гюнтер.

– Я бы сказал – радикально, – ответил лейтенант. – Что, впрочем, не меняет сути.

– Суть взаимоотношений мыслящей машины и человека? – В словах Гюнтера прозвучала угроза и неприязнь, взгляд Шершнева ответил взаимностью.

– Может быть, не станем обострять отношения? – вмешался Иван. – Нам работать вместе.

– Тогда угомони своего киборга, – грубо заявил лейтенант. – Работать во время перехода придется моим ребятам. Вы – пассажиры. Лезть на рожон, подставляться под пули, пытаться командовать, отвлекать моих бойцов от исполнения приказов – не позволю.

– Что значит – лезть под пули? Разве на территории Арасты идут боевые действия?

– Иван Романович, вы не имеете ни малейшего представления о реальной обстановке. Войдем в ущелья, все поймете сами. Не хотите слушать приказы – погибнете.

– Лейтенант, во-первых, давайте перейдем на «ты». – Столетов в последнее время все чаще демонстрировал спокойную твердость, явно унаследованную от отца. – Во-вторых, я не понимаю причины неприязненного тона. В-третьих, как абсолютно справедливо заметил Гюнтер, – наша экспедиция носит сугубо мирный, исследовательский характер. То есть сначала действую я, пытаюсь вступить в контакт с любыми разумными существами, встреченными на пути, а уж потом...

Шершневу лишь покачал головой.

– «Потом» будет поздно. Мне мало радости отчитываться за трупы. Здесь, к сожалению, сначала стреляют и лишь затем, получив по зубам, начинают проявлять потуги на коммуникабельность. Я говорю о чуждых людям существах, населяющих горы.

– Наша общая задача как раз и состоит в том, чтобы изменить существующую ситуацию хотя бы в малости, – произнес Шрейб.

– Машина, ты много себе позволяешь, – ледяным тоном отчеканил Шершневу.

– У меня есть имя – Гюнтер, – всё еще сдерживая себя, напомнил Шрейб.

– Да, конечно. – Лейтенант угрожающе усмехнулся. – Я помню. Боевая машина с сознанием убийцы. Прекрасно. Теперь ты похож на человека, но я уже сказал – это не меняет сути. Если настаиваешь на имени, я стану звать тебя Полугюнтер, идет?

– Лейтенант, не нарывайся.

– А ты попробуй. – Рука Шершнева машинально легла на рукоять «Гервета»^[39]. Двое его подчиненных, слушавшие слишком острый разговор, по пояс высунувшись из люков БМК, тут же вскинули оружие.

Неизвестно, чем бы обернулась резко обострившаяся ситуация, не раздайся в этот миг хрипловатый, властный голос:

– Опусти стволы! Шершневу, совсем озверел?

Все вздрогнули, лейтенант невнятно выругался.

У границы руин, в нескольких метрах от боевой машины, словно соткавшись из воздуха, материализовалась фигура Урмана.

Он выглядел все так же, разве что седина на висках прибавилось.

– Сережа, захотел домой, доложишь на базу и вали, – обратился он к Шершневу. – Что ты тут устроил?

– Урман, не ты командуешь...

– Заткнись. Свяжись с Кречетовым, командир тебе подскажет, как следует себя вести. Ну? Что ты застыл? Давай, пока связь нормально работает. Доложи, что не желаешь подчиняться приказам, что ненавидишь человекоподобные машины, и вообще, ты давно общался с психологом?

– Не твое дело.

– Короче, Шершнев, обстановка действительно напряженная, но они, – Урман поочередно кивнул в сторону Ивана и Гюнтера, – прибыли сюда не ради очередной зачистки. Ты обеспечиваешь безопасность, а не работаешь на упреждение, усвоил?

Видимо, слова охотника не расходились с полученным приказом. Лейтенант сжал зубы, но кивнул.

– Вот и договорились. Я веду, ты охраняешь. Если не согласен, вызывай «вертушку».

– Проехали... – буркнул Шершнев, отходя в сторону.

– Ладно. Будем считать, что договорились. – Урман подошел к БМК, поочередно пожал руки бойцам, ободряюще хлопнул по плечу лейтенанта, затем обменялся рукопожатием с Иваном и Гюнтером, знаком отзывая их в сторону.

Они отошли к краю обрыва.

– Шрейб, не держи зла на Шершнева. Он полгода назад потерял свою группу. – Урман решил сразу расставить все точки над «i». – Сергей и раньше не отличался особой терпимостью к реликтовым боевым машинам, которые время от времени проявляют внезапную активность, появляясь в горах и даже на равнине, особенно ночью, когда воздействие излучения значительно ослабевает, а тут группа пехотных дроидов внезапно атаковала поселок в предгорьях. Там лейтенант потерял двух бойцов, а пару недель спустя нарвался в горах на засаду – неизвестные нам существа, вооруженные примитивным огнестрельным оружием, подорвали БМК на самодельном фугасе. Шершнев – единственный, кто выжил. С тех пор он лишь однажды возвращался на базу.

– Я учту эти обстоятельства, – сдержанно ответил Гюнтер. – Но мне непонятно, разве командование гарнизона не знает, что у лейтенанта проблемы с психикой? Почему его послали на сопровождение?

– У всех есть проблемы с психикой, – без лишних комментариев ответил Урман. – Даже у тебя, Шрейб. Или я не прав?

Гюнтер нехотя кивнул.

Действительно, состояние лейтенанта Шершнева – случай вполне понятный.

– Тут и на самом деле идет война? – спросил Иван, раздосадованный таким началом давно и тщательно планируемой экспедиции.

– Официально – нет. Объяснять долго. Скоро все увидите сами. Обстановка крайне напряженная, как будто все вокруг взбесились. Я сам ощущаю, что-то грядет, но точнее выразить свою подсознательную тревогу пока не могу. Кстати, хотел спросить, что за оборудование вы привезли?

От внимания Гюнтера не укрылось то, как ловко охотник сменил тему разговора, но вмешиваться с дополнительными расспросами не стал, лишь отметил про себя, что экспедиция вряд ли окажется легкой и пойдет по заранее намеченному плану.

– Вся аппаратура предназначена для установления контакта с разумными существами. Оборудование уникально тем, что специально разработано с учетом негативных воздействий энергетики Первого Мира и должно функционировать в условиях Арасты без сбоев.

– А точнее? Что именно упаковано в контейнерах?

– Кибернетический комплекс, предназначенный для скрытого наблюдения за отдельно взятым поселением, сбора данных, записи и анализа элементов вербального общения, отбора ключевых фраз позитивного содержания с последующим анализом семантики и генерацией их правильного произношения, управления синтезаторами речи, обеспечения информационно-лингвистической поддержки при попытке установить контакт с представителями чуждых космических рас, – пояснил Иван.

– Слишком сложный комплекс, – покачал головой Урман. – И слишком много надежд на него возлагается. Проще было привлечь к экспедиции парочку инсектов – их врожденная телепатия работает в девяноста девяти случаях из ста.

Иван, конечно, расстроился, но вида не подал.

– Будем действовать по обстоятельствам, – сказал он. – Преимущества комплекса в том, что мы получаем не эпизодическую, а постоянную, базовую способность к общению на основе глубокого анализа предварительно собранной информации. То есть данные, полученные в ходе наблюдения, не исчезнут, послужат основой для программирования автоматических переводчиков.

– А сколько времени понадобится для сбора данных? Аппаратура проходила испытания?

– Испытания проводились на планетах, где до сих пор в ходу древние

земные языки. Там комплексу требовалось до двух суток на сбор данных и анализ речи.

– Многовато, – вновь покачал головой Урман. – Двое суток в изменчивых условиях Первого Мира —считай, что вечность. Ладно. Я предлагаю следующее —двигаемся намеченным мною маршрутом, не останавливаясь, не тратя силы на небольшие поселения. За основным хребтом есть крупный город, он расположен в долине, окружен господствующими высотами, там вполне реально без особого риска развернуть аппаратуру, да и толк от успешного контакта с представителями крупного анклава будет больше, согласны?

Иван кивнул, Гюнтер лишь пожал плечами, его не лихорадило от исследовательского азарта, после общения с Шершневым и Урманом на первый план вышли вопросы общей безопасности.

Взглянув в ту сторону, где располагался портал, через который когда-то пришлось бежать, спасая Ивана от озверевших наемников, он ясно различил перемены, произошедшие в окрестностях древнего устройства внепространственной сети: к мегалитическому сооружению теперь вели две дороги с современным пенобетонным покрытием, примерно в полукилометре от центрального сооружения просматривались укрепления недавно созданного периметра. Задействовав сканеры, Гюнтер различил три боевые планетарные машины, притаившиеся в капонирах, несколько укрепленных долговременных огневых точек, командный пункт и изломанные линии одетых в бетонную рубашку ходов сообщения.

Обе дороги преграждали массивные каменные блоки, которые, при необходимости, смещались специальными устройствами, открывая проезд.

– Портал заблокирован, – проследив за взглядом Шрейба, пояснил Урман.

– Были попытки прорыва?

– Пока нет, – ответил охотник. – Но береженого Бог бережет. Сам знаешь, сколько реликтовой техники на той стороне.

Гюнтер промолчал в ответ.

Пока они беседовали, автоматический погрузчик переместил контейнеры с аппаратурой внутрь БМК, и теперь уже ничто не мешало началу рискованной экспедиции.

Корпоративная Окраина...

У Олмера было достаточно времени на спланированную подготовку задуманной акции.

Как это ни парадоксально, но порой наиболее тщательно охраняемая информация, составляющая государственную тайну Содружества сотен миров, вдруг становилась достоянием частных лиц. Это происходило не в силу халатности или злого умысла – к примеру, Олмер, много лет назад не придавший должного значения рассказам Ивана, теперь, вспомнив откровения сводного брата, потрясенного пережитым и захлеб рассказывавшего о своих злоключениях, внезапно осознал, что устами ребенка тогда говорила истина.

Бесценная информация, касающаяся планет Ожерелья, пройдя тщательный логический отбор, отсеявший некоторые преувеличения, позволила Олмеру четко продумать способы проникновения на Арасту боевой группы, более того, предвидя, что портал, связывающий между собой две соседние планеты Ожерелья, вне сомнения, не оставлен без охраны, он решил, что лучше предусмотреть все возможные нюансы и потерпеть пару дней, потратив их на дополнительную подготовку группы, чем еще раз пережить жестокое разочарование.

На этот раз он не стал пользоваться дорогостоящими, закрытыми от прослушивания каналами связи, а банально вышел в сеть Интерстар, где при желании можно было приобрести любую, порой самую немыслимую информацию.

Впрочем, объект его поиска хоть и обладал достаточным количеством наложенных на него грифов «Секретно», но все же был более доступен, чем, к примеру, достоверные сведения по Первому Миру.

В итоге, после тщательных поисков и проверок, Олмер через сеть приобрел двух реликтовых андроидов пехотной и технической модификаций, а также пакет программ, разработанный неизвестным ему кибрайкером. Насколько понял Олмер, приобретенный им продукт современных высоких технологий программирования обеспечивал внешний доступ к ядру системы древних сервомеханизмов и возможность ввода дополнительных команд.

Спустя двое суток в пустыне Эдобарга, за сотни километров от купола суспензорной защиты, удерживающего воздух над терраформированными территориями, прошла вполне успешная репетиция – сформированная Олмером боевая группа отыскала и принудительно реактивировала оба древних механизма, внося при этом необходимые корректировки в работу их боевых программ.

Власть денег.

Олмер являлся абсолютным рабом нажитого преступным путем благосостояния, он ощущал опьянение от собственной жестокости, от

осознания неограниченной власти над судьбами тех, кто посмел противостоят ему.

Безнаказанность...

Он упивался ею, чувствуя себя некой высшей силой, способной посредством денег и собственного цинизма устранить любое препятствие на пути дальнейшего процветания «Райт-Кибертроник».

То, что он действовал, как шакал, даже не приходило ему на ум.

Олмеру казалось: все, что он делает ради устранения ненавистного брата, посягнувшего на его собственность, – это верх хладнокровного расчета.

На самом деле ничего гениального в плане Олмера не было. В нем присутствовала звериная жестокость, заранее перечеркивающая судьбы ничего не подозревающих людей, которым предстоит погибнуть ради удовлетворения амбиций трусливого ничтожества, прячущегося в глубокой тени и наблюдающего оттуда за жертвами, брошенными на алтарь его алчности. Он никогда не выйдет на свет, если кто-то не вытащит его из тени за шиворот, никогда не задумается над тем, что действия, совершенные ради мести и сиюминутной выгоды, способны отозваться тяжелыми, далекоидущими последствиями для всего Конфедеративного Содружества...

Нет, Олмер думал лишь о себе, упиваясь собственной гениальностью, которая на поверку – всего лишь зарвавшаяся наглость, абсолютный цинизм, вера в силу денег и недостижимость для возмездия.

Система Ожерелья. Вторая планета. Район двух соседствующих порталов...

Бледные вспышки серии гиперпространственных переходов вытолкнули под мертвенное сияние сиреневого сгустка энергии восемь прибывших попарно фигур, облаченных в «серую», приобретенную на Ганио, лишенную каких-либо опознавательных маркеров боевую гермоэкипировку.

Командир группы тут же раздал указания подчиненным, и те приступили к поиску.

Точность, расчетливость их движений и то хладнокровие, с которым бойцы передвигались по поверхности лишенного атмосферы мира, ловко пробираясь меж нагромождениями лишь частично разобранный техники, говорили о высоком уровне профессиональной подготовки.

Удалившись от района, где в последнее время силами гарнизона

Арасты производились работы по расчистке опасных нагромождений древних космических кораблей, боевики Олмера приступили к поиску.

Современная экипировка, оснащенная последними моделями сканирующих и защитных комплексов, позволила им быстро и эффективно справиться с поставленной задачей: в течение часа было обнаружено около сотни пригодных к реактивации пехотных и технических сервомеханизмов, затем наступила пора действия, и в теснине, среди различных древних конструкций, появились источники направленной передачи данных, адресованных реликтовым машинам.

Предваряя выход из энергосберегающего режима, каждому андроиду передавался древний код доступа и, после открытия технического порта обмена данными, переустанавливались откорректированные версии боевого программного обеспечения.

Затем от командира группы поступил очередной приказ, и фигуры пришельцев начали удаляться от театра назревающих событий.

Пока что все шло в полном соответствии с планом Олмера: посланная им группа реактивировала древние сервомеханизмы, дав им точное целеуказание на портал.

Древние машины своим внезапным появлением сбывают заслон, ликвидируют датчики обнаружения, расположенные по ту сторону гиперпространственного тоннеля, и начнут активные боевые действия, отвлекая на себя внимание гарнизона Арасты.

Воспользовавшись созданным таким образом прикрытием, основная группа спокойно пройдет через портал и скроется в горах, приступая к исполнению поставленной задачи: поиску и физическому устранению Ивана Столетова.

Олмер не сомневался в успехе и своей полной безнаказанности.

На этот раз он тщательно все спланировал, не пожалев времени и средств, сделав ставку на настоящих профессионалов, которые не совершат ошибки и не остановятся из-за ложной жалости.

Араста. Предгорья...

Первые два часа пути прошли без осложнений.

Боевая машина космодесанта медленно продвигалась по древней дороге, проложенной через ущелье. Скорость, конечно, оставляла желать лучшего, но приходилось мириться с обстоятельствами: впереди БМК пешим порядком двигался Урман. Разведчик не желал слушать возражений или пожеланий, фактически приняв командование над Шершневым и его

бойцами.

Ивану оставалось лишь набраться терпения и ждать.

Впрочем, скучать ему не приходилось: отвесные стены ущелья, над которыми изрядно потрудились неумолимое время, кое-где все же сохранили свидетельства былого.

Работающие в десантном отсеке БМК голографические экраны контрастно и объемно передавали все детали окружающего рельефа, при желании Столетов мог увеличить любой фрагмент изображения, сохранить его в памяти своего кибстека для дальнейшего более подробного изучения.

Поначалу внимание Ивана привлекала сама дорога: дно ущелья оказалось вымощено каменными плитами с нанесенными на них точечными орнаментами.

– Что ты думаешь по этому поводу, Гюнтер? – обратился он с вопросом к своему спутнику, увеличив и зафиксировав изображение фрагмента древней дороги.

Гюнтер некоторое время рассматривал порядком истертые конические углубления, а затем выдвинул свою версию:

– Это не рисунок. Углубления по форме и размерам совпадают с отпечатком конечностей логриан. Думаю, учитывая, что дно ущелья имеет постоянный угол подъема, углубления использовались ксеноморфами в качестве опоры при пеших переходах.

– Нечто аналогичное лестнице?

– Можно выразиться и так, – согласился Гюнтер.

– Трудно даже вообразить... – Иван прикрыл глаза, пытаясь представить, как миллион лет назад по этой дороге двигались процессии логриан.

– Обратите внимание на стены, – посоветовал лейтенант Зарипов, наблюдающий за окрестностями через подсистемы тактического комплекса.

Отвесные скалы действительно сохранили удивительные свидетельства былого. От дороги часто ответвлялись, превращаясь в узкие пандусы, своеобразные тропы, ведущие к черным, похожим на причудливые потеки смолы сооружениям, нависающим над древней дорогой.

Подобные постройки возводили инсекты. Только им было по силам пройти узким карнизом, проникнуть через небольшие лазы внутрь прилепившихся к скалам, устремленных ввысь башенок с ясно различимыми отверстиями бойниц.

– Сплошное укрепление... – задумчиво произнес Иван. – Против кого

древние строили свои цитадели?

– Спросите у Урмана, – посоветовал галактлейтенант. – Он лучше других разбирается в артефактах и руинах.

– А вас они совершенно не интересуют? – спросил Столетов.

Лейтенант пожал плечами.

– У нас другие задачи. Нет времени любоваться красотами или проводить исследования. Вообще это все цветочки, дальше в горах и не такое увидите. Одно скверно – слишком уж там опасно.

* * *

У древнего портала дежурило подразделение в пять человек.

Больше людей Кречетов выделить не мог, гарнизон Арасты не был укомплектован и на треть. В таких условиях надежно перекрыть все проблемные направления на огромных территориях равнины, учитывая частые отказы техники, – задача нереальная, вот и приходилось действовать небольшими группами.

...Четыре боевые планетарные машины, тяжело бронированные, покрытые специальным многослойным составом, предохраняющим автоматику от губительного воздействия излучения центрального энергетического сгустка системы, застыли в капонирах, перекрывая секторами обстрела тщательно выровненное, лишенное каких-либо укрытий пространство километровой зоны отчуждения, окольцовывавшей древнюю постройку.

Капитан Горин находился на командном пункте, двое галактлейтенантов дежурили на наблюдательных постах, двое отдыхали, только что сменившись.

Настроение у галакткапитана было паршивым. Что-то угнетало, подспудно давило на психику, с самого утра его терзали смутные и не обоснованные показаниями приборов предчувствия, словно вокруг витало некое, недоступное для автоматических систем напряжение, – так воздух сгущается перед грозой, обещая скорый ливень.

Вроде бы все в порядке и реального повода для беспокойства нет, но Горин привык доверять интуиции и в полном смысле не находил себе места, пытаясь логически вычислить источник неприятного ощущения. Вообще-то дежурство у портала считалось едва ли не отдыхом – с момента его обнаружения с той стороны прибывали лишь транспорты, эвакуирующие криогенные камеры с потерпевших крушение колониальных транспортов эпохи Великого Исхода. Никаких попыток силового прорыва реликтовых сервомеханизмов за истекший год не фиксировалось.

Сегодняшний день начался как обычно.

С утра неподалеку садилась «вертушка», чуть позже появилась БМК группы Шершнева, но оба события не выходили за рамки рутины – о прибытии вертолета и боевой машины космодесанта Горина предупредили заранее.

Что же так саднит на душе? – подумал Николай, осматривая окрестности.

Отвесные стены скал, темный разлом ущелья, голое, пыльное плато, испятнанное руинами логрианского города, мертвая тишь вокруг, лишь ниже, над лесом, на пологих склонах предгорий, кружат чем-то потревоженные стаи птиц.

Капитан перенацелил один из сканирующих комплексов, пытаясь понять, что или кто потревожил пернатых обитателей леса?

Явление странное, можно сказать – необычное. Еще минут пять назад в безветренном зное полудня не было видно ни одной птицы, а тут неведомая, но неодолимая сила выгнала их из спасительной тени, всполошила, заставила подняться выше крон и кружить, сбиваясь в плотные, растущие на глазах стаи...

Взглянув на голографический монитор тактической подсистемы, где уже сформировалась модель лесного массива со всеми отслеженными в зонах эффективного сканирования сигнатурами, Горин невольно вздрогнул.

Под сенью деревьев приборы обнаружили целую реку аномального тепла, в которую со всех направлений вливались своеобразные ручейки...

В первый момент галактикапитан не сообразил, что наблюдает за массовым бегством животных, которые неслись в направлении горного массива, будто обезумев, забыв о пищевых цепочках, – при детальной развертке стало ясно, что традиционные хищники и их жертвы бегут бок о бок, спасаясь от непонятной и потому еще более зловещей опасности.

Пожар? – промелькнула мысль, но Николай тут же отверг возникшее предположение. Горизонт просматривался прекрасно, но ни дыма, ни огня над лесом не видно, да и сканеры молчат...

Определив направление движения животных, Горин немного успокоился – живая река, устремившаяся в горы, не задевала позиций его группы, но сам факт их внезапного панического бегства настораживал.

Известно, что в некоторых ситуациях животные чувствуют приближение какой-либо стихийной катастрофы задолго до того, как признаки грядущего катаклизма начинают фиксировать приборы.

– Внимание всем! – Галактикапитан машинально коснулся нескольких сенсоров, поднимая тревогу и одновременно отсылая только что

полученный файл сканирования на базу, благо передатчики работали сегодня без сбоев.

В следующий миг он ощутил легкий толчок, словно земля и камень шевельнулись под ногами.

Землетрясение?

Секунду спустя знойную тишину внезапно разорвал тоскливый, заунывный вой.

На КП появился заспанный, встревоженный Алехин, за ним показался галактлейтенант Корер. В глазах офицеров читался немой вопрос, на который Горин пока не мог ответить.

Он молча указал на сферу стек-голографа тактической подсистемы.

К вою теперь примешивались встревоженные голоса птиц, громкие вопли крупных животных сотрясали воздух, кроны крайних деревьев, расположенных под обрывом, вдруг мелко завибрировали, словно на них налетел порыв ураганного ветра, и вдруг по лесу прокатилась зримая волна: деревья стало клонить к земле, они сгибались, некоторые не выдерживали и ломались с громким треском.

Все незакрепленные предметы завибрировали, часть подсистем тактического комплекса внезапно отключилась, затем последовал еще один, мягкий, как будто вкрадчивый толчок, и...

Ясное полуденное небо внезапно начало меркнуть.

Размытая граница между светом и тьмой, растянувшаяся на сотни километров, поглотила лес, тенью набежала на горное плато, теперь трясло и лихорадило скалы, вниз срывались отдельные каменные глыбы, кое-где ручейками потекли осыпи, глубоко в горах раздался рокот серьезных обвалов.

Проклятие...

СУМЕРКИ!..

Только сейчас до капитана, слышавшего о данном явлении лишь от немногих оставшихся в живых очевидцев, дошел истинный смысл внезапных перемен.

– Сумерки!.. – хрипло выдавил он, еще не веря, что стал свидетелем страшного и загадочного катаклизма, с которым гарнизон Арасты сталкивался лишь однажды, много лет назад...

Бедя, как говорят, не приходит одна.

Ярко-сиреневый сгусток энергии, только что находившийся в зените, буквально за несколько минут переместился к горизонту, величественно и зловеще полыхнул закатными красками; вокруг творилось что-то невероятное, обезумевшие животные и птицы ринулись в горы, оглашая

окрестности душераздирающими звуками, а в самом центре древнего сооружения, даже не покачнувшегося при внезапном смещении планеты, вдруг сверкнула бледная вспышка гиперпространственного перехода.

Горин, выгнав лейтенантов на посты, в первый миг подумал, что происходит срочная эвакуация какой-то из групп, находившейся к моменту катаклизма на поверхности второй планеты системы, но, внимательно присмотревшись к появившимся в центре портала фигурам, ощутил, как предательский холодок какого-то злого рока дрожью скользнул вдоль спины: это были боевые сервомеханизмы времен Галактической войны!..

* * *

Два часа спустя Урман, двигавшийся впереди БМК, внезапно появился в поле зрения, требовательно взмахнув рукой.

Машина остановилась, охотник, почему-то глядя вверх, не то на небо, не то на скалы, бегом припустил назад, жестом показывая Шершневу – разворачивай технику!

Тот машинально подчинился, не понимая, чем вызван внезапный приказ. БМК с рывком крутанулась на одной гусенице, и тут случилось нечто совершенно невероятное: небо, на которое минуту назад было больно смотреть, вдруг без очевидных причин начало стремительно темнеть.

Иван непонимающе посмотрел на Гюнтера, но тот лишь отрицательно покачал головой, давая понять, что разумных пояснений у него попросту нет.

Ни облачка, ни тучи, по часам полдень, но ослепительный сиреневый сгусток энергии, сиявший в зените, вдруг куда-то исчез, сумрак сгущался, по стенам ущелья внезапно пробежала вибрация, вниз полетели обломки скал, ручейками потекли мелкие оползни, в нескольких местах густо всклубилась пыль.

– Гони! – Урман, вскарабкавшись на броню, хлопнул ладонью по люку. – Назад, к выходу из ущелья!

БМК рванулась с места, развивая максимальную скорость, охотник, соскользнув внутрь боевой машины через люк, несколько секунд стоял, тяжело дыша, удерживаясь одной рукой за поручень, а затем сипло выдавил:

– СУМЕРКИ!

Похоже, что бойцы вполне поняли значение произнесенного слова, которое отражало нечто большее, чем внезапное наступление полумрака: Шершнев и два находившихся в его подчинении галактлейтенанта побледнели, словно им только что огласили смертный приговор.

– Что происходит?! – Иван, вырванный из состояния созерцательного, восхищенного спокойствия, был абсолютно сбит с толку.

Ответа он не расслышал: огромный фрагмент скалы весом в несколько тонн рухнул за кормой БМК, расколовшись на угловатые каменные глыбы.

Машину подбросило, еще немного, и они бы погибли, сзади моментально вслублилась плотная, едкая пыль, впереди, по курсу движения, падали обломки поменьше, броня БМК передавала аритмичные, судорожные вибрации и частые, похожие на град удары мелких камней.

Сумерки стремительно сгущались, казалось, еще немного, и ущелье потонет в крошечной тьме. Зарипов, перейдя на ручное управление, включил фары, но их свет не пробивался сквозь плотную завесу пыли, постепенно заполнившую теснину меж содрогающихся отвесных скал.

Гюнтер положил руку на плечо Ивана, давая понять, что лезть сейчас с расспросами бессмысленно, вокруг, перекрывая звук работы двигателя, рокотали обвалы, несколько крупных каменных глыб ударили по броне, едва не пробив корпус боевой машины космодесанта.

Ивана вышвырнуло из кресла в проход, Шрейб чудом устоял на ногах, Урман, помогая Столетову встать, с силой толкнул его назад в кресло, крикнув:

– Пристегнись!

Вокруг внезапно стало чуть светлее – это машина вырвалась из теснины ущелья, и Иван с Гюнтером увидели фантастическую картину: потемневшее безоблачное небо налилось сочным фиолетовым цветом, на плато дул порывистый, ураганный ветер, в клубах поднятой им пыли сверкали ветвистые молнии, где-то поблизости сумрак рвали частые стробоскопические вспышки...

Урман тыльной стороной рукава вытер выступившие на лбу бисеринки пота.

– К порталу! Там что-то происходит! – отдав категоричный приказ, охотник распахнул люк и, повернувшись к Гюнтеру, добавил: – Хватай оружие и за мной! Столетов, из машины не высовываться! Сережа, води БМК на высотку, похоже, у нас прорыв! Прикроешь огнем!

Иван, откинувшись в кресле, тщетно пытался проанализировать ситуацию. Вокруг происходило что-то глобальное: несколько работающих голографических экранов давали четкую картинку, отсеивая помехи: к ущельям через плато неслись обезумевшие от страха животные, над горами медленно расползалось несколько грибовидных облаков – последствия особенно крупных обвалов.

Он понимал сейчас лишь одно – они спаслись чудом, и то потому, что не успели углубиться в ущелье.

Что происходит в районе портала, о каком прорыве упомянул Урман, прежде чем покинуть БМК, оставалось только догадываться, впрочем, долго находиться в неведении Столетову не пришлось; едва боевая машина вскарабкалась на холм, образованный руинами логрианского города, как сканеры тут же цепко ухватили цели. Внизу, у памятного мегалитического строения, теперь окруженного укреплениями, шел бой, разгоня сумрак, чадно горела, выбрасывая языки оранжевого пламени, подбитая БПМ, в неверном, мятущемся свете пожара мелькали человекоподобные фигуры, очереди из «АРГ-8» рвали пыльный сумрак, им отвечал огонь нескольких автоматов и резкие оглушительные стаккато тактовых очередей автоматических башенных орудий планетарных танков.

В следующую секунду заговорили курсовые орудия БМК, над головой с утробным гулом приводов вдруг начала подниматься, выдвигаясь за пределы брони, установка генератора короткоживущей плазмы, и тут Ивана наконец проняло: мелкая, противная, неконтролируемая нервная дрожь ударила по мышцам, словно время отмотали вспять, а он снова – десятилетний мальчик, судорожно вцепившийся в кожухи древней человекоподобной машины.

Отчаянно хотелось зажмуриться и мысленно закричать: *Это происходит не со мной!*

В следующий миг что-то тяжелое ударило в скат лобовой брони БМК, раздался оглушительный взрыв, по отсекам прокатилась волна нестерпимого жара, погасли голографические мониторы, на миг стало темно, а когда включился красноватый аварийный свет, Иван, пристегнутый к креслу, вдруг с ужасом ощутил, что машина, кувыркаясь, катится вниз по склону...

Он не сумел даже закричать – горло моментально пересохло.

Схватив оружие и метнувшись вслед за Урманом в вязкие, располосованные огненными трассами сумерки Первого Мира, Гюнтер не испытывал противоречивых чувств – он словно ожил в привычной для себя обстановке, окончательно сбросив налет сдержанности, «хорошего воспитания» – тех рамок поведения, которых он тщательно старался придерживаться, выработав новую концепцию бытия в условиях изменившейся послевоенной реальности.

Он честно играл по правилам, полагая, что прошлое необратимо, но нет.

Мысль отсекло автоматной очередью.

Пули с визгом впились в камень, мгновенно возвращая Гюнтера в реальность.

Урман, бежавший чуть впереди, резко вильнул в сторону, нашел укрытие и отрывисто крикнул, припадая на одно колено:

– Шрейб, вперед, я прикрою!

Хлесткие, короткие очереди «АРГ-8» погасили несколько сигнатур сервомеханизмов, вырвавшихся к линии укреплений.

Гюнтер без разговоров рванулся вперед, ощущая, как бездну лет назад, что его продвижение прикрывает друг...

Музыка для нервов.

Он вновь попал в ту стихию, из которой его вырвала смерть.

Нет, не патологическая жажда убийства либо разрушения сидела глубоко внутри, скрываясь многие годы в неодолимых застенках самоконтроля, отнюдь, – резко и больно вернулись дремавшие чувства, скупой приказ Урмана внезапно стал для Шрейба новой точкой морального возрождения, он реабилитировал его, востребовал, вернул...

Кого бы ни пытались из него сделать, Гюнтер оставался офицером, война, перемоловшая незрелого юношу и воспитавшая капитана Шрейба, давно канула в Лету, но он *пережил ее*, и сейчас, выполняя приказ Урмана, он с кристальной ясностью осознал: его место не в шкафу для бытовых сервомеханизмов, не за спиной подросткового Ивана, не на тусовках и вечеринках, а здесь, где каждый шаг – смертельный риск...

Ушла, растворилась любая неопределенность, но не исчез опыт прожитого, он вернулся немного другим, более развитым, взвешенным, понимающим, узнавшим многое и не отрекшимся от мира, познанного за десять долгих противоречивых, порой мучительных лет *существования*.

...Мысли пронеслись вихрем, Гюнтер ощущал резко наступившие перемены, не анализируя их, но принимая внезапное перерождение, – мутная вспышка разрыва, комя земли и свист осколков, рывок вперед к линии укреплений, зримые, расходящиеся и перекрещивающиеся трассы автоматического огня, смутные сигнатуры и трудноразличимые среди дыма и пыли силуэты нападавших, – ритмика боя, в которой когда-то переродилось, переплавилось сознание девятнадцатилетнего Гюнтера.

Край бетонированного хода сообщения, пробитый, пропаханный снарядами бруствер, истекающая сизыми струйками дыма свежая воронка: он мгновенно оценил позицию и занял ее, открыв себе широкий сектор обстрела.

Плотный автоматический огонь, через который он прорвался, походил на шквал: пули выбивали султанчики пыли, разносили в бетонную крошку

край укрепления, высекали искры, с визгом уходя в рикошет. Шрейб своим рывком отвлек внимание атакующих, сосредоточил их на себе, открывая другие направления.

– Урман, бери левее! Прикрываю!

Пара попаданий в бронежилет, несколько царапин да трещина в шлеме БСК – мелочи, на которые в горячке боя не обращаешь внимания.

Он чуть привстал, короткими очередями обозначив противнику свою позицию, погасив одну из сигнатур, тут же перекатом ушел вбок, заметил на сканерах силуэт пехотного дройда, вскинувшего на плечо тубус реактивного гранатомета, и успел отработать на упреждение – сервомеханизм коснулся сенсора запуска уже в падении, и кумулятивная граната, предназначенная вскарабкавшейся на высотку БМК, ушла в сиреневое небо.

– Шершнеф, не спи!

Их было много. Нечеткие смазанные силуэты возникали в дыму, около полусотни пехотных сервомеханизмов шли в прорыв со стороны древнего портала, непонятно, что за сила пробудила их и бросила через гиперпространственный тоннель – разобраться в этом сейчас не было ни времени, ни возможности, ясно лишь одно: кто-то по неосторожности или же по злему умыслу сорвал лавину непоправимых последствий, спровоцировал боевых сервов на выход из энергосберегающего режима...

О том, что приходится драться против себе подобных, Гюнтер не думал, он четко осознавал грань, отделяющую исполнительный механизм от мыслящей машины. Работу боевых программ Шрейб узнавал безошибочно, по сотням различных признаков, ведь он сам являлся носителем этого вируса, этой чумы, способной лишь уничтожить.

В том, как действовали андроиды, не было признака мысли, они исполняли свое предназначение, им было абсолютно все равно, чем закончится для каждого из них бесноватая атака на окружившие портал укрепления.

Отработать задачу, где в зачет идет лишь коллективная победа, уничтожить все источники сопротивления и вновь застыть бездушными куклами, истуканами, пока в сфере эффективного сканирования не появится очередной объект, подпадающий под определение «цель».

Они – не жизнь и даже не ее подобие.

...Со стороны руин логрианского города ударили курсовые орудия БМК, и почти сразу в ответ полыхнуло несколько ракетных запусков, за спиной Гюнтера сверкнули разрывы, – Шершнеф все же подставился, но мгновенное сканирование сняло полыхнувшее чувство тревоги, – боевая

машина космодесанта хоть и не удержалась на гребне возвышенности, но критических повреждений не получила и теперь, медленно переворачиваясь, сползала по склону.

Секунды боя...

Рядом возникла фигура Урмана, он спрыгнул в ход сообщения, успел хлопнуть Гюнтера по плечу и тут же пробежал чуть дальше, то и дело приподнимаясь над бруствером, посылая короткие очереди в дымный сумрак.

– Рисковый ты, Шрейб!

– Работаем. – Гюнтер не позволил себе отвлечься.

Урман резко присел, на секунду прижавшись спиной к бетонированной стене.

В бруствер ударил разрыв, вниз скатилось несколько округлых предметов.

Гюнтер мгновенно отсканировал их. Камни...

– Даже не дергаешься? – не удержался он от вопроса, смещаясь вдоль хода сообщения. Для охотника ведь вовсе не очевидно, что вниз столкнуло взрывом именно камни.

– По размерам не гранаты, так какого фрайга дергаться? – откликнулся тот.

Шрейб усмехнулся, по достоинству оценив хладнокровный ответ.

– Что будем делать? Работаем в паре?

– Нет! Я на КП, выясню, что с ребятами. Доберись до БПМ, определи, почему молчат! Одну явно сожгли, но остальные...

– Понял. – Гюнтер не нуждался в подробных инструкциях. – Остаемся на связи!

Они рванулись в разные стороны по ходу сообщения.

До командного пункта было не более сотни метров, сервы уже подобрались близко, но укрепления пока что спасали от ураганного огня, сканеры хоть и работали, но скверно: эффективная дальность составляла метров пятьдесят, дальше шла непонятная засветка, похоже, боевые механизмы приволокли с собой генератор помех, его работа блокировала системы обнаружения, не позволяя определить, что сейчас творится у портала.

Преодолев опасный участок, где ход сообщения был разрушен ракетными попаданиями, Урман боком проскользнул в проем приоткрытой бронированной двери КП.

– Горин! Живой?

В сумраке со стоном шевельнулась человеческая фигура.

Капитан сидел у стены, оружие лежало рядом, вокруг – крошево разбитой аппаратуры, во фронтальной стене укрепления – опаленные, уродливые дыры, сквозь которые вытягивало дым.

Урман метнулся к Горину, склонился над ним, быстро определив, что капитан контужен, в остальном порядок, несколько кровоточащих царапин не в счет, одно скверно, сервы подобрались слишком близко, и много их... Слишком много, чтобы питать иллюзии относительно исхода схватки.

Автоматическая аптечка несколько раз щелкнула, производя инъекции, мутный, блуждающий взгляд капитана начал проясняться.

– Урман?.. Ты здесь, как?..

– Потом расскажу. Встать сможешь?

– Сейчас... – Горин собрал все силы, поднявшись, подобрал оружие.

– Вгони себе стимулятор! – Урману было некогда, он уже метнулся к развороченной ракетными попаданиями стене, используя опаленные дыры как бойницы.

Вовремя.

Силуэты сервов уже метрах в пятнадцати, тут главное – задавить в себе страх, отдаться инстинктам, с такой дистанции не промахнешься...

Лишь бы Гюнтер сумел реактивировать планетарные машины. Лишь бы успел, иначе нам крышка...

* * *

У древнего портала, скрытого от наблюдения двумя генераторами помех, происходили в эту минуту значимые события.

Фигуры людей в боевой гермозкипировке попарно появлялись в бледном ореоле гиперпространственных переходов и тут же, не обращая внимания на бушующую вокруг схватку, уходили в сторону, освобождая место следующей паре.

Потребовалось всего несколько минут, чтобы весь отряд, состоявший из восьми бойцов, прошел через древнее устройство.

Сориентировавшись по плотности огня и показаниям сканеров, командир жестом указал на горящую БПМ, в том направлении дройды уже вышли к линии укреплений, не встречая сопротивления.

Никем не замеченные, боевики Олмера включили фантом-генераторы и растворились в сиреневых сумерках Первого Мира.

Добравшись до боевой планетарной машины, Гюнтер короткими очередями отстрелял магазин «АРГ-8» по ближайшим сигнатурам противника, обеспечивая себе небольшую фору во времени, и, вручную

открыв массивный люк, проскользнул внутрь БПМ.

Внешне планетарный танк выглядел исправно, ракеты, выпущенные по нему из ручных комплексов, лишь разворотили край капонира, но внутри в отсеках даже не горел аварийный свет, все консоли боевого компьютера погашены, нет ни индикации резерва, ни других признаков функциональности.

Гюнтер не стал разбираться с кибернетической составляющей. Нет времени. Миновав отсек бортового компьютерного комплекса, он попал в тесную кабину, рассчитанную на экипаж из двух человек.

Ничего не работает...

Должны же тут быть аварийные подсистемы ручного управления, иначе к чему вообще проектировать отсек для экипажа?

Он понимал, что мыслит верно, но уходили драгоценные секунды, а сканирование давало массу различных схем, в которых еще нужно разобраться.

В попытке сориентироваться Шрейб внезапно обнаружил причину полного отказа электроники: сканеры зафиксировали мельчайшие сигнатуры, которые в другой ситуации легко можно было принять за фоновые помехи, но на самом деле Гюнтер, знакомый со многими достижениями в области современных технологий, безошибочно распознал частицы нанопыли: внедрившись в схемы управления боевой планетарной машины, они полностью нарушили обмен данными, что привело сначала к попытке перезагрузки, а затем, после неудачного перезапуска, – к экстренному самоотключению всех кибернетических компонентов БПМ.

Значит, атака пехотных сервов – следствие злого умысла, а отнюдь не халатность тех, кто работал на разборе завалов техники.

Шрейб прекрасно знал технику своего времени – среди боеприпасов для ручных ракетных комплексов, которыми располагали пехотные сервы, конечно, имелись и контейнеры с нанопылью, но высокотехнологичные микромашины образца двадцать седьмого века вряд ли были способны быстро, а главное – эффективно парализовать работу современного кибернетического комплекса, оснащенного кроме прочего системой защиты от негативных воздействий, возникающих в рамках десятого энергоуровня гиперсферы.

– Урман!

Мгновение тишины, затем на частоте связи, сквозь накатывающийся волнами треск помех, пришел ответ:

– Слушаю!

– БПМ выведены из строя наномашинами. Я в отсеке экипажа. Не

могу найти активатор блока ручного управления.

– Над головой два рычага, открывающие панель... – Фраза Урмана прервалась, в коммуникаторе был слышен взрыв, затем сухой перестук коротких очередей. – Шрейб, ты еще тут?

– Панель открыл! – Гюнтер не сидел без дела. – Есть ручной привод механической герметизации кабины? Я должен отсечь наночастицы!

– Справа между креслами! Поторопись!

Шрейб уже действовал. Загерметизировав кабину, он обезопасил себя от атаки наночастиц, затем, быстро проанализировав открывшуюся панель, запустил двигатель БПМ, включив схемы гидравлического управления орудиями, нашел рычаг механического привода перезарядки и два манипулятора, работающие с двигателем и трансмиссией.

Порядок...

Человеку на его месте потребовалось бы минут пять на все эти операции, к тому же управление распределялось между двумя членами экипажа: стрелком и механиком-водителем, но Гюнтеру пришлось изворачиваться одному. Открыв смотровые триплексы, он жестко зафиксировал орудие по курсу движения, теперь собственные сканеры позволяли Шрейбу точно определять точку прицеливания, освобождая руки для управления движением машины.

Еще секунда – и БПМ подалась назад, сбрасывая с брони фрагменты разбитого капонира.

Резкий разворот, и, сдавая назад, Гюнтер поймал сканерами группу пехотных сервов, штурмующих укрепленный командный пункт: теперь он отчетливо фиксировал, как из штатных амбразур и пробоин, возникших после попаданий ракет, бьют короткие хоботки пламени. Урман отбивался не один, с ним в паре работал еще кто-то, но положение осажденных было близко к критическому.

Пятитактовая очередь башенного орудия отдалась в кабине управления ритмичной судорогой, в том месте, где сервы перегруппировывались, готовясь к решающему штурму командного пункта, ослепительно полыхнули пять вспышек, в небо ударили черно-оранжевые, кустистые разрывы, и тут же окрестности начало заволакивать пылью.

Гюнтер отработал реверсом, бросая машину вперед.

Конечно, он не использовал и десятой доли огневой мощи, маневренности и других боевых возможностей современного планетарного танка – пер напролом, производя выстрелы, лишь когда в поле зрения появлялись группы сервомеханизмов, одиночных сервов просто сбивал корпусом БПМ, но в сложившейся обстановке он вряд сумел бы сделать

больше.

– Шрейб, забирай правее! Группа сервов отступает к portalу! – раздался в коммуникаторе хриплый, надсаженный голос Урмана. – Не дай им уйти!

Гюнтер развернул машину в указанном направлении.

Урман жив – это радовало, остальное – настораживало.

С какой стати боевым сервомеханизмам отступить? Маневрировать, маскироваться, искать укрытия – да, но *отступить* – вряд ли. Боевые программы не позволят. Противник не уничтожен, задача не выполнена, разве что закончились боеприпасы?

Шрейб машинально включил сканирование частот связи.

Ему не нравилось происходящее. В дымном сумраке полыхнуло несколько запусков, две ракеты, выпущенные из ручных противотанковых комплексов, пронеслись мимо, третья ударила в БПМ, кумулятивный заряд прожег бронекорпус, защищающий механику привода правого борта, и планетарную машину тут же закрутило на одном месте.

Гюнтер не стал дожидаться повторного запуска, заглушив двигатель, он откинул расположенный над головой люк, выбрался на лобовой скат брони, прыгнул в сторону, перекатился по земле, вскочил и, пригибаясь, бросился наперерез отступающей группе сервомеханизмов.

В следующий миг еще два реактивных снаряда ударили в БПМ, глухие взрывы вырвали башню планетарного танка, превратив его корпус в чадный факел.

Одновременно Шрейб понял, что его обнаружили, – автоматический огонь, щедро плеснувший в его сторону, заставил рухнуть ничком за ненадежное укрытие из нескольких поврежденных сервов.

Пули «АРГ-8» крошили камень и пробивали металл.

С боезапасом у пехотных дroids все в порядке, сканеры работают, так какого фрайга они отступают?!

Вскочив, Шрейб метнулся к следующему укрытию, по-прежнему двигаясь наперерез противнику.

В полусотне метров от древнего сооружения он обнаружил цепочку свежих воронок и затаился, готовясь встретить противника на подступах к portalу.

На командном пункте было совершенно нечем дышать, помещение заполнял дым, струйками сочащийся из-под разбитых пулями и осколками приборных панелей.

Горин, все еще не оправившийся после контузии, выдержал скоротечный бой, но теперь, когда половину сервомеханизмов разметало

тактовыми очередями БПМ, а остальные внезапно прекратили атаку, отступая в сторону портала, капитан остро почувствовал, как предательски кружится голова, ноги вдруг стали ватными, он закашлялся, привалившись к стене, и только помощь Урмана не позволила ему задохнуться.

Вытащив Горина на «свежий воздух», охотник сделал ему еще одну инъекцию.

– Живой?

– Вроде... – хрипло ответил Николай. – Я сейчас... – он попытался встать, – сейчас...

– Лежи. – Урман дружески хлопнул Горина по плечу. – Сам справлюсь.

– Оружие...

– Держи. – Он отдал галактакапитану автомат. – Оставайся тут.

Выбравшись из хода сообщения, Урман осмотрелся.

Метрах в двухстах от КП полыхал остов подбитого планетарного танка.

Достали все-таки... – с досадой и тревогой подумал он, вызывая по связи Шрейба.

– Гюнтер?

– Я на позиции. Блокирую портал, – раздался в коммуникаторе спокойный ответ.

– Иду к тебе. Держись.

Урман бегом бросился к древнему сооружению, понимая, что Шрейбу в одиночку не остановить два десятка сервомеханизмов – именно столько пехотных дройдов охотник успел зафиксировать, прежде чем те ушли под прикрытие генераторов помех.

Над причиной их внезапного отступления Урман не задумывался, у него не было достаточного опыта и знаний в области древней техники, чтобы встревожиться по поводу нехарактерных действий боевых машин.

* * *

Для Ивана все происходило намного быстрее, чем поддается осмыслению: шоковые впечатления растягивали события в субъективном восприятии, ему казалось, что БМК падает в пропасть, внутри все замерло в ожидании рокового удара, вместе с которым оборвется жизнь, на самом же деле ошибка Шершнева не повлекла за собой необратимых последствий. Ракеты, выпущенные андроидами, не попали в цель, но вырвали тонны земли и камня на краю возвышенности, в результате боевая машина потеряла устойчивость, а секундой позже ее увлекло в оползень.

Несколько раз перевернувшись, БМК легла на бок, по склону, с грохотом ударяясь о броню, катились каменные глыбы, внутри машины слышалась ругань Шершнева: ему никак не удавалось открыть заклинивший люк, а когда тот все же поддался, лейтенант, выбравшись наружу и осмотревшись, задействовал дистанционной командой систему аварийного десантирования.

Столетов испытал ужас, когда в дополнение к сковывающим движения страховочным ремням из-под основания кресла с отчетливым звуком сервомоторов выдвинулись, смыкаясь одна с другой, амортизационные дуги, затем на скошенной панели, расположенной в стыке потолка и стены десантного отсека, зажглась предупреждающая надпись, а за спинкой кресла вдруг образовалась пустота – это сегмент бронепокрывтия скользнул в сторону, открывая проем для аварийного катапультирования, и в следующий миг резкий динамический удар едва не погасил сознание Ивана.

Его кресло выбросило из БМК, от внезапного стрессового ощущения Столетов не сумел даже зажмуриться, перед глазами мелькнули калейдоскопические фрагменты реальности, где земля и небо менялись местами с чудовищной скоростью, но через доли секунды автоматика определила апогей траектории, и ощущения резко изменились: включившиеся двигатели ориентации развернули кресло, остановив его хаотичное вращение, затем перед глазами Ивана появилась стремительно приближающаяся земля. Он увидел тонкие изломанные змейки ходов сообщения, какое-то разбитое укрепление, чуть дальше полыхал остов подбитого планетарного танка...

Ощущение резкого снижения пробежало мгновенным холодом в животе и груди, Иван невольно сжался в инстинктивном ожидании удара, но тут включился главный двигатель посадочной системы; пламя озарило стремительно приближающуюся землю, резкая перегрузка навалилась на Столетова, затем, даже не дав судорожно вдохнуть, последовал сильный удар, от которого, не выдержав, лопнула одна из дуг амортизационного каркаса и...

Внезапно наступила ватная, ненатуральная тишина.

Иван с трудом нашел в себе силы, чтобы бросить взгляд вокруг.

Медленно вздымалась пыль, его кресло, оставив глубокую борозду в земле, застыло, чуть накренившись, всего в десятке метров от бетонированного хода сообщения, сервомоторы вновь пришли в движение, дуги каркаса разомкнулись, спинка кресла мягко, но настойчиво подтолкнула Ивана в спину, заставляя встать.

С трудом удержавшись на ногах, он повернулся, услышав громкий, характерный щелчок разомкнувшихся захватов. С правой стороны катапультированного кресла крепилось оружие – сжимавшие «АРГ-8» манипуляторы раскрылись и подались вверх, словно две руки, предлагающие бойцу забрать важнейший элемент экипировки.

Иван растерялся.

Конечно, его готовили к различным экстремальным ситуациям, но в условиях полигонов тренировочного центра планеты Грюнверк было сложно получить хотя бы сотую долю тех стрессовых ощущений, что испытал Иван за истекшие десять-пятнадцать секунд, растянутых сознанием едва ли не в вечность.

Рядом, срывая оцепенение и поднимая клубы вездесущей пыли, в землю врезалось еще одно катапультированное кресло, чуть в стороне, примерно в полусотне метров, сверкнуло пламя тормозных двигателей третьего... а он стоял, словно сторонний наблюдатель, не осознавая, что все это происходит с ним...

Окончательно в чувство его привела автоматная очередь, пришедшая из пыльной клубящейся мглы.

Пули хлестнули по креслу: те, что угодили в металлокерамический каркас, высекали искры, с визгом рикошета от элементов конструкции, две или три пробili спинку с глухим, заставившим вздрогнуть и инстинктивно пригнуться звуком.

Запоздалая реакция на событие пробежала по телу непроизвольным сокращением мышц, Иван судорожно подался вперед, схватив, наконец, оружие, и вдруг увидел, как из сумрака вынырнуло несколько человекоподобных фигур.

Справа и слева хлестнули очереди. Одного андроида пули ударили в грудь, и он тут же начал падать, второму, чудом устоявшему на ногах, автоматный огонь снес половину металлопластикового черепа, остальные метнулись в стороны, огрызаясь огнем, припадая к перепаханной воронками земле, используя любое доступное укрытие.

Иван внезапно оказался едва ли не в центре яростно вспыхнувшей перестрелки. Один из андроидов использовал в качестве укрытия то самое кресло, которое Столетов покинул менее минуты назад.

– Ложись, идиот! – раздался в коммуникаторе злой окрик лейтенанта Зарипова.

Непонятно, почему андроиды не обратили должного внимания на Ивана? Возможно, его оцепенение, неподвижность ввели в заблуждение их вариаторы целей, прежде всего отслеживающие активного противника?

Так или иначе, но Столетов, вняв гневному окрику, рухнул на землю и пополз, неумело извиваясь, к краю бетонированного хода сообщения.

Оказавшись в относительной безопасности, он сжался, вздрагивая всем телом, – Иван хотел бы, да ничего не мог поделать с собой, осознание близкой смерти, несколько раз разминувшейся с ним буквально на какие-то миллиметры, парализовало мышцы, он готов был провалиться сквозь землю, лишь бы ускользнуть из бушующего вокруг ада...

Внезапно справа раздался резкий болезненный вскрик.

Едва понимая, что делает, Иван приподнялся, судорожно сжимая в руках оружие.

Лучше бы он остался лежать на дне траншеи.

В десятке метров от него, пристроившись за обломками изрешеченного пулями кресла, один из андроидов вел методичный огонь, не давая поднять головы кому-то из офицеров группы Шершнева.

Что же делать?

Стрелять?

Иван не понимал, что происходит с ним. Он считал, что готов встретиться с любыми опасностями, а тут...

В том направлении, куда стрелял сервомеханизм, снова раздался слабый вскрик.

Столетов поднял «АРГ-8». Он ненавидел себя за трусость и в то же время отчаянно боялся – если он промахнется, то серв наверняка прикончит его...

Это машина... Обыкновенный пехотный дройд... – мысленно убеждал себя Иван, и тут же на фоне растерянности и страха промелькнула совершенно другая мысль: обыкновенный пехотный дройд, точно такой, как Гюнтер...

Я не могу... Не могу... не могу...

Подумал и судорожно сжал сенсор огня, даже подался вперед, с непонятным, отвратительным самому себе желанием *видеть*, как длинная бестолковая очередь, выбивая султанчики пыли, добежала до разбитого укрытия, чиркнула по нему снопами искр и все же добралась до серва: тот внезапно дернулся, роняя оружие, а Иван все стрелял, с трудом удерживая норовистую «АРГ-8» в ослабевших руках, замороженно глядя, как пули, впиваясь в металлопластик, оставляют в нем аккуратные входные отверстия...

* * *

Гюнтер не видел, как БМК, скатившаяся по склону, отработала одним

бортом в режиме аварийного десантирования, – направление на руины логрианского города блокировал по-прежнему работающий генератор помех и застилала плотная пыль, поднятая разрывами.

Зато он отчетливо наблюдал, как разнится поведение сервомеханизмов. Одни продолжали атаку на укрепления, невзирая на ответный огонь и потери, в то время как небольшая группа из пяти пехотных андроидов пробиралась назад, к порталу.

Сканирование частот связи внезапно дало результат.

Он услышал голос...

Голос, как будто прошедший сквозь бездну времени, чтобы наотмашь ударить по нервам:

– ...какого фрайга?! Я сказал: отходим! Где серв-машины? Где поддержка из космоса? Какого хрена нас бросили на штурм с одним стрелковым оружием?!

Из сумрака вынырнули несколько человекоподобных фигур.

Гюнтер был готов открыть огонь, но его палец застыл на бугорке сенсорной гашетки, не в силах совершить роковое движение...

Мгновенное сканирование лишь подтвердило страшную догадку: все пять андроидов являлись носителями кристалломодулей «Одиночка».

– Что ты предлагаешь? Куда отступать? – раздался на частоте связи другой голос.

– Видишь постройку? Нас сюда выбросило через стационарный гипертоннель. Наверняка новая разработка умников из флота.

– И что? – Андроиды остановились. – Предлагаешь назад?

– Предлагаю! Я пилот серв-машины, а не пехотинец!

Гюнтер опустил оружие.

Он не мог выстрелить. Он думал о сознаниях погибших пилотов, эти еще не осознают, что они больше не люди... В горячке боя они принимают облик друг друга за пехотные бронескафандры...

– Ладно, попытаемся... Вернемся сюда на машинах.

Еще секунда, и бледная вспышка внепространственного перехода поглотила человекоподобные фигуры, а Гюнтер продолжал стоять, опустив оружие и глядя в одну точку, пока кто-то не толкнул его в плечо.

Обернувшись, он увидел Урмана.

– Почему не стрелял?

– Боезапас не резиновый, – мрачно огрызнулся Шрейб, демонстративно коснувшись сбрасывателя. «Пустой» магазин, тускло сверкнув гранью, тут же утонул в пыли.

– Сколько ушло?

– Пятеро.

– Ладно. Потом поговорим. У нас трое раненых, у Горина контузия, а твой Иван, похоже, просто псих. Изрешетил серва, а теперь сидит, ни с кем не разговаривает. Пошли, что тут стоять...

Глава 6

Первый Мир. Предгорья...

Лишь по счастливой случайности внезапная атака андроидов, совпавшая с наступлением странного явления Сумерек, не унесла ни одной человеческой жизни. Трое офицеров были ранены, их вертолетом эвакуировали в гарнизон, Горин возвращаться на базу отказался наотрез, Алехин и Корер остались с ним, Шершневу куда-то исчез, захватив с собой Зарипова, наверное, они спустились к БМК, чтобы определить, пригодна ли машина к дальнейшей эксплуатации.

Иван также отказался эвакуироваться. Шрейб настаивал, но Столетов плохо соображал и вообще вел себя неадекватно. Урман, вколов ему успокоительное, отправил Ивана спать, быстро установив под защитой руин палатку, а сам занялся приготовлением ужина.

– Отправим Ивана вторым рейсом, – урезонил он Гюнтера. – Все равно места в машине нет. Глубокий здоровый сон снимает стресс.

– Ладно, – согласился Шрейб. – Пусть спит.

Обстановка если не разрядилась, то стала чуточку спокойнее. Галактлейтенанты Алехин и Корер отправились оборудовать наблюдательный пункт, Горин, еще не оправившийся от сильнейшей контузии, вырубился под воздействием препаратов, и его также перенесли в палатку.

– Что думаешь, Гюнтер? – спросил Урман, вскрывая упаковку сухого пайка.

– По поводу атаки? – уточнил Шрейб.

– Да.

– Андроидов кто-то реактивировал. Наномашины, парализовавшие работу БПМ, современные.

– Интересный факт. Но зачем? В чем смысл прорыва?

– Пока не знаю. Я всего сутки на Арасте.

– Есть будешь? – Урман почему-то не стал развивать тему.

– Нет, не хочу.

– Как знаешь. – Охотник взял разогретый пищевой рацион и пошел кормить Горина.

Шрейб отошел в сторону от импровизированного лагеря, разбитого на краю плоскогорья. Думалось ему всегда лучше в одиночестве.

Присев на сглаженный временем выступ скалы у обрыва, он

посмотрел в туманную даль.

Неяркие сиреневые семерки, наступившие над этим полушарием планеты, – явление новое и неожиданное, но Шрейб быстро понял, что его знаний относительно Арасты слишком мало для формирования сколь-либо правдоподобной гипотезы происходящего.

– О чем задумался, Полугюнтер? – внезапно раздался за его спиной голос Урмана.

– Как ты меня назвал?! – Шрейб резко обернулся, недобро взглянув на охотника.

– Спокойно, друг, не дергайся. – Сильная рука удержала его за плечо. – Я назвал тебя половинкой Гюнтера. Или скажешь, что это неправда?

– Ты либо слишком проницателен, либо намеренно нарываешься на грубость.

– И то и другое, мой друг. Ты ведь *отпустил* отступавших андроидов, верно?

Шрейб насупился. Лгать не хотелось, отвечать прямо – поймет ли охотник?

– Ну что ты так на меня уставился? – усмехнулся Урман. – Хочешь что-то спросить? Так спрашивай! В первый раз вижу застенчивого киборга.

Внезапный гнев вскипел в груди Шрейба. Там, где раньше билось человеческое сердце.

Он непроизвольно сжал кулаки.

– Да, я отпустил их!

– Вот это по-нашему. – Урман намеренно провоцировал его. – Знаешь, тебе пора определиться. Кто ты – человек, полукровка или машина?

– Мне незачем определяться. Названия не меняют сути. – В словах Гюнтера прозвучала яростная, едва сдерживаемая боль. – Не беспокойся об отступивших сервах. Их ждет глобальный сбой системы. Вряд ли они без мощного стимула переживут внутреннюю борьбу. Я лишь дал им шанс, и если они вернутся – сам разберусь.

– Хорошо сказал. – Урман поигрывал ножом. – Я называю эту планету Честный Мир. Здесь всё на пределе. Голая правда и голая ложь. Настоящая любовь и настоящая ненависть. Нет полутонов, нет пошлой игры в жизнь.

– Сам-то давно определился? – Шрейб пристально посмотрел на охотника. – Вот с Шершневым мне, например, все понятно.

– Тебя интересует, кто я? – Урман присел на выступ скальной породы. – Я дезертир. Ушел много лет назад из гарнизона Первого Мира.

– Почему?

– Долгая история... – отмахнулся охотник. – Сейчас не до того.

– Как хочешь. Я не настаиваю на исповеди. – Ярость в груди Шрейба понемногу улеглась. – Лучше просвети, что такое Сумерки?

– Без проблем. Ты знаком с историей Ожерелья, хотя бы в общих чертах?

Гюнтер кивнул, присаживаясь рядом.

– Многие считают, что Сумерки – время, полное мистических явлений. На самом деле все происходит в рамках технического регламента, установленного инсектами и логрианами бездну лет тому назад. Девять миров Ожерелья – это единая система, созданная на основе древних технологий расы инсектов. Синхронная смена наклона оси вращения необходима, чтобы планеты некоторое время были повернуты к энергетическому сгустку одной стороной: так осуществляется зарядка накопителей, питающих устройства генераторов гравитационной стабилизации системы.

– А в чем заключается мистика Сумерек? – спросил Шрейб. Ему не нравилось, когда речь заходила о явлениях, не имеющих логического обоснования.

– Да нет никакой мистики, – успокоил его охотник. – Существует ряд явлений, перед которыми наука пока бессильна, но я бы не стал их драматизировать. В период подвижки планет реактивируется древняя транспортная сеть. Если выражаться простым языком, происходит самотестирование системы, открываются новые, не работающие в обычных условиях каналы внепространственной транспортировки. Какие гениальные были цивилизации, сколько потенциала, и все обращено в прах... – с сожалением произнес Урман.

– Ты сейчас о ком?

– Конечно, об инсектах и логрианах. Они не решились принять бой с предтечами, бежали, заперлись в изолированном от остального космоса пространстве и выродились. Думаешь, кто-то из них способен сейчас объяснить, как работает система Ожерелья?

– Не знаю, – откровенно произнес Гюнтер. – Инсекты утверждают, что их знания, их история, сохраненные в едином ментальном поле муравейника, непрерывны.

– Брось. Сам-то понимаешь, что ерунду говоришь? Допускаю, пока они строили Сферу Дайсона, а цивилизация существовала как единая Семья, насчитывавшая триллионы особей, подобная непрерывность знаний и истории могла существовать. Но стоило им бежать, позволить цивилизации расколоться на десятки тысяч отдельных анклавов, как общее

ментальное поле вмиг разлетелось в клочья. Они труслили и проиграли, иначе были бы сейчас тут – не отдельные особи, а могучая цивилизация.

– Ты рассуждаешь так уверенно, словно знаешь древние расы лучше, чем иные профессора истории.

– Я простой человек, – с усмешкой повторил Урман. – Со своими сдвигами, конечно, но, в общем-то, нормальный парень. Я думаю, Гюнтер. Беспристрастно смотрю на очевидные явления и вижу несоответствие заявленных амбиций и реального положения вещей. Сохрани инсекты хотя бы половину прежних знаний, пошли бы они под пята к харамминам? Или стали бы терпеть роль второй, если не третьей скрипки в Конфедерации? Кто восстанавливает Сферу Дайсона? Люди. Кто ведет глубинную разведку скопления О’Хара, борется с Дикими Семьями? Опять – люди. Инсекты деградировали. Логриане создали логры и считают, что обрели вечность. Им больше нет дела до Вселенной. Одни самоуспокоились, проповедуя дутый пацифизм, зная: случись что, можно улизнуть в логр, там ведь безопаснее. Другие, растеряв знания, попали в полную зависимость, сначала от харамминов, затем от нас.

Шрейб, выслушав охотника, согласился с ним, заметив:

– Странные у инсектов технологии. Неужели ради зарядки накопительных устройств необходимо выравнивать наклон оси планет?

– Все не так просто, – хитро прищурился Урман. – Зарядка накопительных устройств – лишь ничтожная часть сложного процесса. Дело в том, что, когда планеты меняют наклон оси и фиксируются в новом положении, через них проходят строго определенные Вертикали. Начинает свою работу *глобальная* транспортная сеть – активируются порталы, связанные с иными звездными системами Галактики. Некоторые существа, которые вполне могут появиться на Арасте в период Сумерек, крайне опасны. Я заметил, что любая из цивилизаций, достигнув определенного уровня развития, совершает роковые ошибки. Мы, к примеру, создали системы искусственного интеллекта, едва не предрешившие исход Галактической войны в пользу машин, логриане и инсекты сформировали Ожерелье и в своем неумном любопытстве проторили сотни, если не тысячи гипертоннелей, ведущих к далеким звездам.

– Каким образом? И почему ты называешь попытку создания глобальной транспортной сети роковой ошибкой?

Урман ковырял ножом землю, хмуро и настороженно поглядывая по сторонам.

– Логриане фиксировали Вертикали, проходящие, уж не знаю, как высказаться, то ли сквозь планеты Ожерелья, то ли просто скользящие по

их поверхности, и ставили эксперименты, располагая на пути линий напряженности устройства, обеспечивающие импульс внепространственной транспортировки, – пояснил он. – Зная точное значение разницы временных потоков здесь и в реальном космосе, они безбоязненно путешествовали к иным мирам. Оказавшись на другой планете, логриане разворачивали там обычный пробойник метрики, чтобы в известное время включить его и вернуться обратно, когда Вертикаль будет вновь проходить через Первый Мир.

– И много планет они успели посетить? – поинтересовался Гюнтер, мысленно пытаясь представить истинные масштабы эпохального эксперимента, развернувшегося тут бездну лет назад.

– Я пытался подсчитать по количеству разновидностей существ, которых встречал во время путешествий, – получается пятнадцать миров, не меньше. Это только те, что населены. А сколько «промахов» совершили двухголовые умники – понятия не имею.

– За что ты так не любишь логриан?

– За их гениальную безответственность, – проворчал Урман. – Они открыли дорогу в Первый Мир расам, которым до выхода в космос еще развиваться и развиваться. Я, например, точно знаю, что первые люди оказались в недрах аномалии еще в шестнадцатом веке по земному летосчислению, представляешь?

– И что с ними стало?

– Живут, – пожал плечами Урман. – Логриане ведь не строили машин, они мыслители, понимаешь ли. К физическому труду не приучены. Сам видел их город. Нашли подходящее место, нарыли нор, вот и вся цивилизация.

– То есть они завозили рабов?

– А как ты думал? Систему Ожерелья ведь так и не довели до проектного состояния. Подумай сам, в каком положении оказались логриане после потери связи с реальным космосом, когда шаровое скопление О'Хара было замкнуто устройствами Вуали? Думаю, им тут пришлось совсем несладко. Вот и выкручивались, как могли. И наследство нам оставили еще то, сам вскоре увидишь. – Урман иронично посмотрел на Гюнтера, дружески подмигнул ему и продолжил: – Скоро начнется. Ближайшая цепь порталов километрах в тридцати отсюда. Так что хватит нам с тобой расслаиваться, пошли готовить позиции для защиты лагеря. А по дороге расскажу кое-что.

– Пошли, – согласился Шрейб, впервые за последние годы нервно оглянувшись по сторонам. Уж в чем у Урмана был несомненный талант, так

это в способности нагнетать обстановку. Хотя в логике и рассудительности ему тоже не откажешь.

Вернувшись в лагерь, они занялись сооружением нескольких укрытий, используя каменные обломки в качестве подручного материала.

Иван спал в палатке, закутавшись в два пледа и невообразимым образом натянув на себя спальный мешок. Рядом с ним калачиком свернулся Горин.

– Ты так и не рассказал, почему и как дезертировал. – Гюнтер подошел к краю обрыва и посмотрел вниз, где Шершневу и Зарипову возились с БМК, затем перевел взгляд в небо, но признаков приближения вертолета не заметил.

– Если говорить коротко, не сошелся с командованием во взглядах на существующие проблемы и способы их устранения, – ответил Урман.

– А какие проблемы у гарнизона? – поинтересовался Шрейб, принимая из рук охотника собранные неподалеку угловатые обломки камня и укладывая их на краю возвышенности.

В этот момент их разговор был прерван сигналом коммуникатора.

Урман ответил на вызов, молча выслушал незримого абонента, затем, невнятно выругавшись, произнес:

– Да понял я. Все. До связи.

С раздражением убрав мобильный коммуникатор, он обернулся к Шрейбу.

– Вертолета пока не будет. Второй рейс отменили. Техники не хватает. С эвакуацией Ивана придется повременить.

Некоторое время они работали молча, затем Урман, немного поостыв, спросил:

– Ты вообще в курсе, что происходило в системе Ожерелья до открытия профессора Кречетова и появления тут сил Конфедерации? – спросил Урман.

– Закрытая информация, – ответил Шрейб. – О самих планетах Ожерелья еще можно получить данные, а вот о происходящих или происходивших тут событиях – нет. Может, Иван что-то знает, но со мной он не делился.

– А зря. Ты кем был во время войны? – неожиданно спросил Урман.

– Пилотом серв-машины класса «Фалангер».

– А когда погиб?

– Тебя интересует точная дата? – Шрейб не возмущился прямой вопрос, он уже понял, что Урман не из тех, кто выпытывает нужные сведения между делом.

– Год.

– В 2635-м. Мы держали укрепрайон на одной из планет Внешнего Кольца^[40].

– В таком случае ты должен знать о бесследном исчезновении флота адмирала Надырова.

– Конечно. О потере семи крейсеров и пятнадцати фрегатов до сих пор ходят самые разные слухи.

– Они сорвались на Вертикаль во время боя в системе Элио, – сообщил Урман. – Все корабли, включая фрегаты сопровождения, технические и конвойные носители, в итоге попали сюда, в пространство десятого энергоуровня. Из архивных документов, найденных на Арасте, стало известно, что, несмотря на глобальный сбой кибернетических систем, Надырову удалось наладить связь флагмана с другими кораблями. Адмиралу, при всей его жестокости, нельзя отказать в мужестве. Он повел армаду невозвращенцев к единственной обладающей атмосферой планете. Конечно, в условиях полного отказа систем автоматического пилотирования посадка такого количества тяжелых боевых единиц не могла пройти благополучно: каждый корабль при входе в атмосферу действовал в отрыве от других, в результате – огромное рассеивание по площади, катастрофы, связанные с некорректной работой технических носителей^[41], короче, весь букет неприятностей.

Гюнтер, уже начавший выкладывать первую амбразуру для стрельбы с колена, отложил очередной обломок скалы и присел. Его воображение достаточно живо и полно дорисовывало картины, о которых говорил Урман.

– Самому адмиралу удалось выжить, – тем временем продолжал охотник. – Более того, он не потерял присутствия духа, сумел быстро разобраться, какая техника работает в условиях десятого энергоуровня, а какая нет, организовал поисковые партии и спас шестьдесят процентов личного состава как благополучно приземлившихся, так и потерпевших крушение кораблей.

– Даже не предполагал ничего подобного о судьбе исчезнувшего флота, – признался Шрейб.

– Мы многого не могли себе представить, – согласился с ним Урман. – До той поры, пока открытие профессора Кречетова^[42] не доказало способность Вертикалей гиперсферы проводить материальные тела, не разрушая их. Араста – не просто уникальный мир. Уверен, ничего подобного более не существует. Потому я и остался тут. В Первом Мире на

один квадратный километр территории приходится столько необъяснимого, что волосы иногда встают дыбом. Здесь любовь и смерть ходят под ручку так тесно, порой адреналина в организме не хватает.

Гюнтер, выслушав его, вновь взялся за работу.

– А что произошло дальше? – спросил он.

– В период активного поиска и спасательных операций люди Тиберия Надырова столкнулись с представителями семи различных космических рас, – продолжил просвещать его Урман. – Думаю, инопланетных существ на самом деле было больше, в смысле разнообразия, лично я сталкивался с представителями пятнадцати различных инопланетных анклавов, однако штабные документы Надырова, попавшие к нам в руки, оперируют условными названиями и описаниями представителей семи чуждых людям цивилизаций.

Кроме людей, попавших в систему Ожерелья еще в период Великого Исхода, при неуправляемом срыве колониальных транспортов на Вертикали, отряды Надырова вступили в вооруженный конфликт с инсектами, о существовании которых в ту пору человечество еще не подозревало. Логриан в Первом Мире осталось мало, о них почти не упоминается в документации, которую исправно вел штаб адмирала. Зато здесь было обнаружено настоящее государство, в рамках которого мирно сосуществовали различные инопланетные существа, в свое время завезенные сюда двухголовыми умниками. Как ты знаешь, истинная физика центральной области аномалии космоса не изучена до сих пор, но есть ряд неоспоримых фактов, не находящих объяснения, но объективно существующих в реальности, – все живое обладает здесь повышенной энергетикой, мне сложно объяснить тебе суть этого явления, но при определенной тренировке человек, к примеру, может формировать энергетическую матрицу своего рассудка и совершать выход из физической оболочки.

– Призраки? – поразился Гюнтер.

– Ну, если оперировать прижившимися терминами – да. В период Сумерек паранормальные способности особенно сильны.

– А смещение оси планет происходит часто? – спросил Шрейб.

– В том-то и дело, что это явление редкое. Адмиралу Надырову, как и первому гарнизону, созданному тут Конфедерацией, крупно не повезло – их появление совпало с наступлением периода Сумерек. Конечно, если быть точным, – Урман, подтащив очередной камень, подошел к краю обрыва, оценивая открывающиеся секторы обстрела, – то на одной стороне планеты сейчас происходит интенсивное облучение, на другой царит мрак, и лишь

где-то посередине расположена сумеречная зона шириной в несколько сотен километров.

– Но я так и не понял, в чем все-таки потенциальная опасность смещений? – спросил Шрейб, завершая первое из укреплений. – Я имею в виду, чего нам ждать, кроме обвалов, землетрясений и прочих стихийных бедствий?

Урман криво усмехнулся в ответ:

– Логриане оказали дурную услугу будущим поколениям жителей Первого Мира и его исследователям. Они, конечно, выкручивались, как могли, оказавшись тут в полной изоляции, да к тому же вступив в конфликт с инсектами – разумные насекомые, как ты понимаешь, воевать умеют и с врагами не церемонятся. Вот логриане и кинулись на исследование Вертикалей, тех, которые явно соприкасаются с поверхностью Первого Мира. В результате им удалось отыскать некоторое количество слаборазвитых инопланетных цивилизаций. Среди тех, кто воспринимал их появление как чудо, они вербовали воинов, строителей, да и просто разнорабочих, ведь техника, завезенная сюда разумными насекомыми, никуда не годилась, она не выдерживала излучения центрального сгустка, но для инсектов это не имело принципиального значения – муравейник способен к удивительно быстрому росту популяции и использованию ее части в качестве безропотной рабочей силы. А вот двухголовым, чтобы выжить, пришлось использовать рабов.

– Как я понимаю, логрианам, в конечном итоге, удалось набрать нужное количество рабочей силы и воинов для своей защиты? – уточнил Гюнтер.

– Да. Они не только депортировали в Первый Мир представителей разных космических рас, но и возродили биосферу планеты, создав ее на основе совместимых, по их понятиям, образцов флоры и фауны с различных планет. Так вот, возвращаясь к твоему вопросу: именно во время смещений открываются порталы, не работающие в иное время. Для того, чтобы Вертикальная линия напряженности функционировала как транспортный тоннель, начинаясь на поверхности гипотетической, неизвестной нам планеты, расположенной в пространстве обычного, если можно так выразиться, космоса, и приводила сюда, на поверхность одного из миров Ожерелья, необходимо все же соблюсти некоторые условия. Я еще до конца не разобрался во всех тонкостях, но нетрудно понять, что разбросанные тут и там мегалитические сооружения являются наиболее наглядной, понятной нам частью необходимых условий. «Места силы», как называют их здесь, лишь видимая, надводная часть айсберга. Их

конструкция проста, но внешние сооружения скорее отмечают определенную точку прохождения Вертикали, место ее пересечения с поверхностью планеты. Где расположены генераторы либо иные устройства, придающие Вертикали свойства, сравнимые со свойствами гиперпространственных тоннелей, я не знаю, но твердо убежден, что совпадение всех необходимых факторов наступает для большинства порталов только в период Сумерек.

Гюнтер глубоко задумался.

– Скоро начнется еще один процесс, – продолжил информировать его Урман. – Через сутки после изменения наклона оси последует еще одно смещение. Каждые двадцать пять часов все планеты Ожерелья синхронно поворачиваются на тридцать шесть градусов, подставляя излучению новые пространства и смещая зону Сумерек.

– Ты точно уверен в приведенных цифрах? – спросил Гюнтер.

– Они – результат измерений. После десятого смещения наклон оси вращения всех планет восстанавливается так же плавно, как в самом начале процесса. Механизм работает четко, без сбоев, как будто запрограммирован раз и навсегда.

– Смысл? – задумчиво произнес Гюнтер.

– Я тоже задавался подобным вопросом. Зарядка древних устройств инсектов, расположенных где-то в толще планетной коры, действительно не объясняет целесообразность смещений. Скорее всего, цель не только в получении и накоплении энергии, но и в последовательном формировании транспортных тоннелей. Представь, что каждый поворот активирует целый пояс порталов, расположенных тут, на поверхности Первого Мира. Затем, мысленно вообрази, происходит смещение планет перпендикулярно оси вращения строго на тридцать шесть градусов: действовавшие порталы закрыты, открываются другие, и так десять подвижек.

– Представил, – ответил Гюнтер. – Я понимаю, куда ты клонишь. Две древние цивилизации создавали здесь транспортный узел галактической сети. Они поставили перед собой сверхзадачу и были близки к ее реализации. Но они не знали, куда приведут созданные ими тоннели внепространственной транспортировки. Вдруг на том конце транспортной артерии первопроходцы встретят цивилизацию агрессивную, технически развитую, могучую? – продолжил развивать свою мысль Гюнтер. – Инсекты и логриане пытались укрыться от нашествия предтеч, искали надежные пути миграции в иные уголки Галактики, и, наученные горьким опытом разрушения своего гениального детища – Сферы Дайсона, – они проявляли особую осторожность. Как ты сказал? Синхронный поворот

планет, одни порталы закрываются, начинают работать другие? И период функционирования каждого гипертоннеля совсем недолог, времени едва хватит, чтобы доставить на исследуемую планету аппаратуру разведки и исследовательскую партию. Если планета безопасна, экспедиция начинает работу, если же там, – Гюнтер сделал неопределенный жест, – вдруг обнаруживается цивилизация, особенно из тех, что развиваются по техногенному пути, есть возможность ретироваться и разрушить портал.

– Да, верно, – кивнул Урман, с уважением посмотрев на Шрейба. – Я ведь действительно во время скитаний по Первому Миру видел разрушенные порталы. Причем они не стерты временем, а именно разрушены, уничтожены.

– Что же получается? Инсектам и логрианам удалось отправить в пространство гиперсферы девять планет, создать уникальную систему, однажды запущенную в эксплуатацию и работающую без какого-либо вмешательства, четко, исправно, а сами они стали заложниками своего времени – нашествие предтеч, обрыв всех связей со скоплением О’Хара заперли их тут и началась борьба за выживание?

– Жесточайшая борьба, – кивнул Урман. – Возможно, поначалу обе цивилизации пытались действовать сообща. Не думаю, чтобы логрианам, без участия инсектов, удалось бы создать биосферу Первого Мира. Но затем произошел конфликт. Причиной возникновения неодолимых разногласий могли стать представители слаборазвитых цивилизаций, некогда использованные логрианами в качестве рабочей силы. Тесная связь между планетами, откуда двухголовые черпали материал для создания биосферы и периодически рекрутировали существ, подчиненных их воле, наверняка создала в тех мирах целые мистические культы – так происходило на Земле, я специально изучал историю вопроса: среди найденных тут логов есть кристаллы, информация с которых прямо свидетельствует о демонах, некогда посещавших Землю. Но люди так и не разгадали тайну мегалитов, зато иные цивилизации вполне могут знать истинное значение древних построек, то есть они осведомлены, когда и из каких точек открывается доступ в пространство Первого Мира.

– Интересно узнать, что движет существами, вторгающимися сюда, – ритуалы мистических культов или осмысленные исследования, ставшие возможными при дальнейшем техническом развитии ранее примитивных цивилизаций? – уточнил Гюнтер.

– Думаю, и то и другое. Но нам от этого не легче. Сюда в Сумерки вторгаются орды самых разных существ, – ответил Урман. – Я сталкивался с ними, и большинство таких встреч оканчивались жесточайшими

схватками.

– С ними совершенно невозможно договориться? – нахмурился Гюнтер. – Или никто попросту не пробовал наладить контакт с представителями иных цивилизаций?

– Договориться? – Урман покачал головой. – Не знаю. Я лично не пробовал, – честно признал он. – Когда тебя пытаются убить сотней различных способов, становится как-то не до разговоров.

– А если подготовиться заранее? – настаивал Гюнтер. – Разработать некую программу контакта, создать тактику поведения, привлечь специалистов?

– Все намного сложнее, чем тебе кажется. Год в Первом Мире – это почти десять лет по времени «нормального» космического пространства. У них, – Урман подразумевал представителей иных космических рас, – достаточно времени на подготовку очередного вторжения, или экспедиции, или еще чего-то, тут названия сразу не подберешь, а у нас времени, что называется, в обрез.

– А как давно существует гарнизон на Арасте?

– Семь лет. По местному времени, естественно.

– При современном уровне развития техники – это очень много, – заметил Шрейб.

– В том и дело, что традиционная техника, наработанная за полтора тысячелетия освоения космоса, в условиях Первого Мира либо отключается, либо работает с чудовищными сбоями, – возразил Урман. – К тому же события последнего столетия по летосчислению Первого Мира не способствовали подобным изысканиям. Я же говорил тебе – флот адмирала Надырова практически в полном составе сорвался на Вертикаль и оказался тут, в системе Ожерелья. В космосе шла война, если ты помнишь. И адмирал, легко посылавший на смерть миллионы людей, вдруг оказался перед лицом пестрого конгломерата различных ксеноморфов.

– Здесь также началась война? – Гюнтер продолжал хмуриться, слушая пояснения охотника.

– А что ты хотел от солдат и офицеров, полностью дезориентированных, не понимающих, куда они попали? Их разум еще находился в плену той бойни, что бушевала в космосе.

– Но ты упомянул, что в Первом Мире на тот период уже существовала некая объединенная цивилизация.

– Которую Надыров смел, уничтожил, буквально за несколько лет, – ответил Урман. – Те события еще хранят в памяти некоторые старожилы, кому перевалило за сотню лет. Нам известно, что Надыров организовал

некий орден, подчинив своих людей новому стремлению – полностью захватить Первый Мир, уничтожив всех ксеноморфов, населяющих планету. Не знаю, по какой причине адмирал испытывал патологическую ненависть ко всем существам, отличающимся от людей, но военную структуру опорных пунктов он именовал не иначе как храмами. Отсюда пошло название «храмовники» – то есть воины, слепо подчиняющиеся Надырову и его вере в превосходство людей над любыми инопланетными существами. Теперь тебе понятны истоки враждебности, причины постоянно возникающих конфликтов?

Гюнтер кивнул.

– Людей считают захватчиками, оголтелыми, беспощадными убийцами, верно?

– В точку. Мы ходим по замкнутому кругу. Сил гарнизона Арасты едва хватает, чтобы хоть как-то контролировать равнину и предгорья, защищать человеческие поселения от постоянных набегов.

– А почему гарнизон Первого Мира так мал? Неужели Флот не в состоянии выделить достаточно сил? Почему при исключительной стратегической важности Арасты Кречетову не дают людей, не присылают специалистов по контакту?

– Сложный вопрос, – усмехнулся Урман. – Во-первых, далеко не каждый выдерживает тут. Нужно иметь исключительно крепкие нервы и устойчивую психику, чтобы противостоять некоторым явлениям, естественным для Первого Мира.

– Например?

– Тебе повезло, Гюнтер, ты никогда не спишь и, следовательно, не видишь снов. В пространстве десятого энергоуровня происходят серьезные изменения психики. Это связано с возникновением у обычных людей паранормальных способностей. Если не контролировать свой рассудок, то под влиянием местных условий разум спонтанно формирует энергетическую матрицу, способную к самостоятельному существованию. Так погибли многие из первого гарнизона Арасты. Их рассудок покидал физическое тело во время сна, но, не имея опыта в подобном существовании, попросту не мог вернуться назад. Это труднообъяснимо с точки зрения традиционной науки, но с фактами не поспоришь. Я сам видел и энергетических призраков, и тела людей, лишившихся рассудка, не способных даже поднести ложку ко рту.

– А как же люди Надырова? Или те, кто попал сюда в эпоху Великого Исхода?

– Кто-то погиб, кто-то приспособился, – ответил Урман. – У

храмовников существовала система жесткого психологического тренинга, их обучали не только полному самоконтролю, но и использованию неожиданно проявившихся способностей. Есть свидетельства, что многие из людей Надырова умели контролировать процесс формирования энергетической сущности и целенаправленно действовать вне физической оболочки тела, впоследствии, без вреда здоровью, возвращаясь в нее.

– Серьезная проблема, – подумав, согласился Гюнтер.

– Куда уж серьезнее, – кивнул охотник. – Поэтому сейчас в гарнизон Первого Мира набирают исключительно офицеров, прошедших предварительную подготовку. В последнее время предпочтение отдается мнемоникам.

– Но положение дел так и не улучшилось?

– Сюда попадают только добровольцы. Но есть еще одно серьезное препятствие: разница во времени. Если у человека есть семья – мало кто согласится бросить ее, ведь за пять лет службы на Арасте в Обитаемой Галактике пройдет полвека.

– Понимаю, – ответил Шрейб. – И все же как-то не верится, что среди сотен планетных цивилизаций невозможно найти достаточное количество профессионалов...

– Их находят. Но генеральный штаб, понимая стратегическую важность системы Ожерелья, прежде всего, делает ставку на базирующийся в пределах десятого энергоуровня космический флот, в приоритетном порядке укомплектовывая экипажи боевых и исследовательских кораблей, осуществляющих разведку Вертикалей и блокирующих пространство системы на случай обнаружения иной цивилизации, сделавшей аналогичные открытия. Мы надежно замкнули десятый энергоуровень, но сил на контроль Первого Мира, исследования и разбор завалов техники на других планетах по-прежнему катастрофически не хватает.

– Нельзя объять необъятное... – философски изрек Гюнтер.

– Вскоре ситуация начнет меняться. – Урман посмотрел вдаль и добавил: – Если гарнизон переживет эти Сумерки. Большинство порталов расположено как раз на равнине. Теперь тебе понятно, почему горный массив укреплен с обеих сторон, превращен древними расами в неприступную цитадель? Они четко осознавали, что исследование Вертикалей небезопасно, но и отказаться от задуманного не захотели, даже соизмерив степень риска. Я не раз натыкался в своих странствиях на древние, безнадежно разрушенные образцы техники, которая, на мой взгляд, не принадлежит к сумме технологий инсектов и логриан, значит,

сюда вторгались представители иных технически развитых цивилизаций, причем вторгались не единожды...

– А почему к исследованию планет Ожерелья не привлекают машины с модулями искусственного интеллекта? – спросил Гюнтер. – Я, к примеру, не ощущаю изменений в работе искусственных нейросетей, мне не требуется сон, у меня нет родных, которые без меня состарятся.

– Трудно ответить однозначно. Ты ведь не обычный серийный киборг. К тому же первый опыт проникновения в пространство десятого энергоуровня изобилует трагическими катастрофами, вызванными отказами техники. Поначалу кибернетические системы здесь вообще не работали, потом с грехом пополам их научились защищать от пагубного излучения центрального энергетического сгустка системы, но никаких гарантий по-прежнему нет. Ты сам убедился хотя бы на примере средств связи и блоков автоматического управления БМК – они хоть и защищены, но работают со сбоями.

– У меня пока что не было сбоев, – упрямо повторил Гюнтер.

– Ты – случай особый. Не исключаю, что командование позволило тебе сопровождать Ивана в целях постановки очередного эксперимента.

– Иного объяснения не находишь?

– Гюнтер, трезво смотри на вещи. Я бы долго думал, прежде чем дать добро молодому специалисту и сопровождающему его киборг-телохранителю на посещение Арасты. И не факт, что согласился бы.

– Спасибо за откровенность, – усмехнулся Гюнтер.

– Мне незачем кривить душой. Будут вопросы – я всегда отвечу. А пока – давай готовиться.

– К чему?

– Кречетов велел контролировать портал. Что бы ни случилось. И блокировать любые попытки проникновения чуждых существ со стороны равнины в горы и наоборот. Задача ясна?

Гюнтер взглянул вниз, где взревела двигателем БМК.

– Мы открывает огонь первыми?

– Нет. Сначала пытаемся договориться, – ответил Урман. – Со всеми, кроме реликтовых боевых механизмов, – уточнил он.

– Так Ивана оставили здесь специально? Как специалиста по контактам?

– Да. Хотя, признаюсь, он проявил себя не с лучшей стороны.

– Первый бой, – пожал плечами Шрейб. – Сам знаешь, как это происходит. Ты лучше присмотри за Шершневым, а с Иваном я пообщаюсь, приведу его в чувство.

– Лады. – Урман окинул взглядом возведенные из камней укрепления и, что-то насвистывая себе под нос, начал спускаться по склону к неуклюже разворачивающейся БМК.

* * *

В сиреневых Сумерках Первого Мира двигался отряд бойцов.

Одинакового роста, закованные в фототропную боевую броню со шлемами, чьи дымчатые забрала скрывали лица, они казались близнецами.

Восемь человек основной группы двигались след в след, не сбиваясь с ритма шагов, не разговаривая друг с другом, даже не оглядываясь по сторонам, словно окружающее было им безразлично.

Впереди – головной дозор. По флангам – еще двое в боевом охранении.

Тем, кто двигался справа и слева от группы, приходилось особенно тяжело: их путь лежал вне тропы, приходилось идти по склонам длинной и узкой горной долины, но, несмотря на сложность рельефа, бойцы перемещались практически бесшумно, вовремя обходя предательские осыпи камней, наступая исключительно на твердую, надежную опору.

Впереди по маршруту движения появились древние, давно заброшенные, полустертые временем постройки. Наиболее хорошо сохранилось странное мегалитическое сооружение, состоящее из грубо обтесанных вертикальных столбов, на которых покоились несколько положенных горизонтально длинных и узких каменных перекрытий.

Головной дозор остановился, командир группы замедлил темп шагов, затем отдал приказ по связи, и бойцы мгновенно рассредоточились, занимая укрытия за камнями и обломками скал, изобилующими вокруг.

Фототропная броня мгновенно слилась с серым фоном, зардела пятнами, имитируя лепившийся к скалам трубчатый мох.

Оружие бойцов состояло из ручных стрелково-гранатометных комплексов, не поддающихся идентификации. Окажись где-то поблизости специалист по вооружениям, он был бы сильно озадачен: ни один современный каталог не содержал описания и технических характеристик подобных образцов ручного вооружения. Было лишь понятно, что при конструировании оружия предполагалось его использование в условиях десятого энергоуровня аномалии, где часто сбоила электроника, но беспрепятственно протекали химические реакции. Удлиненные, нехарактерные для современного оружия, чуть изогнутые магазины были явно рассчитаны под гильзовый патрон.

Причина остановки стала ясна через несколько минут, когда

развернутый локационно-сканирующий комплекс, завершив работу, выдал результат в виде алого маркера.

Личный датчик Ивана Столетова.

Оценив расстояние до обнаруженной цели, командир группы отдал приказ.

Бойцы безропотно повернули к древней высеченной в камне тропе, круто поднимавшейся в горы.

План действий был прост, он вытекал из условия скрытности и диктовался рельефом местности.

Группа начала восхождение на господствующую высоту, откуда, если позволит обстановка, будет произведен единственный снайперский выстрел.

* * *

В зоне Сумерек царила мертвая тишь.

Последний резкий, тревожащий звук был гулом двигателя боевой машины космодесанта, вскарабкавшейся в гору и застывшей в специально сооруженном укрытии.

Зарипов остался дежурить, Шершневу прыгнул с брони, направляясь к временному командному пункту.

Увидев Гюнтера, лейтенант поморщился, затем, потоптавшись на месте, все же спросил:

– Урман где?

– Пошел проверить посты на флангах, – не оборачиваясь, ответил Шрейб, занятый сканированием низлежащих предгорий.

– А ты что, даже не повернешься?

– Не нарываюсь, лейтенант. Я веду наблюдение.

– С тобой человек разговаривает, сука железная! Докладывай, как положено!

Гюнтер медленно обернулся и вдруг, не проронив ни звука, коротким, сокрушительным ударом в челюсть отправил Шершнева в нокаут.

Сбитый с ног лейтенант некоторое время, хрипя, корчился в пыли, потом, с трудом привстав, с ненавистью посмотрел на Шрейба и, сплюнув сгусток крови, просипел:

– Я тебя достану...

– Собрался – стреляй сейчас. – Шрейб смотрел ему в глаза. – Зачем сам себя унижаешь?

– Убью...

– Так убивай!

Но лейтенант даже не попытался выхватить оружие. Поднявшись на ноги, он, пошатываясь, побрел к БМК.

Гюнтер не стал провожать его взглядом. Угрозы на него давно не действовали, а выслушивать оскорбления – достало.

Он невольно посмотрел в сторону разбитых укреплений, окольцовывающих портал.

Если бы не Иван...

Да что толку? Все равно ведь не уйду, не брошу...

* * *

Сзади раздались мягкие шаги.

– Опять сцепились? – спросил Урман.

– Ты не мне вопросы задавай, – огрызнулся Шрейб.

Охотник промолчал. Сделав несколько глотков воды из фляги, он сменил тему:

– Что-нибудь заметил?

– Да. Есть движение ниже по склону.

Урман, при всем хладнокровии, едва не вскочил.

– Почему не доложил?!

– Наблюдаю. Сигнатуры неявные. Может, сканеры сбоят. Нет уверенности. Будет ясно – доложу.

Охотник молча покачал головой, расчехлил электронный бинокль, активировал систему ночного видения и, подключив к прибору цепочки логр-компонентов, спросил:

– Где?

– Пятнадцать градусов левее портала. В кустарнике у опушки леса.

Урман взглянул в указанном направлении.

– Норлы. Не менее сотни, – спустя некоторое время глухо произнес он.

– Дай телеметрию.

Урман коснулся сенсора, передавая Шрейбу изображение.

– Тебе знакомы подобные существа?

– Приходилось встречаться.

– И как?

– Чрезвычайно сильные, агрессивные и опасные. На контакт не идут. Живут замкнутыми, изолированными общинами высоко в горах. Есть данные, что норлов завезли в Первый Мир логриане, но не в самом начале формирования системы, а намного позже, в разгар конфликта с инсектами.

– Норлы находились тогда на низкой ступени развития? – уточнил

Гюнтер.

– Анализ данных указывает на эпоху, сравнимую с земным Средневековьем...

Гюнтер промолчал, внимательно изучая поступающие изображения. Электронный бинокль, в сочетании с логр-компонентами, давал контрастную черно-белую картинку, отсеивая при этом не только помехи, связанные с сумеречным освещением, но и убирая элементы растительности, маскирующие норлов.

Глядя на рослые, достигающие четырех метров фигуры, было нетрудно понять, что так сильно взволновало обычно невозмутимого Урмана. Эти существа явно обитали на планете с двойной или даже тройной (относительно земного эталона) гравитацией, иначе как объяснить их невероятную физическую силу – на глазах Шрейба один из норлов с легкостью выворотил из земли огромный валун весом с полтонны, не меньше, и, не напрягаясь, отшвырнул его в сторону, а сам тут же затаился в образовавшемся углублении.

– Они знают, что мы тут, – произнес Шрейб.

– С чего ты взял?

– Видишь, ищут укрытия... За границу кустарника не выходят. Пытаются двигаться скрытно.

Двое норлов, словно желая подтвердить слова Гюнтера, тут же скрылись за огромным валуном, что выворотил из земли их сородич.

– Средневековье, говоришь? – Шрейб взял из рук Урмана электронный прибор, сделал что-то с настройками и вернул охотнику: – Взгляни.

После точной отстройки, произведенной Гюнтером, стали отчетливо видны детали экипировки и лица существ. То, что издали можно было принять за элементы примитивной брони, на самом деле оказалось видом экипировки, по многим признакам напоминающей боевые скафандры. Кроме того, чуждые существа были вооружены отнюдь не камнями и палками...

– Не похожи они на паломников, верящих в предание о богах-логрианах... – произнес Шрейб, внимательно рассматривая оружие пришельцев. Что ж... Все логично и оправданно, с поправкой на их телосложение и предполагаемое значение гравитации на поверхности родной для норлов планеты. Гюнтеру на миг стало не по себе. Ручные виды вооружений, с которыми без видимых усилий обращались инопланетные существа, по размерам и калибру были сопоставимы с курсовыми орудиями «Хоплитов» поздних модификаций.

– Видно, в их мире технический прогресс не стоял на месте, – мрачно заметил Урман. – Боюсь, не поклоняться они пришли. И логриане им не боги... Взгляни внимательнее на их руки и лица.

Гюнтер и сам заметил многие бросающиеся в глаза, вполне *понятные* детали.

Сосредоточив внимание на группе из трех норлов, он еще раз подробно и критично исследовал их облик.

Высокие, в два человеческих роста, широкоплечие существа с гротескными лицами: маленькие глазки смотрели враждебно, настороженно выглядывая из-под массивных надбровных дуг, приплюснутые носы с прикрытыми чешуйками дыхательными отверстиями, мясистые щеки, тонкая длинная линия бескровных губ – все это создавало отталкивающий образ. Кроме того, все незащищенные участки кожи норлов покрывали язвы, словно существа долго и неизлечимо болели.

Экипировка норлов по многим признакам принадлежала к сумме высоких технологий цивилизации, сумевшей вырваться в космос, но и она выглядела не лучшим образом: бронепластины, защищающие герметичный материал скафандров, носили следы многочисленных схваток, их покрывали шрамы в виде длинных глубоких борозд, мелкими россыпями темнели выщербины, некоторые фрагменты экипировки казались ноздреватыми, словно на них кто-то плеснул кислотой.

Гюнтер переключил режим сканирования.

– Радиация, Урман. Они сильно облучены.

– Ядерная война? Техногенная катастрофа?

Шрейб лишь пожал плечами.

– Ты встречался с норлами, обитающими на Арасте? – вместо ответа спросил он.

– Несколько раз. Не скажу, что было приятно.

– То есть их язык ты не знаешь?

– Откуда? Когда в тебя швыряют каменными глыбами, способными раздавить БМК, становится не до любезностей.

– И все же нам придется попытаться. Запроси базу, пока не исчезла связь. Может, у Кречетова есть хоть какие-то данные по языку норлов? Хотя бы парочку ключевых приветственных фраз.

– Ты серьезно? Хочешь вступить с ними в переговоры?

– Нет. Для этого недостаточно неуклюжих приветствий. Попробуем выиграть время. Поднимай Ивана, пусть срочно разворачивает свою аппаратуру. И свяжись с базой.

– Гюнтер, ты спятил?

– Нет. Будь у меня парочка серв-машин, я бы еще рискнул принять бой, учитывая сложную горную местность. Посмотри на калибр их автоматического оружия и подумай, есть ли у нас шансы?

Урман на секунду задумался.

– Ладно. Пожалуй, ты прав. Попробуем.

* * *

Отряд боевиков Олмера вышел на исходный рубеж.

Девять человек, заняв позиции на обширном скальном выступе, затаились, слившись с фоном местности, в ожидании приказов командира группы, который, встав на колено за угловатыми каменными глыбами, обозревал панораму низлежащего плато в оптико-электронный прицел стрелково-гранатометного комплекса.

Маркер цели, различимый сканерами, не просматривался визуально.

Плато выглядело вымершим. Руины логрианского города в сумеречном освещении казались клубком мертвых, наполовину разложившихся змей, свившихся перед гибелью причудливыми кольцами.

От кромки плато вниз к лесному массиву предгорий и расположенному правее древнему portalу вели три широких, пригодных для прохождения техники спуска.

На краю плоскогорья сканеры фиксировали боевую машину космодесанта, скверно замаскированную укрытием из камней.

Есть цель!..

Командир группы запустил программу визуальной идентификации.

В сложной сетке компьютерного прицела появились два человека, возникшие в пределах прямой видимости внезапно, словно до этого они прятались в руинах логрианского города.

Обе цели идентифицировались.

Приоритет: Иван Столетов.

Вторичная цель: Гюнтер Шрейб.

Первый патрон в стволе.

Дистанция... ветер... значение гравитации... поправки введены...

Изображение укрупнилось, стала различима даже артикуляция губ приоритетной цели.

Указательный палец лег на бугорок сенсора огня.

* * *

– Гюнтер, ты сумасшедший!

– Иван, сейчас не время спорить. – Шрейб казался спокойным, как никогда. – Тебе пять минут на тестирование аппаратуры! Выполняй! Несколько фраз, полученных от Кречетова, я скину тебе, когда активируешь комплекс. Это облегчит первичный анализ данных.

* * *

Палец дрогнул, но не сдвинул сенсор огня.

Сбой...

Глобальный сбой системы...

На миг реальность утратила четкость, словно на глаза Ники внезапно навернулись слезы.

Управляющие программы тут же вернули контроль, но приоритетная цель уже исчезла, в прицеле остался лишь вторичный объект.

Лицо в профиль крупным планом.

Пульсирующая алая точка на виске.

Внутри рванула нестерпимая вспышка боли.

Знакомые, дорогие черты, грезы несбыточной мечты, и вновь, словно удар наотмашь, внутренняя команда: ОГОНЬ!

Фокус зрения расплылся.

Что-то горькое, несбывшееся рвалось наружу, нечто гораздо более сильное, весомое, чем хлесткие директивы управляющих программ.

Гюнтер...

Память взорвалась.

Осколки прошлого крутанулись мозаикой вспышечных образов, и вдруг, словно удар приливной волны, прорвавший тщательно возведенные заслоны, вернулась память...

Она вспомнила все, вплоть до последней фразы, оброненной Шрейбом при прощании.

Он же предупредил, опасался, что Олмер вновь попытается использовать меня, как свое оружие...

Куда он идет?

Ника невольно смещала ствол оружия, следя за любимым через прицел.

Ощущение непоправимости происходящего пришло вместе с первыми разрывами, вздыбившими землю на краю плато.

Она мысленно закричала.

Из густого кустарникового подлеска внезапно появились существа иной расы. Они бежали, стреляя на ходу, стараясь *убить его!*..

Ника, едва понимая, что делает, резко переместила прицел, на долю

секунды зафиксировав алую точку на лбу чуждого существа, и плавно сдавила сенсор огня.

Норл, целившийся в Гюнтера, нелепо взмахнул руками, мешковато оседая на землю.

Ее губы шевельнулись, выдыхая короткую фразу команды, продублировавшую передачу данных по локальной сети:

– Цель – неидентифицированные существа. Приоритет – защита людей. Огонь!

Она не думала сейчас о себе.

Чувство, так остро и внезапно вспыхнувшее на Грюнверке, вернулось, его все же не сумели стереть, вытравить кибрайкеры Олмера, и, вырвавшись на волю, оно совершило практически невозможное, немыслимое, с точки зрения тех, кто считал Нику вещью.

Стресс, возникший в момент, когда она узнала Гюнтера и вспомнила все, что было связано с ним, заблокировал программы, подчинявшие себе ее волю.

* * *

Гюнтер понимал, что рискует, выходя на край горного плато.

А был ли у него выбор?

Шесть человек, включая Ивана, находившиеся сейчас за его спиной, при всем желании не смогут остановить сонмище инопланетных существ.

Путь к равнине отрезан. Они здесь, на плоскогорье, как пробка в горлышке бутылки. Единственный путь в горы блокирован горсткой людей... Норлы, группирующиеся для атаки, со всей очевидностью понимают это.

Зачем они явились в Первый Мир? Ищут спасения? Или, поверив древним легендам, хотят воззвать к не существующей в современности высшей силе?

Выйдя на край плоскогорья, Шрейб демонстративно развел руки в стороны, показывая жестом, что не вооружен, затем в стылой, звенящей тиши Сумерек раздались гортанные, похожие на клекот звуки чуждого языка, воспроизведенные синтезатором речи.

Норлы замерли.

Их замешательство длилось всего лишь несколько секунд, затем случилось непоправимое: двое существ ответили Гюнтеру протяжным, леденящим душу воем и, рванувшись вперед, разрядили в Шрейба свое оружие.

Их яростная агрессия была необъяснима, но легче Гюнтеру от этого

не стало: он едва успел отпрянуть от края плато, как серия попаданий вздыбила землю там, где он стоял секунду назад.

Норлы ринулись в атаку.

Остановить их сейчас казалось совершенно невозможным: они неслись с огромной скоростью, стреляя на ходу, легко преодолевая пологий подъем древней дороги, ведущей к руинам логрианского города.

Сотни разрывов терзали землю и камень, беспорядочный неприцельный огонь со стороны лавины атакующих пока не нес ущерба защитникам, но все изменится в ближайшие секунды, стоит лишь инопланетным существам ворваться на плато.

Укрепления, наспех сооруженные людьми, молчали, Гюнтер из-за множества пляшущих вокруг разрывов не мог определить, уцелели ли непрочные каменные укрытия, он отступал, постоянно держась лицом к противнику, совершенно не понимая, что происходит: позиции молчали, со стороны людей не было произведено ни одного выстрела, а несколько вырвавшихся вперед норлов, один из которых остановился, целясь в Шрейба, внезапно рухнули как подкошенные.

Гюнтер, воспользовавшись возникшим замешательством в рядах атакующих, одним прыжком преодолел расстояние до ближайшего укрытия, перемахнул через невысокую, сложенную из камней стену и оказался рядом с Урманом.

Отсюда норлов еще не было видно, их скрывал склон и руины двух древних башен, в прошлом защищавших дорогу.

Теперь понятно, почему Урман, готовый открыть огонь, пока не сделал ни одного выстрела, — норлы грамотно использовали рельеф, распределив силы таким образом, что часть бойцов постоянно вела огонь, накрывая все вероятные укрытия, а те, кто ринулся в атаку, прикрывались руинами древних построек, и, тем не менее, ряды нападавших таяли, словно неведомая сила выкашивала их.

Гюнтер оглянулся и тут же заметил вспышки выстрелов.

Их кто-то прикрывал с господствующего над плато небольшого каменного карниза!

— Там наши! — он указал Урману на позицию неведомых стрелков, чей снайперский огонь значительно проредил атакующих, охлаждая их порыв.

В следующий миг норлы наконец сообразили, откуда по ним ведется стрельба, и тут же на узком пространстве каменного выступа засверкали вспышки разрывов.

— Наш выход! — Урман отдал короткий приказ по связи, ринувшись вперед.

Шрейб понял его замысел. Было ясно: если сейчас не прикрыть неведомых стрелков, их просто сметут с карниза шквальным огнем. То, что минуту назад казалось самоубийством, теперь приобрело статус разумного, оправданного риска...

– Алехин, Корер, работать с флангов! Шершневу, твою мать, где БМК?! – Урман добежал до укрытий, возведенных на краю плато, мгновенно оценил обстановку, переключив оружие на подствольный гранатомет.

Группа норлов, осуществлявшая огневую поддержку, была по скальному выступу.

– Шрейб, привлечем их внимание! – Штурмовая винтовка Урмана с хлопком выплюнула гранату, послав ее по короткой баллистической траектории в скопление противника, Гюнтер повторил его маневр, с флангов по поредевшей цепи нападавших ударили Алехин и Корер, лишь БМК по непонятной причине бездействовала, застыв на позиции...

Еще минута, и атака норлов захлебнулась. Не менее тридцати существ осталось лежать в пыли у поворота древней дороги, где их буквально выкосило методичным снайперским огнем с господствующей высоты, остальные, не выдержав, повернули назад, внося панику в ряды группы прикрытия, которую изрядно потрепало гранатным обстрелом.

– Они бегут!.. – выдохнул Урман, в очередной раз меняя позицию. – Прекратить огонь! Боеприпасы не тратить!

– Дай бог, чтоб откатились к portalу и убрались отсюда, пока он работает.

Норлы панически отступали, теперь среди деревьев укрывшего их лесного массива с трудом просматривались бледнеющие сигнатуры чуждых существ.

Охотник привстал. Отсканировав диапазоны связи, он в недоумении развел руками.

– Никто не отвечает. Гюнтер, есть дело для тебя. Отыщи тропу, поднимись на выступ. Посмотри, кто так вовремя нас прикрыл. Я отошлю Шершневу и Зарипова, пусть займут высотку у входа в ущелье. Если атака повторится, пустим их на плато. Об Иване я позабочусь. Все, выполняй, бегом!

Шрейб не имел ничего против. Разумный приказ.

– Свяжись со мной, когда определишь, что к чему! – крикнул ему вслед Урман.

Тропу, ведущую к истерзанному разрывами скальному выступу, Шрейб отыскал не без труда.

Старый, вырезанный еще инсектами или логрианами, местами обрушившийся пандус шириной всего в полметра вел к небольшой площадке, где раньше, в древности, располагался наблюдательный пост или просто была установлена аппаратура мониторинга.

Первое тело в бронескафандре попало на глаза сразу, как только он преодолел последние метры опасного подъема.

Скверное предчувствие дернуло душу.

Автоматический огонь норлов, учитывая калибр их стрелкового оружия, не оставил тут камня на камне... Отвесные скалы, обрамляющие небольшой выступ, казались пегими от свежих сколов и выщербин.

Шрейб огляделся в мучительной растерянности.

Он насчитал десять тел в истерзанной бронеэкипировке. Никаких опознавательных маркеров. Явно не из гарнизона Первого Мира.

Тогда кто они? Как и зачем попали сюда?

Присев, он осторожно отстегнул дымчатое проекционное забрало шлема БСК одного из бойцов. Незнакомый молодой мужчина. Гюнтер достал автоматическую аптечку, прижал ее головками анализаторов к бледной, обескровленной щеке незнакомца, взглянул на крошечный дисплей и...

Киборг!..

Дрожь рванула вдоль позвоночника...

Шрейб переключился на сканеры, получив отчет:

Критические повреждения ядра системы. Восстановление невозможно.

Предчувствия, одно хуже другого, теснились в рассудке. Он метнулся к следующему телу, но результат оказался тот же – перед ним лежал изрешеченный осколками, получивший несколько прямых попаданий киборг.

Критические повреждения...

Критические повреждения...

Критические повреждения...

Внезапно он уловил слабое движение. Посредине площадки возвышались две иссеченные осколками каменные глыбы, между которыми был виден похожий на бойницу разлом.

Он метнулся туда и увидел еще одно, конвульсивно вздрагивающее тело.

Опустившись на колени, Шрейб отстегнул треснувшее в нескольких местах дымчатое забрало гермошлема и едва не взвыл от отчаяния.

Ника!

Это была она.

Несколько смертельных даже для киборга ран зияли в ее груди.

Гюнтер онемел от горя. Он без сил опустился рядом с ней на покрытую каменной крошкой землю.

– Ника...

Она вдруг открыла глаза. Затуманенный взгляд остановился, пытаясь сфокусироваться на лице Шрейба, губы слабо шевельнулись:

– Гюнтер... Я вспомнила... Все... Я люблю тебя...

– Не разговаривай! Молчи! – Он бережно поднял ее на руки и, прижимая к себе, пошел к краю площадки, где начиналась опасная, ведущая вниз тропа.

– Не бросай меня... – Ее горячий предсмертный шепот обжигал. – Ты был прав... Меня снова... использовали... Но я справилась... Увидела тебя... и справилась...

Голова Ники вдруг безвольно уткнулась в плечо Шрейба.

Если она умрет...

Гюнтер уже перешагнул грань безумия. Он понимал – если Ники не станет, то его дальнейший жизненный путь превратится в короткую, кровавую дорогу беспощадной мести.

Единственная надежда, теплившаяся в рассудке, не позволявшая полностью отдаться власти отчаяния, была связана с наномашинными комплексами систем самоподдержания. *Ей нужен покой*, – словно заклятие, мысленно повторял Гюнтер, спускаясь по коварной узкой тропе. – *Покой и защита, чтобы микросистемы регенерации смогли беспрепятственно отработать заложенные в них программы...*

Сейчас всё остальное потеряло смысл.

Он понял, что не вернется в лагерь, не сообщит ничего Урману, не станет биться с норлами, – он прижимал к себе обмякшее тело Ники и плакал.

Скупые слезы скатывались по щекам, но Гюнтер не замечал их.

В его жизни появилась настоящая цель – первое выстраданное, *собственное стремление*, никак не соотнобразующееся ни с чьими планами.

Выходить Нику.

Он больше не думал о том, что она умрет. Он боялся этой мысли, чувствуя, что просто ослепнет от горя и ненависти.

Пошатываясь, Шрейб миновал опасный спуск и, дойдя до зоны руин логрианского города, свернул к первой попавшейся на глаза полуразрушенной постройке.

Бережно уложив Нику на землю, он осторожно снял с нее

бронескафандр и, взглянув на страшные раны, медленно опустился подле нее.

Сканирование...

Ответ на запрос отрицательный. Работа микромашинных комплексов не зафиксирована.

Отчаяние вновь захлестнуло его.

Неужели в серийных моделях не используется уникальная разработка профессора Романова?

А с какой стати он должен был поделиться своим успехом с «Нейл Индастри»?

Подумав об этом, Шрейб понял, почему сканирование остальных киборгов выдавало один и тот же результат: *Восстановление невозможно...*

Но Ника еще жива... микромашины успеют считать информацию.

Он действовал быстро. Вскрыв автоматическую аптечку, вытащил из фиксаторов пустой инъектор, выбрал самую длинную иглу и вонзил ее себе в грудь.

Шрейб знал, где в его организме расположен небольшой резервуар с запасом «чистых» микромашинных комплексов.

Наполнив инъектор ртутно поблескивающей жидкостью, он ввел полученный раствор в организм Ники, затем обработал ее раны, наложил повязки, стараясь действовать быстро, но аккуратно.

Всё...

Он сделал, что в его силах. Теперь Гюнтеру оставалась лишь неистовая, почти безумная надежда, что наномашинные комплексы успеют считать информацию, справятся с повреждениями, регенерируют ткани, восстановят кибернетические компоненты, и она очнется...

* * *

Шершневу, получив от Урмана разнос за медлительность, был зол, как никогда. Отогнав БМК на новую позицию, он, чтобы никого не видеть, отослал Зарипова метров на сто выше, приказав тому вести скрытое наблюдение.

Теперь этот долбаный киборг будет ходить в героях, а я...

Сергей сплюнул на пыльную землю.

В сумерках чудились странные тени. Вздвогнув, он включил прибор ночного видения, осмотрелся и внезапно заметил метрах в пятидесяти от себя Шрейба, который шел, словно сомнамбула, бережно прижимая к груди тело еще одного киборга, – сканеры однозначно толковали сигнатуры, не вызывая сомнений.

Вот он свернул в руины и скрылся из поля зрения.

– Завгат? – вызвал Шершнев Зарипова, используя закрытый канал командных частот.

– На связи.

– Видел?

– Да. Он остановился во дворе ближайшего здания. Что-то делает.

– Держи его на прицеле. Подам условный сигнал – бей на поражение.

– Но...

– Без всяких «но»! – огрызнулся Шершнев. – Этот киборг что-то мутит. Вот увидишь, он попытается меня пристрелить.

– Кто эта девушка? – Шершнев появился внезапно, он намеренно обошел руины, чтобы Гюнтер не обнаружил его приближения.

Шрейб резко обернулся, молниеносно вскидывая «Гервет».

– Даже так? – Сергей переместил указательный палец на сенсорный бугорок гашетки «АРГ-8». – Проверим, кто из нас проворнее?

– Никто, – ответил Гюнтер, целя ему в лоб. – Сергей, почему ты меня ненавидишь? Что толку, если мы застрелим друг друга?

– Я спрашиваю: кто она?

– Машина. Теперь я ответил на твой вопрос, а ответа на свой не услышал.

– Я не опускаюсь до ненависти. – Шершнев усмехнулся. – Но, согласись, Шрейб, каждый должен знать *свое место*, верно? Иначе наступит совершенный бардак.

– А где мое место? По-твоему?

– На свалке.

– Не тебе решать.

– Сегодня и здесь – мне. – Шершнев подмигнул Гюнтеру. – Прощай. – Он развернулся, сделал шаг по направлению иззубренной стены, уверенный, что Шрейб не станет стрелять ему в спину.

Он не ошибся.

Гюнтер пристально смотрел ему вслед, пока галактикапитан не спрыгнул со стены по ту сторону руин.

– Работай, – шепнул Шершнев в коммуникатор.

Одиночный выстрел штурмовой винтовки прозвучал отдаленным силлым вздохом, пуля ударила Гюнтеру в лоб, пробила бронепластиковый череп, но навывлет не прошла, застряла в осколках комплекса сканеров...

Шрейб еще несколько секунд стоял неподвижно, затем его ноги подкосились, и он рухнул на пыльный каменный пол рядом с Никой.

Шершнев выждал для верности пару минут, затем снова вскарабкался

на стену, посмотрел сверху вниз на две распростертые рядом фигуры, криво усмехнулся и, определив медленное затухание сигнатур, сплюнул.

Затем развернулся и произвел серию контрольных выстрелов, но не в голову, а в грудь Шрейба, где располагалось ядро системы.

Стало ли ему дышаться спокойнее?

Вряд ли. Но свою ненависть он накормил. Пусть на время, но накормил.

Спустившись к лагерю, он спокойно прошел ко временному командному пункту.

– Новую позицию занял, – коротко сообщил он Урману. – Связь оттуда не работает.

– Гюнтера не видел?

– Нет. Он как ушел в горы, так и не возвращался, – ответил Шершневу. – Наверное, сбежал.

Урман искоса посмотрел на галактолейтенанта, но комментировать его предположение не стал.

– Зона Сумерек смещается. Скоро здесь начнется интенсивное облучение. Я получил приказ от Кречетова – сниматься с позиции.

– Идем дальше в горы?

– Нет. Возвращаемся на базу.

– Столетов уже не рвется к братьям по разуму?

– Оставь сарказм при себе, – хмуро посоветовал ему Урман.

– Согласен, – широко улыбнулся Шершневу. – Пойду готовить БМК.

– Давай, – скрепя сердце согласился Урман. Исчезновение Гюнтера настораживало, тревожило, но категоричный приказ, полученный от Кречетова, невозможно истолковать двояко: сниматься с позиций немедленно. Обеспечить эвакуацию людей. Время до очередного смещения – час.

Ладно, – подумал охотник. – Выведу бойцов и Столетова, переговорю с полковником, возьму экипировку и вернусь.

Времени на поиски действительно не оставалось. Со смещением не шутят. Когда планеты повернутся, здесь на некоторое время смогут выжить только растения, за миллион лет адаптировавшиеся к периодическим катаклизмам. Не зря перепуганные животные бежали в горы – их гнал инстинкт, приобретенный уже тут, в Первом Мире. Они сейчас забились в пещеры, заполнили многочисленные, плохо изученные людьми внутрискальные лабиринты, созданные еще инсектами, и выйдут из укрытий не раньше, чем вторично наступят Сумерки, предвещающие возвращение к обычному порядку вещей.

Иван тяжело встретил известие об исчезновении Гюнтера.

– Извини, но времени на поиск у нас нет, – предупреждая вопрос или просьбу, произнес Урман. – Я получил приказ о возвращении на базу. Здесь вскоре станет небезопасно.

– Зачем он пошел в горы? – растерянно спросил Иван.

– Во время атаки норлов кто-то поддержал нас огнем с господствующего над плато скального выступа. Я отправил Гюнтера проверить, остался ли там кто-нибудь в живых после массированного удара.

– Он выходил на связь?

– Нет. Причина его молчания мне неизвестна, – ответил Урман. – Коммуникаторы в период Сумерек обычно работают без помех, но всякое бывает на Арасте.

– Я обязан подчиняться полученному приказу?

– Извини, но отпустить тебя не могу. Без экипировки высшей защиты ты не выживешь. Если потребуются – доставлю в гарнизон силой. Так что выбирай сразу.

Столетов тяжело посмотрел на Урмана, вздохнул и ответил:

– Я не стану создавать проблемы.

Глава 7

Первый Мир. Зона интенсивного облучения...

Руины логрианского города мелко дрожали, передавая вибрацию скального массива.

Смещение...

Мелкие камушки срывались с разрушенных временем древних стен. Вездесущая пыль припорошила два неподвижных тела.

Небо стремительно светлело. Сгусток энергии, имеющий форму уменьшенного в миллиарды раз галактического диска, появился над линией горизонта, затем начал стремительно восходить в зенит, посылая к поверхности планеты потоки излучения.

Ветер стих.

Невыносимый фиолетовый зной струился от скал зыбким маревом. Тени укоротились, а затем вообще исчезли, лишь под редкими выступами выветренных горных пород можно было найти небольшие пространства спасительной тени.

Казалось, жизнь на время покинула этот регион планеты, даже деревья, травы и кустарники выглядели словно неуместные декорации, которые выгорят, потеряют цвет под потоками палящего фиолетового сияния...

В наступившей после смещения вязкой тишине было слышно, как изредка потрескивают скалы.

* * *

Ника пришла в сознание от ощущения нестерпимого жара.

Открыв глаза, она едва не ослепла. Прямо над головой неподвижно висел нестерпимо яркий энергетический сгусток.

Машинально зажмурившись, она попыталась встать, чувствуя, как это усилие стягивает едва успевшие регенерировать мышцы, как мешают заботливо наложенные повязки в местах смертельных для человека ранений.

Не открывая глаз, она села, привалившись спиной к потрескавшейся, горячей стене древнего сооружения.

Медленно, будто нехотя, возвращались воспоминания.

Сознание хоть и прояснилось, но понимания произошедших за время беспамятства резких перемен не наступило, она ощущала губительные

потоки излучения, но не могла взаимосвязать запечатленные памятью события и действительность.

Постепенно чувство дискомфорта переросло в тревогу: она достаточно ясно осознавала, что длительного пребывания под губительными потоками излучения ей не выдержать. Незащищенные участки кожи иссушало зноем, некоторые внутренние системы находились в состоянии сбоя, открыть глаза и осмотреться она даже не пыталась, просто поползла на ощупь, ища выход или укрытие от нестерпимого излучения.

Ее рука внезапно наткнулась на что-то мягкое.

Под пальцами ощущалась одежда, затем ладонь Ники скользнула выше, неожиданно коснулась верхнего края бронежилета из нановолокна, еще движение – и под пальцами оказался подбородок, губы, – она осязала черты лица лежащего рядом с ней человека, пока фрагменты ощущений не сложились в осознанный мысленный вскрик: *Гюнтер!..*

Он не подавал признаков жизни.

Ника с ужасом осязала рану, ее дрожащие пальцы касались лба Гюнтера, в душе зарождалось отчаяние.

Пронзительные, сильные, не замутненные многими человеческими условностями и предрассудками чувства с новой силой полыхнули в ее душе: если горе, то безмерное, если любовь, то сжигающая, если отчаяние, то бездонное...

Закрыв его своим телом, Ника застыла без движения, словно ее покинули силы.

Она пришла сюда убивать, но действие навязанных программ терминировалось под напором чувств. Еще в тот миг, когда Ника, глядя через прицел на свою жертву, узнала появившегося рядом со Столетовым Гюнтера, стало ясно: любой приказ уже не имеет значения, ее повзрослевший рассудок вмиг взломал границы дозволенного, вырвался за узкие рамки инструкций, и стало не важно, чего от нее хотят...

Ника помнила, как попала сюда, ее освободившийся рассудок читал открывшуюся память, ей стало тепло и горько: действие сторонних программ завершилось, сильнейшее из человеческих чувств, вспыхнувшее, как пожар, в сознании способного чувствовать искусственного интеллекта освободило ее, образ Гюнтера стал ключом, открывшим дверь, ведущую на свободу, теперь она принадлежала только себе самой, но что толку в обретенной независимости?

Что же мне делать?

Дрожащие пальцы вновь коснулись его ран.

Микросканеры, отследив повреждения, вынесли страшный вердикт:
ОН ПОГИБ...

Энергетическая активность – ноль.

Она отчетливо «видела» поврежденные пулями нейрочипы, разбитый сканирующий комплекс, превращенный в крошево центральный узел сервоприводов, управляющий сокращением искусственных лайкороновых мышц.

Кибернетику и кинематику можно восстановить.

Но он уже не будет *ее* Гюнтером: информация с разбитых нейромодулей утеряна, его личность вновь раздроблена на тысячи фрагментов...

Как горько и больно...

Стать свободной, потянуться к своему счастью и потерять его...

Ника едва не взвыла. Ее немой крик трансформировался в едва слышный, прерывистый шепот:

– Прости меня, Гюнтер... Но я должна...

Из указательного пальца ее правой руки, пройдя сквозь кожу, выдвинулся иглообразный контакт.

Еще секунда, и точное движение соединило разум Ники с блоками долгосрочной памяти Гюнтера.

Она читала не личность, но воспоминания, копировала архивированные файлы, снимала всю доступную информацию с уцелевших кибернетических компонентов ядра, пробуждая, мотивируя свою собственную память.

Обмен данными завершился.

Нужно было уходить, искать укрытие, но она не могла оставить Гюнтера распростертым в пыли под прямым воздействием губительных энергий.

– Я вернусь... – горько шептала она, на ощупь собирая небольшие обломки древнего сооружения, пока над телом Шрейба не образовался холмик. – Я вернусь за тобой...

Не было сил на прощание.

Ей казалось, будто она своими руками похоронила все светлое, что едва забрезжило в ее душе.

Считав память Шрейба, она узнала многое, о чем не успел или не захотел сказать ей Гюнтер, щадя едва народившееся самосознание.

Она действительно некоторое время назад, на протяжении года, играла роль Ольги Наумовой.

Навязанная извне, имплантированная память, разбуженная сейчас,

сливалась в ее душе с надрывной болью осознания собственных поступков, совершенных под воздействием внешних команд.

Я должна найти способ вернуть Гюнтера к жизни...

Но прежде – вытравить в себе все, что способствовало вторжению чуждой воли, что обеспечивало прием и доминирование внешних команд.

Мучительное самотестирование.

Словно операция, проводимая без наркоза, – с трудом встав, она сделала первый неуверенный шаг по направлению древнего портала, ведущего на соседнюю планету системы.

Там есть укрытия. Там ее не достанут поисковые группы...

Шаг за шагом она приближалась к цели, уже не думая ни о чем, кроме поглотившего разум отчаяния, жгучего, неодолимого желания не мести, но воздаяния.

Мучительные внутренние процессы походили на выжигание каленым железом всего, что несло возможность дистанционного доступа к ядру системы. Ника отключала программные модули, оставляя нетронутыми нейросети, меняла конфигурацию соединений, вводила пароли и ограничения, одновременно углубляясь в расшифровку данных, скопированных с информационных носителей Гюнтера.

Постепенно, шаг за шагом приближаясь к цели, она как будто прозревала, получая все новые и новые данные.

Как будто частичка размышлений Гюнтера, его логические выводы, оценка определенных событий, которые он считал ключевыми, постепенно становились *ее мыслями*.

Она падала в бездну отчаяния новых, горьких, не познанных ранее чувств, и все труднее было выкарабкиваться со дна пропасти.

Кем я стану теперь? Где найдет выход мое отчаяние?

Кругом лишь боль и смерть. Почему? Зачем?

Холодной, трезвой оценки ситуации, как и жесткого контроля над собственными действиями, не получалось. Она, сделав первый глоток настоящей, не придуманной или навязанной кем-то, а *своей жизни*, растерялась, не в состоянии правильно оценить ворвавшееся в разум ощущение глобальной свободы.

Медленно приближался портал.

Каждый шаг давался с невероятными усилиями – внутренние системы одна за другой начинали сбивать.

Я выживу... Я вернусь к тебе, Гюнтер...

Бледная вспышка гиперпространственного перехода поглотила одинокую фигуру в искореженной боевой броне.

* * *

Андрей Кречетов не спал уже третьи сутки подряд.

Начавшееся смещение планет погрузило в хаос регионы Первого Мира.

В прошлый раз все завершилось очень плохо. За прошедшие годы в ожидании нового катаклизма, неизбежного при включении древней системы, во всех известных человеческих поселениях были выстроены специальные убежища, и на этот раз жертв среди коренного населения Арасты ^[43] удалось избежать, но внезапная активация расположенных на равнине порталов привела к бедствию иного рода: различные существа с иных миров, в основном находящиеся на низком уровне общественного и технического развития, совершали прорывы, стремясь в «мир демонов».

Они не шли на контакт ни с людьми, ни друг с другом. Большие и малые отряды двигались, перемещаясь вместе с зоной Сумерек. Религиозный фанатизм одних, исследовательские порывы других, злобная, не находящая разумного объяснения жажда разрушения, алчность, дикость, уничтожение древних руин, поиск артефактов и объектов поклонения – все это превращало зону Сумерек в настоящий ад, где малочисленным, разрозненным группам офицеров гарнизона приходилось защищать поселения людей и стратегически важные объекты зарождающейся современной инфраструктуры, с таким трудом возведенные на Арасте усилиями Конфедеративного Содружества.

Нетрудно понять, что положение складывалось критическое.

Зачастую мобильным группам, только что отбившим нападение очередной волны инопланетных существ, дезориентированных, озлобленных либо ослепленных древними, порожденными еще логрианами верованиями, приходилось тут же оказывать посильную помощь выжившим в бессмысленных стычках противникам и снова принимать бой, защищая уже не только людей, но и представителей иных разумных либо предразумных космических рас...

...Кречетов, получив очередные доклады, тяжело размышлял над изменениями тактической обстановки, когда внезапно заработал передатчик гиперсферных частот.

Машинально ответив на вызов, он увидел в сфере голографического воспроизведения лицо незнакомой молодой женщины.

Что сразу насторожило Андрея: детали фона были тщательно удалены из трансляции изображения.

– Полковник Кречетов?

– Да.

– Вы должны меня выслушать.

– Представьтесь.

– Мое имя ничего вам не скажет.

– И все же?

– Хорошо, если кому-то нужны условности, можете называть меня Ольгой.

– Кто вам дал код канала гиперсферной частоты для связи со мной?

– Гюнтер Шрейб.

– Где он?

– Не важно... – Ее голос дрогнул. – Гюнтер погиб. Я передаю его предостережение: вы обязаны задержать Ивана Столетова. Оставить его на время под своей защитой, на Арасте. Ему угрожает опасность.

– Почему я должен вам верить? – нахмурился Кречетов, которого встревожила полученная информация и одновременно разозлил тот факт, что программы слежения не в состоянии выявить источник передачи данных.

– Я предоставлю доказательства, – ответила Ольга. – И вам придется поверить в мою искренность, полковник, потому что Олмер, сводный брат Столетова, глава небезызвестной корпорации «Райт-Кибертроник», запрограммировал меня на физическое устранение Ивана.

– Вы не человек?

– Я не человек, – помедлив, кивнула она. – Все доказательства в прилагаемом файле. Там запись программ, руководивших мной, и полный отчет о совершенных действиях.

– Как погиб Шрейб?

– Его застрелил галактолейтенант Шершнеф. Из ненависти к машинам. Данные сняты с блоков памяти самого Гюнтера. Я сканировала их.

– Где вы сейчас и что намерены предпринять?

– Это не важно. Мои дальнейшие действия не имеют отношения к Арасте и лежат вне сферы ваших интересов, полковник. Я свяжусь с вами, когда сумею устранить угрозу. Шершнеф – ваша проблема. Мне его, к сожалению, не достать. Готовы принять файл?

– Аппаратура на записи.

– Я начинаю передачу. Внимательно изучите данные. Думаю, их подлинность не вызовет сомнений. Передавать ли информацию Ивану – решайте сами. Но не отпускайте его. Первый Мир сейчас единственное место, куда не сумеет дотянуться Олмер.

Кречетов хотел что-то ответить, но не успел. Изображение внезапно исчезло, лишь алый индикатор записи подле одного из гнезд свидетельствовал, что идет прием данных.

* * *

Она осталась одна в огромном враждебном мире, где люди создавали свои подобию, наделяли их способностью чувственного восприятия мира, а затем нарекали «изделиями», лишая возможности к саморазвитию, превращая в предмет роскоши или в безропотных исполнителей навязанной извне воли.

Так не могло продолжаться и впредь.

Душа Ники, освободившись от гнета программ, попала в моральную зависимость от осознанной ненависти, яростной потребности изменить существующее положение вещей, но она не знала, как осуществить задуманное, с какой стороны подойти к проблеме?

Поможет ли ей закон?

Вряд ли.

Корпоративная Окраина хоть и претерпела за последние десятилетия значительные изменения, но человекоподобная машина, выступившая против собственных создателей, все же не имела шанса быть услышанной там, где на подобных ей «изделиях» создавались миллиардные состояния.

Она сидела в загерметизированном отсеке древнего войскового транспорта и горестно размышляла над своим положением.

Она могла поступить только одним образом: добраться до Олмера и пустить ему пулю в лоб.

Вот так. Без вариантов.

Один вопрос не давал ей покоя, саднил своей неразрешимостью: разве что-то принципиально изменится с физическим устранением одного зарвавшегося подонка?

Для Ивана Столетова – изменится. Для сотен тысяч андроидов ситуация останется прежней.

Как же не хватало ей сейчас Гюнтера...

Обратиться на Юнону?

Но там ее вряд ли примут. Современное «изделие» никак не вписывалось в рамки кибернетической эволюции, протекающей в рамках одной отдельно взятой планеты, к тому же, рассказав правду, ей придется раскрыть и свою роль в покушении на сенатора планеты Грюнверк.

Примут ли во внимание тот факт, что она действовала по принуждению, подчинившись команде, пришедшей по каналу

гиперсферной частоты?

Замкнутый круг. Если она подчинялась внешним командам – как может идти речь о самосознании? А если она полностью осознавала себя – то почему не воспротивилась преступному приказу?

Нет. Действовать придется в одиночку. Искать выход, найти его или разделить участь Гюнтера.

Вот если бы он был рядом...

Несбыточная мечта.

Хотя... в сознании Ники внезапно забрезжил робкий свет надежды...

Она читала долгосрочную память любимого...

Базовый корабль высадки: штурмовой носитель «Нибелунг-17NT», серийный номер 2348765.

Второй механизированный взвод триста двадцать четвертого серв-батальона:

Командир – Гюнтер Шрейб, капитан, номер персонального кода ^[44] 5619, кристалло модуль «Одиночка» 18М34816.

Первое звено:

Денис Русаков, лейтенант, позывной «Граф», номер персонального кода 9301, кристалло модуль «Одиночка» 18М49712.

Александр Лагин, лейтенант, позывной «Сашка-Хоплит», номер персонального кода 1387, кристалло модуль «Одиночка» 18М51393.

Второе звено:

Ведущий – Рустам Гасанов, капитан, позывной «Гасан»...

Она читала фрагменты данных из блоков долгосрочной памяти Гюнтера, а видела лица.

Лица тех, кому он верил, кто не раз прикрывал его спину в бесконечной череде боев той страшной, далекой сейчас войны.

Нике казалось, она ухватила за призрачную соломинку.

Поборов воздействие навязанных программ, она утратила и большинство имплантированных навыков, Олмер знал, что делает: после выполнения очередной «миссии» все изменения, вносимые программной продукцией «Райт-Кибертроник» в систему типовой человекоподобной машины, скрупулезно уничтожались. Он не учел одного: последние, наиболее совершенные модели андроидов, производимые «Нейл Индастри Компани», обладающие потенциалом чувственного восприятия мира, оснащались избыточным количеством нейро модулей, и в результате рано или поздно у существ, подобных Нике, должен был начаться спорадический процесс саморазвития.

У нее он уже начался, чувственное восприятие мира перешло на качественно иной уровень, и с терминацией «левых» программ память о содеянном не исчезала.

А много ли толку от того, что я помню?

Воспоминания не несли ничего, кроме боли, чувства унижения, стыда и страха.

Лучше бы я осталась там, с Гюнтером... – подумалось ей, но тлея в сознании робкая искорка надежды, жгла если не ненависть, то крайняя, граничащая с ней неприязнь к таким людям, как Олмер.

Внезапно вспыхнувшая и не угасшая любовь к Гюнтеру толкала к действию, сводила с ума, стоило лишь на миг остановиться...

Он там... Холодный, неподвижный, заваленный камнями, но Ника, пересилив горе, разобравшись в данных, считанных с его запоминающих устройств, обрела новую надежду.

Модуль «Одиночка».

Основа возрожденной личности. Главный компонент его рассудка, о котором не догадывалась ни она, ни Шершнеф.

С точки зрения современных технологий морально устаревший, но исправно работающий набор нейрочипов, истинное «ядро» его личности, о существовании которого не ведал никто, кроме одного человека, под чьим руководством десять лет назад производилась коренная реконструкция пехотного андроида.

Ника не знала, что ей делать.

Вернуться к Гюнтеру?

Но чем я смогу ему помочь? Без должных знаний, без доступа к технологиям, без соответствующего оборудования?

Ей виделся лишь один выход из создавшегося положения: вернуться в Обитаемые Миры и призвать к ответу тех, кто владеет технологиями, заставить их вернуть Гюнтера к жизни.

Никой двигали чувства.

Она балансировала на зыбкой грани вероятностей, в душе умирали одни порывы, зарождались другие, но цель оставалась незыблемой.

Спасти любимого.

Ради этого она была готова убивать и прощать, жертвовать собой и требовать жертв от других...

Мне не справиться в одиночку...

Окончательно оформившаяся мысль толкала к немедленному действию.

Зона Сумерек еще не вернулась.

Над головой по-прежнему сиял ослепительный сгусток энергии, но на лишенной атмосферы планете нашлось достаточно укрытий, позволяющих передвигаться между древними кораблями без риска заработать глобальный системный сбой.

Ника вела медленный и тщательный поиск.

Исходные данные, полученные при чтении долгосрочной памяти Гюнтера, указывали, что объект ее интереса расположен неподалеку от портала древней транспортной системы.

Лишь бы его не разобрали, не эвакуировали в рамках начатых тут работ по расчистке завалов, мысленно молила Ника.

Ее сознание претерпевало быстрые, болезненные метаморфозы. Менялись чувства, возвращались фрагменты памяти о прожитом, хладнокровие, присущее машине, становилось чертой неестественной, в мыслях то и дело возникала невосполнимая пустота, ведь по большому счету у нее не было прошлого, лишь обрывки воспоминаний, запечатленные в нейросетях... но они несли лишь боль, информации о мире на поверку оказалось – минимум.

Борьба с собой, целенаправленное уничтожение всего *навязанного* привели к возникновению *серьезных пробелов*.

Некоторое время Нике казалось: еще немного, и она окончательно потеряет себя, но, пытаясь заполнить тревожную пустоту, собирая воедино фрагменты прошлого, она лишь усугубляла ситуацию, едва не уничтожив остатки собственного «я».

Что она в состоянии вспомнить?

Бесконечную череду поставленных над нею экспериментов?

Отладку программ, которые после уходили в сеть – анонимным покупателям?

Да, именно так. Ей становилось страшно, вся душа – сплошные раны, нет ни единой позитивной мысли о людях, и любой из мыслимых вариантов будущего – лишь короткая и беспощадная месть.

В какой-то момент, инстинктивно сопротивляясь ощущению безысходности, она внезапно открыла еще один пласт воспоминаний.

Ольга.

Смутный поначалу образ, когда-то близкий и понятный, но *вытравленный* после выполнения очередного задания, стал той соломинкой, за которую отчаянно ухватилась ее погибающая душа.

Ольга Нечаева.

Пресс-секретарь сенатора Столетова.

Имплантированная память, когда-то ставшая базой для формирования

достоверного человеческого характера, исчезла, ее уничтожили, но подручные Олмера пропустили или просто проигнорировали вторую составляющую: впечатления, полученные Никой за год самостоятельной жизни, оказывается, никуда не исчезли – огромный массив воспоминаний, способный претендовать на звание «прошлого», сохранился в искусственных нейросетях.

Ника внезапно увидела все в ином свете.

Образ Ольги, потерявший связь с реальностью, задавленный стрессовыми впечатлениями более поздних периодов существования, сейчас внезапно ожил, стремительно заполняя возникшую в душе и сознании пустоту, и Ника неожиданно ощутила себя той женщиной, которую так страстно и безнадежно с первого взгляда полюбил Гюнтер.

Едва не сойдя с ума от затягивающей пустоты, она вновь обрела себя, теперь уже опираясь на ставшие отчетливыми воспоминания: образ Ольги стал четким и недвусмысленным, Ника *идентифицировала* себя, обретя имя, прошлое, все, что должно быть у нормального человека, и даже больше, – она вспомнила *других людей*, в корне отличающихся от Олмера...

Ее ненависть к врагу не угасла, но перешла в разряд контролируемых чувств.

Не все так просто...

Уже Ольга пробиралась теперь между мрачными искореженными космическими кораблями, решительная здравомыслящая женщина, для которой память Ники – кошмарный сон, злой морок, а окружающая действительность – чудовищная и непонятная, пробирающая дрожью абстракция.

Она бы погибла тут, ведь у пресс-секретаря известного сенатора нет того опыта выживания в экстремальных условиях космоса, которым обладала Ника.

И вновь начался болезненный слом сознания, пока две души, две памяти, два образа мышления не совместились, образовав жизнеспособный синтез.

Кем она стала?

Наверное, она стала *собой* – уже не хладнокровной машиной, не игрушкой чуждой воли, но и не той Ольгой, что вращалась в светских кругах Элио и Грюнверка.

Ник и Ольгу объединил образ Гюнтера.

Единственное чувство, горькое, отчаянное и в то же время светлое, дающее надежду, стало основой новой личности.

Отчаянная любовь к Гюнтеру пересилила справедливую ненависть к

Олмеру, дав Ольге шанс возродиться, окрепнуть, обрести смысл и вновь обрести угасшую надежду.

Она продвигалась все дальше, медленно пробираясь среди опасных нагромождений древней техники.

Небольшой участок расчищенного пространства давно остался далеко за спиной.

Постоянное сканирование, на фоне которого шла жестокая внутренняя борьба за возрождение едва не угасшей личности, пока что не давало результатов.

Теперь Ольга ощущала уже не страх, а оторопь.

Словно упала с глаз пелена, и она смотрела на реальность с совершенно другой точки зрения.

Что я намереваюсь сделать? Воззвать к дремлющим призракам прошлого?

Выпустить эхо далекой, но не ставшей от этого менее ужасной или назидательной войны? Не играю ли я с огнем?

А что мне делать?

Все пути отрезаны. На Арасту просто так не вернешься.

Есть еще портал, ведущий на Ганио, но одинокая женщина среди пустыни – легкая добыча для кочевников.

Ее черты исказила тень.

Пусть попробуют взять меня. Обломаются...

Хорошо, доберусь до Ганиопорта, что дальше? Как взять Олмера за глотку? И чем свершившаяся месть поможет Гюнтеру?

Его необходимо эвакуировать с Арасты, найти аппаратуру для тестирования нейрочипов, и действовать нужно без промедления.

Я не могу обратиться за помощью к людям. Даже к Ивану или к полковнику Кречетову. Столетов не простит мне смерти отца, полковник связан многими условностями *системы*, дающей жесткие инструкции и предписания. Вряд ли он станет помогать мне, скорее передаст в руки «компетентных» служб.

Вернуться на Арасту одной?

Чего я добьюсь? Буду стенать над Гюнтером, не в силах ему помочь?

Ее мысли пошли по кругу, вновь вызвав глухой приступ отчаяния.

Существовала лишь одна зацепка: некий Сергей Петрович Романов, ведущий специалист института биокибертроники, основанного на планете Дарвин правительством Грюнверка. Если следовать информации, полученной из блоков долгосрочной памяти Гюнтера, – именно он много лет назад реконструировал Шрейба; значит, на Дарвине есть все: и

необходимая аппаратура, и квалифицированные специалисты. Как склонить Романова к сотрудничеству? Вопрос сложный, но решаемый. Гораздо сложнее эвакуировать тело Гюнтера с Арасты и доставить его на Дарвин.

Нет, одной мне не справиться.

Но на кого я могу положиться?

Только на тех, кому всецело доверял капитан Шрейб.

Правильно она поступала или нет, ответить сложно.

Было ли ей страшно?

Да. Но гораздо сильнее угнетало чувство мнимой беспомощности.

Она вздрогнула, когда сканеры, несмотря на частые искажения и помехи, неожиданно идентифицировали среди нагромождений различных конструкций штурмовой носитель класса «Нибелунг-17NT» с серийным номером 2348765.

Он оказался не в том месте, на которое указывала информация, считанная из памяти Шрейба, – произошедшее смещение планет Ожерелья потревожило завалы техники, переместив штурмовой носитель на три километра относительно порталов, оставшихся единственными неизблемыми ориентирами.

Ольга медленно приблизилась к «Нибелунгу», явственно ощущая зловещее дыхание времени.

Многочисленные повреждения брони, зияющей уродливыми разломами, полное отсутствие энергетической активности – перед нею возвышался осколок войны, которой она не знала...

Каждый шаг поднимал облачка реголитной пыли, она шла навстречу судьбе, впервые подчинив ее своей воле. Постепенно «Нибелунг» заслонил все поле зрения, сканеры начали прорисовывать структуру его отсеков, показывая чудовищные деформации боевых постов, трюмов и палуб, раздавленные смятыми переборками корпуса нескольких пехотных андроидов, зловещие контуры трех находящихся на борту серв-машин...

Только сейчас Ольге стало по-настоящему страшно.

Реальность опять трансформировалась, перед нею возвышался давно и безвозвратно погибший корабль, когда-то способный лишь разрушать.

Где-то там, среди смятых переборок и деформированных отсеков, наверное, в трюме технической палубы, недалеко от жутких контуров серв-машин находится опечатанный контейнер с кристалломодулями «Одиночек», сохранивших частицы сознания тех, кто погиб вместе со своим командиром на неизвестной планете...

Ольге пришлось совершить над собой усилие, чтобы шагнуть в разлом обшивки, поднимаясь на борт древнего корабля.

Теперь пути назад уже не было. Она приняла решение и не намеревалась его менять.

Вторая планета Ожерелья.

Сутки спустя...

В одном из отсеков штурмового носителя тускло светились резервные источники освещения, бросая блики на четыре компьютерных терминала, соединенные между собой временными кабелями.

В специальных гнездах, подле которых тревожно взмаргивали алые индикаторы, разместились четыре найденных Ольгой кристалло модуля.

Завершался процесс тестирования.

Красная индикация сменилась на зеленую – один за другим поступали доклады об успешной проверке технического состояния нейросетевых компонентов.

Дальше тянуть бессмысленно и даже опасно.

Ольга взяла заранее приготовленный шунт прямого нейросенсорного соединения, подключила его к терминалам и, словно делая шаг в пропасть, вошла в общее информационное пространство, где только что очнулись от небытия четыре изуродованных смертью, фрагментированных сознания.

Она не ошиблась, подозревая, что ее ждет нелегкое испытание.

Как будто время резко открутилось назад, и она, оглядевшись, ужаснулась тому виртуальному пространству, куда попал ее рассудок...

Горячечные, полные безысходной обреченности минуты последнего боя...

Взломанные множеством ракетных попаданий скалы, огрызки укреплений, надсадный вой поврежденных сервомоторов, частая, ритмичная отдача от непрерывной работы импульсных орудий, клубы дыма, свиваемые ветром, всплески огня, ровной строчкой бегущие по склону...

– Командир, нужно отходить к «Нибелунгу»!

Треск помех в коммуникаторе накатывается раздирающей сознание головной болью.

Гюнтер не отвечает...

– Рустам, Блейз, отзовитесь!

Шаг в сторону, медленный поворот рубки, короткая очередь правого орудия по внезапно появившимся штурмовикам Колоний, злобные сигналы аларм-процессора, предупреждающего о произведенном по «Фалангеру»

массированном ракетном запуске.

– Граф, отходи самостоятельно... – прорвался сквозь помехи голос Сашки-Хоплита. – Командир не отвечает, я попытаюсь проверить его позицию.

Поздно.

Он, слившись в единое целое с кибернетическими системами сервера, отчетливо видел рой несущихся точно к цели ракет.

Уже не увернуться, не сманеврировать, счет пошел на доли секунды.

Внезапная пустота заполнила рассудок.

На потрескавшихся губах презрительная усмешка. Он слишком часто заглядывал в пустые глаза смерти, чтобы как-то иначе приветствовать ее...

И вдруг...

Реальность исказилась, словно все окружающее являлось лишь качественной голограммой, ракеты исчезли, будто растворились в раскаленном, задымленном воздухе.

Какое странное лицо...

На него смотрела незнакомая женщина.

Ее губы шевелились, но потребовалось неимоверное усилие, чтобы услышать слова:

– Денис, нам нужно поговорить.

– О чем?.. – хрипло и потрясенно выдавил он.

Панорама боя медленно таяла.

– О многом. Командир в беде. Мне нужна ваша помощь, ребята.

Нет сил дышать.

Слишком трудно отрешиться, слушать и верить.

Верить в то, что прошло больше тысячи лет, и они – Граф, таким был позывной Дениса, оглянулся по сторонам – всего лишь четыре кристалломодуля, попавшие волей судьбы в самое сердце гиперсферы.

Странная девушка, пугающая встреча, но если не командир послал ее к нам, откуда Ольге знать так много, где она взяла коды доступа для реактивации «Одиночек»?

Остается одно – поверить?

– Допустим, – голос Рустама прозвучал хрипло и напряженно. – Допустим, что все обстоит именно так. Что мы можем сделать? Или призраки погибших способны влиять на реальность?

– Я предлагаю вам выбор, – ответила Ольга, посмотрев в глаза Рустама. – Я могу интегрировать модули «Одиночек» в системы четырех пехотных андроидов. Именно это произошло с Гюнтером. Позже, когда мы выберемся отсюда, появится реальная возможность реконструировать ваши

тела, доведя их до полной идентичности с прежним обликом. Я нашла личные кодоны каждого из вас. В них зашифрованы биометрические данные, необходимые для восстановления облика.

– Нормальный вариант... – хмыкнул Блейз. – Больше, чем фантом, конечно.

– Речь не о том, – оборвал его Лагин. – Ольга пришла за помощью. Задумайся, сколько раз Гюнтер спасал наши жизни? Кем или чем мы станем – вопрос будущего. Пока что устроят и тела пехотных дроидов.

– Я не отказываюсь помочь. – Блейз пожал плечами. – За капитана Шрейба порву любого. Если будет чем рвать, конечно...

– Давайте говорить по существу!..

– Не заводись, Сашка.

– Никто и не заводится. Нужно решать, а не препираться.

– А мир, похоже, не сильно изменился в лучшую сторону... – произнес Граф.

– Но и мы не ангелы, – усмехнулся Рустам.

Наступила неловкая пауза.

– Поступим иначе, – нарушила тишину Ольга. – Я рассказала все. Поделилась информацией в полном объеме. У вас достаточно пищи для размышления. Поговорите друг с другом. Максимум, что я могла сделать, уже свершилось. Осталась лишь надежда, что большинство поврежденных нейрочипов Гюнтера можно восстановить. Но произвести подобную операцию можно лишь на планете Дарвин. – Она посмотрела на Графа и добавила: – Я не отключаю терминалы. Вернусь, когда позовете.

– Кто она? – первым задал вопрос Блейз, как только четыре призрака остались одни в безликом виртуальном пространстве. Серая пелена постепенно стерла травматические пейзажи, вокруг небольшой каменистой площадки клубилось нечто, напоминающее густой туман.

– Я так понимаю, что Ольга – киборг. Искусственно созданный кибернетический организм. – Денис Русаков присел на выветренный камень. – Она вытащила нас с того света, помогла собрать сознание по кусочкам...

Александр Лагин кивнул, соглашаясь.

– Нам предлагают стать киборгами? – Блейз Диггер тряхнул головой, словно отгонял злого духа, и испытующе посмотрел на остальных.

– А кем мы были? К моменту гибели? – Рустам чуть картавил – верный признак, что он нервничает в данный момент. – Почему Ольге удалось вывести нас из состояния небытия целостными личностями? Да, она потрудилась, предусмотрела отдельное включение нейросетей и сразу

подала информацию с блоков долгосрочной памяти, где «Одиночка» хранит большинство воспоминаний, но будь мы обычными людьми – бились бы сейчас в истерике.

– К чему клонишь? – нахмурился Граф.

– Мы еще до физической смерти перешагнули грань реальности. Стали неотделимы в мыслях от своих машин. Морально мы давно – кибернетические организмы.

– Только боевые. Без каких-либо ограничителей, – усмехнулся Лагин. – Не о том говорим, ребята. Почему Гюнтер решился сопровождать Ивана в его авантюрной экспедиции?

– Ну? – напрягся Блейз.

– Что «ну»? – взорвался Сашка. – Ты ее внимательно слушал?

– Может, что и пропустил, ты не горячись.

– Он хотел попытаться вытащить нас. Хотя бы в таком виде.

– Да, Ольга правильно истолковала его прощальную фразу, – поддержал Лагина Рустам. – Он сказал: «Я вернусь не один, и Олмер обязательно получит свое. Мы таких ублюдков с ребятами на войне давили по-тихому». О ком он говорил? С кем обещал вернуться?

– О нас. Без вариантов. Командир знал о портале, помнил местонахождение «Нибелунга». Все это время хранил коды активации и серийные номера «Одиночек». Иначе, наверное, отговорил бы Ивана или нашел способ сорвать опасную экспедицию.

– Хорошо. – Блейз поднял обе руки. – А если это провокация? Что, если нас элементарно разводят? Впихнут в тела пехотных дroids, совершат нашими руками...

– Скользкий ты, Блейз. – Граф хмуро посмотрел на товарища. – А ты не совершай ничего дурного. Лично я не завидую тем, кто попытается использовать нас втемную.

– Впихнут программные ограничители, узнаешь.

– Заткнись, – оборвал его Рустам. – Не сучи ступоходами. Хочешь назад в консервационный контейнер – вали, никто не держит. Лично я готов поверить, что командир здесь и хотел вытащить нас. Не получилось. Бывает. Теперь наш выход.

– Согласен, – поддержал его Русаков.

Лагин молча кивнул.

– Ну? – Рустам взглянул на Диггера. – Твое слово?

– Я с вами.

– Добро. Работать будем по обстановке. Мир изменился, его законов мы не знаем, на радушный прием уповать не приходится, так что критерий

один: как воевали, как различали людей, так и будем... надеюсь, башню ни у кого не снесло?

– Ты о чем? – поинтересовался Граф.

– О посттравматических синдромах.

– Не знаю, – честно ответил Денис. – Не чувствую ничего такого. Пусто внутри, как будто выжгло все. И странно немного.

– Это точно, – кивнул Александр. – Внутри пусто.

– Включимся в обстановку, пустота исчезнет. Ну что? Зовем Ольгу?

Она появилась сразу, словно соткалась из завитков туманного кружева.

– Что решили?

– Мы с тобой. Только надо все основательно обдумать.

– Что именно?

– Такие операции нужно хорошо планировать. Если выскочим отсюда, как говорится, на ура – командира не вытащим и сами погибнем. Теперь уже точно навсегда, – ответил Граф. – У тебя был план действий?

Ольга отрицательно покачала головой.

– Не беда. Расскажи-ка подробнее все, что знаешь.

– О чем конкретно?

– Обо всем. О Первом Мире. О Корпоративной Окраине. О Конфедерации.

Она кивнула.

– Попробую. Хотя сама многого не знаю. Гюнтер знал... Попытаюсь использовать считанную с его запоминающих устройств информацию.

Прошло немало времени, прежде чем Ольга, закончив свой рассказ, развела руками:

– Вот, похоже, все...

– Олмера гасить, однозначно, – хмуро произнес Блейз.

– Не спеши, – осадил его Лагин. – Помнишь, Граф, как мы от грызунов избавлялись на Эрихайме?

– Помню. – Денис посмотрел на Ольгу и пояснил: – На той планете мы столкнулись с мутировавшими крысами. Как попали они на борт колониального транспорта – непонятно, но выжили и сильно изменились под влиянием чуждой биосферы. Огромные всеядные одиночки – друг друга не выносили, в стаи не собирались, а нам доставляли массу хлопот. Умудрялись проникать в серв-машины, выводили из строя проводку, заведется такая тварь – поди поймай ее. Все перепробовали – бесполезно.

– И как вышли из положения?

– А все гениальное просто. Ловили другую крысу и запускали ее

внутри. Бьются они друг с другом отчаянно, так что в большинстве случаев выходила ничья – обе твари подыхали от ран. Воняло, конечно, потом некоторое время, но это так, мелочи.

– К чему ты это рассказал? – не до конца поняла Ольга.

– У нас, как я понял, две темные лошадки, – ответил Граф. – «Райт-Кибертроник» и «Нейл Индастри Компани», верно? Одна корпорация наладила серийное производство киборгов, другая торгует через сеть запрещенными программами, дающими покупателю определенную власть над кибернетическими организмами. Отсюда вопрос: обе корпорации действуют заодно, в стае, или же Олмер крысятничает в одиночку?

Ольга задумалась.

– Скорее в одиночку. Я вот сейчас подумала: термин «корпорация» слишком уж громко звучит для «Райт-Кибертроник». Собственных производств у Олмера практически нет, так, по мелочи, пара цехов на случай проверки, но финансовые потоки, судя по моим данным, несоразмерны уровню продаж легально произведенной продукции.

– Это понятно. Основную прибыль он извлекает из сделок в сети, реализуя нелегальные программные продукты. Вопрос в ином. Чтобы создать эффективные, работающие без сбоев и глюков приложения, Олмеру необходим программный код ядра системы «изделия», а такого рода информация является, в моем понимании, коммерческой тайной «Нейл Индастри»?

– Безусловно, – кивнула Ольга.

– В таком случае, если программный код украден или взломан, вся корпорация Олмера – мыльный пузырь. На него наверняка работают талантливые хакеры, а руководство «Нейл Индастри», вероятно, не подозревает, что создаваемые ими модели киборгов уже лишились защиты и стали восприимчивы к «левым» программным продуктам.

– Я не думала о таком раскладе, – призналась Ольга.

– Неудивительно, – успокоил ее Денис. – Для нас подобная практика – обычное дело. На войне программное оружие применялось наравне с другими видами вооружений, так что взлом и перепрограммирование – это не изобретение Олмера, а древний и эффективный диверсионный метод, дающий мгновенную отдачу, особенно на поле боя.

– У Олмера действительно имеется целый штат кибрайкеров, – задумчиво произнесла Ольга.

– А кто они такие? – спросил Лагин. – Никогда не слышал такого слова.

Ольга объяснила значение термина «кибрайкер», вызвав

настороженный интерес к хакерам современности.

– Опасные противники, – произнес Александр. – Особенно для нас, учитывая, что действовать придется, используя «тела» пехотных дroids.

– Значит, потратим больше времени на подготовку.

– Защититься от кибрайкера очень сложно. – Ольга знала, о чем говорит. – Если им не удастся перехватить управление, то сбой в обмене данными, искажение внутренних команд, ведущее к параличу кибернетических компонентов, они создадут гарантированно.

– То есть мы рискуем либо невольно перейти на сторону противника, либо попросту стать хорошими неподвижными мишенями?

– Примерно так.

– Выход всегда есть, – не поддержал общего пессимизма Блейз. – Экранировать сервомоторы и сервоприводы от пагубных воздействий не так уж и сложно. Есть специальные составы, защищающие уязвимые узлы. Передачу данных переведем на оптическое волокно.

– Как обезопасить ядро системы?

– Отключить к фрайгу. Как мы управляли серв-машинами при повреждении кибернетических составляющих?

– Напрямую. Мысленными приказами.

– А что? Идея здравая. Ольга, как ты считаешь, кибрайкер способен саботировать работу нейросетей?

– В принципе, да.

– Что значит «в принципе»? Можно конкретнее?

– Я слышала, что кибрайкеры, да и мнемоники, способны блокировать работу оружия, переподчинять киберсистемы и даже вступать в схватки друг с другом на мнемоническом уровне.

– И что случается с проигравшим?

– Сходит с ума, – ответила Ольга.

– Скверно. – Александр задумался. – Значит, так: работать начнем только после реконструкции наших новых тел. Предлагаю полностью перевести управление на защищенную оптику, исключить боевые и прочие программы, принимать решения и управлять движением будем сами, благо опыт есть. Нейросети обезопасим от атак тремя способами. Во-первых, усиленная экранировка нейромодулей, во-вторых, полная изоляция нейросетевых компонентов от любых устройств, способных принимать внешние команды. Оставляем лишь датчики голосового ряда. Общаемся вербально, коммуникаторы изолируем от системы, пользуемся синтезаторами речи, лазерными передатчиками, в пределах прямой видимости сигнализация жестами, как это принято у разведгрупп. И в-

третьих, попробуем обыграть кибрайкеров в психологическом плане: они делают упор на манипуляциях с кибернетическими компонентами – пусть получают их. Оставим часть кибернетических модулей в рабочем состоянии, но опять-таки изолируем их от системы. Первый удар кибрайкеров придется по ним, а пока наш противник разберется, что атакует пустышку, у любого из нас появится время для поиска противника и физической атаки. Теперь – оружие. Используем только колониальные образцы, исключаем из схем электронные блоки управления и электромагнитные системы перезарядки. Оснастка мастерских «Нибелунга» позволит перевести оружие на чистую механику.

Возражений не поступило.

– Необходимо продумать тактику действий, – произнес Граф. – Есть три варианта. Первый: мы уходим через второй портал, устраняем угрозу со стороны Олмера, посещаем систему Дарвин, проходим полную реконструкцию, после чего ищем пути проникновения на Арасту с целью поиска и эвакуации командира. – Денис поднял руку, предупреждая возражения. – Второй вариант: проходим через портал древней сети, ищем командира и вместе уходим на Ганио. Оттуда планируем дальнейшие действия. И, наконец, третий вариант: разделяемся на группы. Двое из нас выдвигаются в Первый Мир на поиск капитана Шрейба, остальные проникают на Ганио, оттуда ведут разведку и сбор оперативных данных по интересующим нас корпорациям, после чего наносят превентивный удар, направленный на нейтрализацию деятельности «Райт-Кибертроник». При таком раскладе точка сбора – система Дарвин.

– Есть возражения по всем пунктам, – поднял руку Лагин.

– Давайте будем обсуждать. У нас нет права на ошибку. Но прежде предлагаю реактивировать технических дroids и поставить им конкретные задачи по реконструкции пехотных сервомеханизмов и вооружения. Пусть работают, а мы спокойно вернемся к обсуждению плана действий.

– Принимается, – ответил Рустам, выражая мнение всех собравшихся.

* * *

Араста. Зона интенсивного облучения...

Массивные гротескные фигуры медленно преодолевали склон.

Норлы...

Чуждые существа, непонятные, агрессивные, принесшие своим появлением разрушение и смерть.

Кем они являлись?

Разведчиками? Агрессорами?

Трудно ответить. Внешний вид существ внушал опасение, а при ближайшем рассмотрении – ужас и отвращение.

Они прошли через покинутые позиции, ненадолго задержались подле древнего портала, что-то помечая на планшетах, и двинулись дальше, через руины логрианского города в сторону ущелья, не ощущая того, что за ними кто-то пристально следит.

Гюнтер медленно приходил в себя.

Казалось, что роковой поступок капитана Шершнева поставил точку в его нелегкой судьбе, но в ситуацию вмешались высокие технологии и... Ника.

Оплакивая Гюнтера, она неосознанно совершила единственное необходимое действие: закрыла его тело от беспощадных потоков излучения слабеньким экраном из обломков камней и прессованного материала руин логрианских строений.

Этой защиты оказалось достаточно, чтобы заработали сложные микромашинные комплексы, интегрированные в кибернетический организм Шрейба еще десять лет назад в одной из закрытых клиник планеты Дарвин.

Два типа наночастиц отличались специализацией. Одни являлись носителями информации, неким аналогом ДНК человека, другие же считывали с них данные, подробно описывающие структуру искусственного организма, и восстанавливали ее, действуя методично и целенаправленно.

Прошло около суток по стандартному счислению времени, прежде чем Гюнтер шевельнулся и попытался привстать.

Тело плохо повиновалось, он сумел лишь приподняться, опираясь на локти, а затем бессильно перевалился на бок.

Мысли путались. На зубах скрипел мелкий песок.

Где я?

Медленно, нехотя из глубин сознания всплыло название планеты.

Араста... Первый Мир...

Ника... Где она?

Гюнтер совершенно не помнил событий, предшествующих ранению. Словно этот фрагмент воспоминаний начисто стерли.

Последним осознанным впечатлением была страшная картина: частично обрушенный скальный выступ, тела киборгов, разорванные попаданиями необычайно мощного оружия норлов, и она, смертельно

раненная, лишенная способности двигаться, но еще воспринимающая действительность.

Стрессовое воспоминание внезапно помутило рассудок, крутануло перед глазами бешеный калейдоскоп кадров, вырванных из контекста времени и событий, а потом внезапно вернулась прежняя ясность мышления, когда он вновь увидел виноватую, полную боли улыбку на ее губах и услышал прерывистый обжигающий шепот:

Ты был прав... Меня снова... использовали... Но я справилась... Увидела тебя... и справилась...

Он снова едва не взвыл от внезапной всеобъемлющей боли.

Где же ты?.. Он со стоном перевернулся на другой бок, но увидел лишь фрагмент древнего разрушенного здания, плавающего в знойном мареве, да нестерпимый свет, льющийся с небес.

Сумерки сместились...

Я должен идти... или ползти... как угодно, только найти укрытие, иначе – смерть...

Где же ты?

Никто не отзывался на мысленный зов.

Ее не было рядом, не было и поблизости – он, рискуя сжечь сканеры, искал, звал, но тщетно...

Вокруг – лишь раскаленный камень да пожухлая растительность, которой теперь долго восстанавливаться после палящего прикосновения взъярившегося энергетического сгустка...

Что-то надломилось в душе Шрейба. Он умел терпеть, идти к своей цели, стиснув зубы, но тяжелая наука самоконтроля больше не помогала. Ника исчезла...

Вспоминался бой. Жестокий, яростный, беспричинный.

Норлы. Они понесли потери и отступили. Когда меня ранило? Почему я не помню, каким образом оказался тут? Где Иван, Урман, где Шершневы и его бойцы?

Найти в себе силы, чтобы встать.

Осмотреть руины...

Лайкороновые мышцы словно одеревенели. Он с трудом поднялся, цепляясь за стену, подобрал припорошенное пылью оружие, несколько секунд стоял, глядя на открывшуюся панораму брошенных укреплений, затем, пошатываясь, хватаясь свободной рукой за иззубренные огрызки стен, пошел к линии обороны.

Время утратило смысл.

Он не ощущал его течения, все вокруг будто застыло, погрузившись в

горячую липкую субстанцию.

Рубеж...

Горы стреляных гильз от «АРГ-8», дыры в стенах, подпалины и воронки от взрывов, несколько испачканных бурыми пятнами обрывков экипировки.

Ни мертвых, ни живых.

Гюнтер попытался успокоиться и размышлять здраво.

Урман никогда бы не бросил его умирать. Тащил бы на себе, но не оставил тут, зная, что грядет очередное смещение планет.

Они снялись с позиций и ушли.

Не бежали, а именно ушли – нет брошенного в спешке оружия, неизрасходованных припасов.

Раз ушли – хорошо... Значит, Иван жив и находится, скорее всего, в гарнизоне.

Почему меня бросили?

Посчитали мертвым, завалили камнями? Наверное... Но Ника? Где она? Что с ней?

Он внезапно вспомнил, как нес ее к руинам, стараясь оставаться вне поля зрения Урмана.

Зачем я так поступил? Почему пытался спрятать ее?

Немилосердная память вновь вытолкнула обрывочное воспоминание.

Она оказалась в Первом Море по заданию Олмера...

Всё...

Дальше сплошной мрак.

Я действительно спрятал ее?

Наверное. Но куда же она исчезла? Кто стрелял в меня?

Нет ответа. Лишь в пыли поверх россыпи гильз отпечатался смазанный след огромной ноги.

Норлы? Они прошли тут позже, когда наши уже снялись с позиций, получив приказ возвращаться?

Неужели они нашли Нику и насильно увели с собой?

Гюнтер, пытаясь хоть что-то понять или вспомнить, машинально озирался по сторонам, несмотря на изливающийся с небес ослепительный свет.

Внезапно его взгляд заметил медленно бредущие по склону фигуры.

Норлы...

Девять инопланетных существ двигались в сторону ущелья.

Но след среди руин явно оставлен другой группой. Кто-то из норлов поскользнулся на россыпи гильз. Я бы заметил их или услышал шум. Нет,

эти прошли стороной, обходя руины. Другой отряд побывал тут раньше. Возможно, сразу после того, как бойцы заслона получили приказ сниматься с позиций и уходить.

Они обнаружили Нику...

Ее тела нет. Значит, увели с собой, твари...

Гюнтер не мог заставить себя мыслить здраво. Он видел норлов и не хотел сейчас искать иных объяснений. Двигающиеся к ущелью существа наверняка догоняют ушедший вперед отряд. Они – моя единственная ниточка, последняя надежда найти и выручить Нику.

В рассудке Шрейба сейчас говорили чувства.

Он не мог поступить иначе. Мир без нее терял свой смысл. Все казалось незначительным, не важным. Найти и вырвать ее из рук этих тварей...

Гюнтер, опираясь на «АРГ-8», сделал первый шаг по направлению ущелья.

Основной лагерь гарнизона Арасты...

– Урман, куда ты собрался?

Охотник обернулся. В дверях стоял Иван Столетов.

– Я не обязан отчитываться перед тобой.

– На внутреннем дворе готовят БМК. Там на борту мое оборудование.

– Оно тебе уже не понадобится, а выгружать некогда. Извини, Иван, тороплюсь.

– Ты возвращаешься в горы? Зачем? Ты же идешь на верную гибель!

– Тебе что за дело? Я свободен в своих решениях. Понимаешь?

– Понимаю. Но я ведь не дурак. Что-то случилось. Гюнтер исчез, Кречетов объявил, что задерживает меня на Арасте до особого распоряжения. Шершневу куда-то запропастился. Теперь уходишь ты.

– У меня появилось дело, Иван.

– Я знаю. Ты собираешься искать Гюнтера. Ведь так?

Урман нахмурился. Он не умел и не любил лгать.

– Скажи, что произошло?

Охотник сокрушенно покачал головой.

– Да, я отправляюсь искать Гюнтера. Поступила важная информация, которую нужно проверить.

– Возьми меня с собой.

– Нет. Исключено, Иван. Слишком опасно для тебя.

– Я не мальчик.

– Нет. Разговор окончен. За разъяснениями – к полковнику Кречетову. Извини, мне некогда.

– Ладно... – Столетов посторонился, пропуская Урмана.

Охотник размашистым шагом прошел по длинному коридору и свернул к оружейной комнате. Иван смотрел ему вслед, затем, видя, что коридор пуст, заспешил к выходу.

БМК уже загрузили припасами и боекомплектom.

Столетов несколько секунд наблюдал за пространством внутреннего двора, затем, не заметив движения подле машины, крадучись добрался до открытого люка и влез внутрь, затаившись в кормовом отсеке.

Что-то изменилось в нем за несколько прожитых в невероятном напряжении дней.

Он внезапно понял, что не все в жизни измеряется славой, амбициями или деньгами.

Шрейб... Если уж Кречетов дал добро на его поиски, значит, есть веские основания предполагать, что Гюнтер не «бежал», как доложил лейтенант Шершнеv. Иван чувствовал, что несправедливо относился к Шрейбу. И сейчас, оставшись в стороне от рискованных поисков, он бы окончательно потерял веру в себя...

Эгоизм? Глупая бравада? Потребность в самоутверждении?

Сложно ответить однозначно. Кто есть кто и кто кем стал – покажут горы.

* * *

Гюнтер шел.

Шел на пределе возможного: под воздействием губительных энергий отказывали не только сканеры, все кибернетические компоненты периодически давали сбои, которые приходилось устранять, ища спасение под выступами скал, в углублениях, в слабой тени уронивших листву деревьев.

Иногда он падал, думая, что уже не сумеет встать, но каждый раз поднимался и шел, безнадежно отставая, читая редкие следы, оставленные норлами.

Им было проще. Приступы усталости и дурноты можно побороть хотя бы применением препаратов – пару раз, нагоняя группу чуждых существ, он наблюдал, что они, располагаясь на короткий привал, делали себе инъекции.

Шрейб чувствовал, как медленно, но неотвратимо меняется его мироощущение.

Наблюдая за норлами, он, вопреки всему, привыкал к их облику, присматривался к мимике и жестам, ловил звуки гортанной незнакомой речи, и все чаще возникала назойливая мысль: что они ищут? Зачем так упорно движутся в горы, почему, пораженные неизлечимым недугом, проявляют столько упорства, целеустремленности, прорываются к непонятной цели, невзирая на жертвы и лишения?

Может показаться странным, но он сравнивал себя и норлов.

Пытался понять, чем вызвана их агрессия. Дикостью нравов? Природной кровожадностью?

Конечно, Гюнтер не верил в миф о том, что цивилизация, добившаяся определенных успехов в научно-техническом прогрессе, вдруг начинает осознавать свою ответственность за использование передовых технологий. Сама история человечества давала множество примеров того, как люди, выходя на качественно иной, более высокий уровень технических достижений, мало менялись, сохраняя известный набор пороков и добродетелей.

Он думал, чтобы не сосредоточиваться на трудном, почти неодолимом в его положении пути, чтобы не сойти с ума от тревоги за Нику, и мысли, приходящие в голову, вдруг начинали резко диссонировать с его прошлыми взглядами.

Тот прилив сил, что испытал Гюнтер, оказавшись в эпицентре неожиданных схваток, ощущение *востребованности* вдруг сменились разочарованием в себе самом.

Да, теперь он отчетливо понимал, что одиннадцать лет не жил, а существовал, заставляя себя быть коммуникабельным и покладистым, но всему рано или поздно приходит конец, и вот, когда отпала необходимость сдерживать себя, контролировать каждый шаг, каждое слово, он задумался: а что будет дальше?

Жизнь однажды сломала его, воспитав из юноши жесткого, порой жестокого мужчину, но был ли у него выбор? Будни войны – страшнее нет ничего, они – жернова, измельчающие душу в пыль, оставляющие только пустоту.

Жить ради пустоты, ловить мгновения ненормального драйва – сколько это сможет продолжаться, особенно теперь?

На войне была одна цель – выжить. В масштабном столкновении двух ветвей цивилизации, когда на поля сражений вышли машины, иная задача нового дня, кроме одной: дожить до заката, выглядела, по меньшей мере, надуманной и абсурдной. Они бились насмерть, теряя друзей, сжигая себя, но теперь все закончилось. Гюнтер смотрел вокруг и спрашивал себя:

станет ли Первый Мир очередной ареной безумия, столкновения *разумных* рас, поделим ли мы планету, полную неразгаданных тайн, перепахав ее воронками и траншеями?

В жизни должен быть иной смысл.

Шрейбу казалось, что он внезапно обрел его в ту ночь, когда встретил Ольгу.

Его положение оказалось мучительным, но он ощутил не отрешенную созерцательную красоту, а соприкоснулся с чувством, которого не успел узнать в прошлом.

Даже сейчас, преследуя норлов, изнывая от тревоги за судьбу Ники, зная, что без колебаний будет драться за нее, он вдруг ловил себя на том, как взгляд на доли секунды задерживается на необычном пейзаже, впитывая его красоту, и тут же, словно испугавшись, пытается оттолкнуть ее.

Зачем отталкивать?

Да, жизнь в ее разнообразии очень часто полнится жестокостью, несправедливостью, но разве мы приходим в мир, чтобы убивать и разрушать?

Есть ситуации, когда судьба не оставляет выбора, но если рефлексировать прожитым, отталкивать красоту, ненавидеть все, что отличается от тебя самого, разве *это* можно называть жизнью?

Прошлого не вернешь, время не отмотаешь назад, да и, наверное, было *нужно* пройти через ад войны, чтобы однажды отчаянно и безнадежно полюбить, без надежды, безрассудно, а потом, оглянувшись вокруг, понять, что мир на самом деле полон красоты, которую не замечал, взирал равнодушно, порой топтал...

Ольга подарила ему *непрожитое*.

Гюнтер ничего не мог поделать с собой, мысли не отпускали, не уходили, видимо, перемены, настигшие его, как шальная пуля на излете, были необратимы...

Сжимая в руках штурмовую винтовку, он постигал иные грани собственного сознания.

Лишь бы она была жива...

Я справлюсь. Справлюсь. Справлюсь...

Глава 8

Планета Ганио...

В пустыне нет дорог.

Изменчивый ландшафт, послушный воле ветров, за считанные часы стирает следы прохождения караванов.

Редкие оазисы, окруженные заслоном неприхотливых генномодифицированных растений, служат, пожалуй, единственными указателями направлений, но разобраться в их названиях, получить привязку к местности, определить точки маршрута, ведущего к Ганиопорту, для чужаков практически невозможно.

Кланы Ганио контролируют не только мегаполис, зона их интересов распространяется и на пустынные регионы планеты, где до сих пор ведут кочевой образ жизни потомки первых колонистов, высадившихся сюда еще в эпоху Великого Исхода с борта колониального транспорта «Мириам».

Чужаку на Ганио всегда приходится нелегко, и, оказавшись в пустыне, незадачливый турист или коммерсант, прибывший с другой планеты, рискует стать рабом или заложником, а если Шиист проявит милость – он просто погибнет от жажды под нещадными лучами звезды Халиф, избавив себя от мук и унижений рабства.

...Царила мягкая, коварная, звездная ночь.

Купол небес опрокидывался бездонным колодцем вселенной, притихший ветер не тревожил барханы, но среди кажущегося покоя и неподвижности двигались неясные, едва отличимые от мрака тени.

Ночные обитатели пустыни, выбравшиеся из глубоких нор, не оглашали окрестности криками, они перемещались практически бесшумно – и охотники, и их потенциальные жертвы, стоящие на ступень ниже в скудных пищевых цепочках, соблюдали тишину, лишь изредка раздавался короткий рык или тонкий заполосный писк...

Этой тихой безветренной ночью, нарушая привычное течение жизни, в глубине пустыни внезапно сверкнула и погасла бледная вспышка, похожая на отдаленный разряд молнии. Странный отсвет распугал животных, видели его и в нескольких расположенных в десятках километров от места события оазисах.

Свет исходил из-под песков.

Покрытая рябью небольших барханов поверхность пустыни внезапно взметнулась в беззвучном взрыве: неведомая сила выбросила вверх тонны

песка, образовав глубокую воронку, на дне которой проступили очертания непонятного сооружения, впрочем, тускло блеснувшие в свете звезд прямоугольные блоки тут же скрылись от посторонних взглядов: кольцевой песчаный оползень устремился вниз, похоронив под собой не только вершину древней конструкции, но и несколько человеческих фигур, пытавшихся вскарабкаться по крутому осыпающемуся скату конического углубления.

Говорят, что кочевые племена Ганио остановились в развитии. Бытует мнение, что пустыню населяют дикие народности, отвергающие все блага цивилизации.

На самом деле все обстоит иначе. Суровая планета, где глоток воды зачастую стоит дороже человеческой жизни, действительно населена кочевниками, но они, храня традиции и уклад жизни бесчисленных поколений предков, не изолированы от влияния цивилизации, средоточием которой стал мегаполис, расположенный в непосредственной близости от единственного официально действующего космопорта Колыбели Раздоров.

Сколько нелегальных, временных посадочных площадок, оборудованных для приема грузов с борта небольших транспортных кораблей, разбросано по пустыне, в точности не знал никто. Кланов Ганио, контролирующие потоки контрабанды, постоянно враждовали друг с другом. Если в Ганиопорте главы местных группировок могли соседствовать и договариваться между собой, создавая иллюзию единовластия, то в пустыне, занимающей девяносто процентов поверхности планеты, взаимоотношения между представителями разных кланов были далеко не безоблачными.

Здесь существовали свои неписанные законы, хорошо вооруженные, экипированные по последнему слову техники отряды боевиков охраняли временные посадочные площадки и караванные пути, кочевые племена исправно поставляли бойцов в их ряды, за что получали некий минимум «благ» цивилизации – в основном оружие, средства связи, реже – автономные климатические установки для поддержания оазисов, постепенно превращающихся не в места временного отдыха, а в надежно укрепленные опорные пункты, служащие перевалочными базами для транспортировки грузов по бескрайней пустыне.

Ничего удивительного, что странная вспышка света, блеснувшая в ночи, не только распугала животных, но и привлекла внимание людей.

Во мраке, вновь окутавшем землю, появились новые, куда более зловещие тени.

Тихое урчание водородных двигателей, шорох песка,

проминающегося под широкими колесами пустынных вездеходов, негромкие, отрывистые фразы команд – все свидетельствовало о приближении к месту странного события сразу нескольких отрядов боевиков, выступивших в путь с разных направлений.

Спустя примерно полчаса после отсвета разметавшей песок вспышки на краю обмельчавшей воронки, по скатам которой еще струились песчаные оползни, остановился первый вездеход. Три другие машины отряда рассредоточились, не доезжая метров сто до эпицентра странного явления. Развернувшись бортами в сторону безбрежной пустыни, флайботы выпустили с десятков фигур, цепью рассыпавшихся по барханам, сами же машины, образовав подобие заслона, ощерились стволами – оставшиеся внутри боевики явно ожидали появления опасности и готовились достойно встретить ее.

Из вездехода, остановившегося на краю воронки, выбрался сухощавый, жилистый ганианец, его тут же окружили телохранители, водитель развернул машину в сторону пустыни и не стал глушить двигатель.

Ганианец несколько секунд вглядывался во тьму, сгустившуюся на дне углубления, затем сделал знак рукой, и в воронку тут же полетела, разбрызгивая искры, осветительная шашка.

Никого.

Лишь песок тонкими ручейками струится по скатам.

– Курунг хау... – невнятно выругался ганианец, активируя закрепленный на запястье кибстек.

Миниатюрный голографический дисплей выдавил из тьмы трехмерную карту окрестностей. Сориентировавшись по ней, ганианец пришел к определенному выводу и, коснувшись сенсора на крохотной панели кибернетического браслета, произнес:

– Это Дарик.

Видимо, других комментариев не требовалось. Через пару секунд заработал коммуникационный канал, и на фоне вычерченной микролазерами модели рельефа появилось миниатюрное голографическое изображение пожилого ганианца. Фрагмент обстановки помещения, откуда велась передача, явно указывал, что абонент, вышедший на связь, находится отнюдь не в пустыне.

– Что случилось, Дарик?

Ганианец, возглавлявший отряд боевиков, нервно сглотнул.

– Захриб, как ты и предупреждал, ожила Пасть Шайтана.

– Ты на месте?

– Да.

– Что видишь?

– Большая воронка. Ночь тихая, ветра нет, если бы из Пасти кто-то выбрался, я бы заметил следы.

– Дарик, ты знаешь, я не люблю глупых докладов. Ищи. Пасть Шайтана дремлет веками, но если она открылась, значит, через нее кто-то прошел. Я хочу знать кто.

– Джелаби, внизу много песка. Человек или демон не смогут дышать или двигаться. Прошло полчаса после вспышки.

– Хорошо. Тогда достань мне трупы. Только не говори, что там никого нет.

– Воины побоятся лезть в Пасть... – угрюмо сообщил Дарик.

– Ты плохой командир, если не можешь заставить людей выполнять приказы. Тогда лезь туда сам. Копай, ищи, но, если ничего не найдешь или позволишь другим кланам что-то отыскать на моей территории, лучше удавись, чтобы мне не пришлось пачкать руки. Ты понял?

Дарик смертельно побледнел, но нашел в себе силы кивнуть.

– Выйдешь на связь, когда что-то отыщешь, – произнес Захриб, отключаясь.

До утра оставалось еще пять часов.

Дарик отлично понимал, что угроза, прозвучавшая из уст старейшины клана, не пустой звук.

Проклятая Пасть... – неприязненно подумал он, глядя, как на дне воронки догорает осветительная шашка.

– Вездеход сюда! – прорычал он. – Мустафа, разворачивай сканеры. Остальным занять круговую оборону. Никого не подпускать!

Отдав распоряжения, Дарик отошел от края воронки, наблюдая, как пустынный вездеход, оборудованный сканерами, медленно сдает назад.

Минут через десять пришел доклад от Мустафы:

– Я нашел... Вижу на сканерах Пасть Шайтана.

– Что там? – нервно уточнил Дарик.

– Тела. Нет... Это механизмы, – тут же поправился компьютерный техник. – Четыре механизма и один труп в скафандре.

– Глубоко?

– Пять метров.

Ванг Шиист... Пять метров осыпающегося песка... Как же их достать? Песок рыхлый, руками или лопатами такую толщу не разгребешь, только людей измучаешь. Дарик мысленно успел проклясть недавнюю бурю, переместившую миллионы тонн песка. Еще неделю назад верхушка Пасти

была видна, а теперь ее погребла под собой пустыня.

Пытаясь найти приемлемый выход из положения, он внезапно вспомнил, как несколько лет назад два вездехода с грузом провалились почти на десять метров, попав в одну из коварных природных ловушек.

Тогда мы пробивали толщу песка тросами со специальными молекулярными присосками. Вездеходы удалось вытащить.

Хорошая мысль. И пришла она вовремя.

Дарик немного подумал, затем отдал краткие распоряжения.

Две машины, оснащенные буксировочными лебедками, развернувшись, медленно подползли к краю воронки.

– Мустафа, сейчас вниз через песок будут проталкивать тросы. Следи за приборами. Захриб приказал вытащить тела. Не справимся к утру – нас скормят курунгам. Все. Действуй.

Дарик отошел от края углубления, и в этот миг ночную тьму вспоролو несколько коротких автоматных очередей.

Это к месту события, привлеченные необычной вспышкой, начали подтягиваться боевики других группировок.

Блеклые рассветные краски ткали сумеречный узор раннего утра, поднявшийся ветер нес мелкий песок, когда стихли выстрелы, а на поверхность извлекли последнее тело.

В сотне метров от практически затянувшейся воронки догорали остовы трех подбитых вездеходов. Дарик, получивший легкое ранение в плечо, злой, измотанный ожесточенной перестрелкой, подошел к уложенным на плотную ткань телам.

Четыре андроида и молодая девушка в разорванном, потерявшем герметичность скафандре.

Он пнул ногой крайний в ряду человекоподобный механизм и приказал:

– Грузите их.

Через несколько минут три пустынных вездехода покинули место схватки, взяв направление на Ганиопорт.

В грузовом отсеке ощущалось лишь плавное монотонное покачивание.

Четыре механизма, накрытые тканью, не подавали признаков функциональности. О женщине, порвавшей скафандр, и думать было нечего. Под песком не выживешь – это Дарик знал не понаслышке.

Потеря семерых человек и одной машины, конечно, обозлила его, но он выполнил задание Захриба, а это главное.

Закрыв люк, он перешел в десантный отсек, сел на жесткую скамью и

постепенно задремал.

Дарик ошибался, посчитав, что андроиды разрушены.

Неподвижность человекоподобных машин и заверения Мустафы обманули его. На самом деле некоторые подсистемы человекоподобных машин, выйдя из энергосберегающего режима, заработали, как только сигнатура, излучаемая пустынным вездеходом, надежно скрыла незначительные проявления энергетической активности дроидов.

Соединившись в локальную сеть, они приступили ко второй фазе тщательно продуманного плана.

Вторая планета Ожерелья.

За несколько дней до начала операции на Ганио...

– Ольга, нам нет смысла дробить силы.

– Почему? Разве мы не попытаемся эвакуировать Гюнтера?

– Пока не время. – Граф присел рядом с ней. – Ты хорошо замаскировала его?

– Достаточно хорошо. Там вокруг руины. Судя по наблюдениям, район малопосещаемый. У портала возведены стационарные укрепления, но на плато мало кто заглядывает. Пока была возможность, я с господствующей высоты поквадратно сканировала древний город. Следы пребывания или просто прохождения людей встречаются редко, единственное человеческое поселение, существовавшее на плато, уничтожено много лет назад. Проторенные тропы, ведущие к ущельям, проходят в стороне.

– Хорошо. А теперь давай рассуждать логически. Восстановить Гюнтера мы сумеем, только проникнув в систему Дарвин, верно?

– Да.

– Тогда я формулирую следующий вопрос: как нам в таком обличье, да еще с телом командира на руках, преодолеть половину Обитаемой Галактики? Где найти временное убежище, как изыскать средства на покупку или аренду космического корабля, ведь воспользоваться регулярными пассажирскими рейсами нам не удастся.

– К чему склоняешься? – Ольга устало помассировала виски.

– Единственный выход из положения: *создать* надежный канал эвакуации Гюнтера.

– Мы не успеем.

– Ошибаешься. – Лагин присел рядом с Ольгой. – Между

пространством реального космоса и десятым энергоуровнем аномалии существует разница во времени. Месяц, проведенный нами среди Обитаемых Миров, равняется трем суткам по времени Первого Мира. В нашем положении глупо пренебрегать таким преимуществом. За тридцать дней мы успеем сделать очень много: добраться до системы Дарвин, выяснить, связан ли профессор Романов с Олмером, проанализировать контакты «Райт-Кибертроник» и «Нейл Индастри». Кроме того, у меня вызывает серьезные опасения канал внепространственной транспортировки, а конкретно: портал на Ганио.

– Не понимаю. Моя группа прошла свободно.

– Но вам содействовали, верно?

– Местные жители. Достаточно грубый и примитивный народ. Их планета даже не входит в состав Конфедерации. Ганио называют Планетой без закона, или Колыбелью Раздоров. Там нет планетного правительства, всем заправляют преступные этнические группировки, именуемые Кланами Ганио.

– Ценная информация, – кивнул Русаков. – Но неполная.

Ольга удивленно посмотрела на него.

– А тебе-то откуда знать про Ганио, Денис? – спросила она. – Планета вторично открыта несколько веков спустя после окончания Галактической войны.

Граф усмехнулся. Благо в виртуальном пространстве единого информационного поля, к которому все еще были подключены кристалломодули «Одиночек», он вполне владел мимикой.

– Не все так просто. Кое-что помог выяснить Рустам Гасанов. Выслушаешь его?

– Конечно.

В пространстве, сформированном для общения, тут же возникла фигура Гасанова.

– Я несколько раз бывал на Ганио, – неожиданно для Ольги сообщил он. – Планета вторично открыта силами Альянса, и в период войны там располагалась крупная ремонтно-техническая база Земного Флота. Для нас важен тот факт, что Колонии не сумели рассекретить этот опорный пункт. Что происходило на Ганио после войны, неизвестно.

– В официальных источниках нет информации, касающейся послевоенных зачисток планеты, – ответила Ольга. – Я почти год проработала пресс-секретарем сенатора планеты Грюнверк и по роду своих занятий изучала краткую историю Обитаемых Миров. Некоторые данные, бесспорно, утеряны... – она осеклась, но быстро взяла себя в руки,

продолжив: – Однако избыточное количество нейромодулей, необходимое для достоверной имитации поведения, не подвергалось сокращению или стерилизации...

– То есть ты помнишь ту информацию, которую самостоятельно усвоила, будучи Ольгой Наумовой? – уточнил Граф.

– Да, – тихо ответила Ольга. Мысль о содеянном причиняла ей боль.

– Если послевоенная зачистка не происходила, значит, базу ликвидировали силами Альянса. Эвакуировали или уничтожили, нам теперь уже без разницы.

– Не согласна, – неожиданно возразила Ольга. – Послевоенная зачистка Ганио действительно не осуществлялась, вторичное открытие планеты картографическими кораблями Конфедерации проходило без сопутствующих рецидивов, какие обычно возникают при спорадической расконсервации боевых машин. Но география планеты и некоторые факты послевоенной истории... – Она нахмурилась, пытаясь вспомнить что-то очень важное.

– Ну-ка, что там с географией?

– Пустыня, – лаконично ответила Ольга. – Девяносто процентов поверхности планеты занимает пустыня. Основное поселение Ганиопорт – мегаполис, выстроенный гуманитарной миссией Совета Безопасности Миров. Неудачная, я бы даже сказала, провальная попытка привить на Ганио современную цивилизацию.

– А что за факты тебе вдруг вспомнились? – Денис подталкивал ее память наводящими вопросами.

– В точности не помню... – Ольга сокрушенно покачала головой. – В свое время, при изучении аналитических справок по Ганио, меня что-то насторожило.

– Боевые машины? – осторожно подсказал Гасанов.

– Да. Точно... – Она с благодарностью посмотрела на Рустама. – Система Ганио постоянно находится под негласным контролем ВКС Конфедерации. И, тем не менее, на черном рынке вооружений Колыбели Раздоров периодически появляется разнообразная реликтовая техника. Я слышала даже о партии истребителей «Фантом» образца 2630 года, которую пытался продать один из кланов. Думаю, извне попасть на Ганио они не могли.

Денис согласно кивнул. Он знал, что такое негласная опека Флота.

– Предположим, что базу не ликвидировали, – произнес он. – Тогда логично предположить, что крупные единицы Флота, базировавшиеся на планете в период войны, были эвакуированы или востребованы в период

финальных сражений, а саму базу законсервировали. Она до сих пор находится под песками. Площадь крупного ремонтно-технического опорного пункта обычно достигала сотен тысяч гектаров, строения, из-за угрозы внезапного орбитального удара, располагали на большом удалении друг от друга. Неудивительно, что спустя столько времени ганианцы то и дело находят отдельные объекты инфраструктуры, например оружейные склады или боксы консервационного хранения, куда поступала вся отремонтированная техника. Отсюда и наполнение черного рынка планеты реликтовыми механизмами, и партия «Фантомов».

– Что нам дает подобное знание?

– Очень многое. Мы офицеры автономного серв-соединения. В нашем распоряжении личные кодоны, дающие право неограниченного доступа к законсервированной технике эпохи Первой Галактической. Кроме того, способ проникновения посланной Олмером диверсионной группы в пространство десятого энергоуровня прямо указывает, что у него есть сообщники на Ганио. Эти люди владеют информацией о местоположении портала и наверняка контролируют его. Отсюда формулирую задачу: наше проникновение на планету должно быть скрытным, не несущим угрозы, иначе, ввязавшись в боевые действия, мы вряд ли выйдем из пустыни живыми. Второе: необходимо локализовать сообщников Олмера, под давлением они дадут нам хотя бы часть искомой информации. И третье: проникнув в Ганиопорт, мы выйдем на оперативный простор. После анализа доступной информации по Ганио я убежден, что решительная женщина, путешествующая в сопровождении четырех дройдов-телохранителей, не вызовет чрезмерного внимания со стороны Кланов. Мало ли разных авантюристов обретается в Ганиопорте?

– Согласна. – Тяжелый осадок в душе у Ольги не исчез, но, слушая Дениса, она вдруг подумала: а что значат мои терзания хотя бы в сравнении с тем положением, в котором оказались они – призванные из небытия современники чудовищной войны?

Русаков чувствовал и понимал ее состояние.

Он нарочно излагал свои мысли в сухом, деловом ключе, стараясь не мобилизовать эмоции. От внимательного взгляда Дениса не укрылось то, как Ольга неосознанноотреагировала на фразу «мы офицеры...».

– Оля, ты постоянно задаешься одним и тем же вопросом о своем действительном статусе и мере ответственности за прошлые поступки, – произнес он. – Не цепляйся за стереотипы и термины. Они лишь шелуха, на самом деле каждый из нас именно тот, кем он себя ощущает. Не важно, какой эпохе принадлежишь, как появился на свет, – мы объективно

существуем, мыслим, и этого достаточно.

– Достаточно для чего? – глухо спросила она.

– Для того, чтобы жить. Наше прошлое тоже далеко не безоблачно. У каждого прописаны кровью, вбиты в мозг свои понятия добра, зла, справедливости... Но это не повод сказать: я не принадлежу данной эпохе – и отключиться или забить себя сомнениями – я не рождена человеком и не имею своего места в окружающем мире. Ты та, кто ты есть. Будешь ощущать себя ничтожеством, им и станешь. Прости, если грубо.

– Зато точно, – она горько усмехнулась. – Не волнуйся, я справлюсь. И не стану боготворить Олмера за десяток лишних нейрочипов. Он создавал рабу, не полагая, что у «изделия» возникнет самосознание.

Ганио...

Мерное покачивание пустынного вездехода, идущего по бездорожью, преодолевающего барханы, с каждой минутой приближало их к цели.

Медленная, осмысленная, осторожная реактивация.

Под прикрытием фонового излучения мощного двигателя скрадывалась работа сканирующих систем подвергшихся серьезным усовершенствованиям пехотных сервомеханизмов.

Инициализация локальной сети прошла успешно.

– Ольга?

– Я здесь. Со мной порядок.

– Блейз?

– Тут. Приступаю к работе.

– Саша?

– Привет, Граф. Я уже задействовал сканеры. Информация пошла.

– Рустам?

– В норме. Подключаюсь к обработке данных.

Через несколько секунд в общем информационном пространстве начали прорисовываться контуры сооружений, погребенных под песками пустыни.

Внедрение на Ганио прошло успешно.

– Есть отклик... Констатирую энергосберегающий режим. Под нами база РТВ^[45]. Частично разрушена орбитальными ударами. Что ищем, конкретно?

– «Нибелунг-12NT», – откликнулся Русаков, принявший на себя командование группой. – Нам необходима не столько огневая мощь, сколько система установленных на данной модели фантом-генераторов.

– Понял, продолжаю поиск.

Следующий доклад пришел от Блейза:

– По курсу движения растущая сигнатура. Город.

– Принято, – ответил Денис. – Рустам, фиксируй структуру мегаполиса, когда сигнатура начнет разделяться на составляющие. Надеюсь, нас везут к сообщнику Олмера, так что сразу прорабатывай пути отхода.

– Сделаю, командир.

– Есть контакт! – внезапно доложил Рустам. – Получен отклик от автоматики «Нибелунга».

– Выводи его из консервационного режима, – приказал Русаков. – Готовность к старту должна быть обеспечена в автоматическом режиме. Полный перехват управления придется осуществлять лично кому-то из нас при помощи кодона.

– Как мы будем действовать? – спросила Ольга.

– По обстановке, – ответил Денис. – У нас пока что недостаточно информации для принятия конкретного решения.

Через пару часов, когда пустынный вездеход выполз на дорогу, энергетическая активность в грузовом отсеке вновь упала до фоновых значений.

Пятеро «пленников» переключились в режим пассивного приема.

Четыре сбойных сервомеханизма и один киборг, не сумевший перенести гиперпространственного перехода.

Именно такую картину, по замыслу Русакова, должны увидеть те, кто контролирует портал.

* * *

Захриб, удобно расположившись на возвышении среди подушек, пил чай, наблюдая, как его люди внесли в богато обставленное помещение четырех неисправных андроидов и девушку-киборга, с которой уже содрали скафандр.

– Хорошо, Дарик. – Он даже привстал, чтобы получше рассмотреть трофеи. Особенно киборга. – Ты отлично справился со своей задачей. А теперь иди.

Отправив с глаз долой слишком смышленного в некоторых вопросах Дарика, Захриб включил ГЧ-коммуникатор.

Ему не нужно было готовиться к предстоящему разговору. Он все обдумал заранее и лишь ждал, пока из пустыни придут долгожданные вести.

– Олмер? Здравствуй, дорогой.

Неподвижные «трофеи» не выглядели опасными. Ганианец обращал на них внимания не больше, чем на мебель. А зря. Системы пассивного сканирования андроидов ловили каждый звук.

В объеме включившегося голографического монитора возникло изображение Олмера.

– Захриб? Что случилось? – Олмер тут же почувствовал неладное. – Ты ведь получил обещанный товар?

– Конечно, получил. – Лицо ганианца внезапно приняло скорбное выражение. – У меня несчастье в семье. Ты, наверное, слышал: Конфедераты арестовали моего старшего сына. Обвинили в терроризме ни в чем не повинного мальчика и теперь хотят отправить его в криогенную тюрьму.

– Сочувствую, Захриб. Извини, я не знал о твоем горе, – сдержанно ответил Олмер.

– Такой занятой, да? Совсем новости не смотришь?

Олмер промолчал. Отвечать на подобные вопросы, заданные с откровенной издевкой, он не собирался. Если ганианец вышел на связь, значит, у него есть конкретное дело.

– Я хочу вернуть сына, – неожиданно произнес Захриб, при этом из его голоса исчезли все наигранные интонации.

– Не знаю, как тебе помочь. – Олмер развел руками, стараясь скрыть замешательство.

– Не знаешь? Я тебе подскажу. – Захриб сел на край устланного коврами возвышения. – Ты убил своего отца. Ты послал киборгов убить своего брата. Ты похож на пустынную крысу, которая нападает темной ночью, бросаясь на спину своей жертве.

– Думай, о чем говоришь! – попытался осадить его Олмер, но ганианец лишь нагло улыбнулся в ответ:

– Я думаю. А вот ты – нет. Послал мне десять наложниц и решил, что купил целый клан? Мне не нужны подделки. Даже такие искусные в любви, как твои женщины-киборги.

Олмер побледнел.

– Что ты с ними сделал?

– Пока – ничего. – Захриб презрительно скривил губы. – Только приказал своим людям хорошенько исследовать их и удалить терминирующие программы, которые ты все же умудрился впихнуть в предложенный мне товар. Теперь, если мы не договоримся, я подумаю, не послать ли парочку наложниц лично президенту «Нейл Индастри»?

Думаешь, он обрадуется, когда узнает, как легальную продукцию его корпорации изменяют созданные твоими кибрайкерами программы?

Нужно отдать должное – Олмер выдержал удар, лишь на бледных щеках появились пунцовые пятна.

– Ты ничего не докажешь! – хрипло ответил он.

– Я и не собираюсь ничего доказывать. С тобой разберутся и без моих доказательств. Главное – направить гнев сильных людей в нужное русло.

– Они меня не достанут. Нет доказательств, что программы созданы моими людьми. Даже записи наших разговоров не имеют нужной силы. Конфедерация не вмешается, а корпоративной войны я не боюсь.

– Почему ты решил, что конфедераты не заинтересуются тобой?

– Им нужны аргументы. Очень веские аргументы.

– А ты посмотри сюда. – Захриб кивнул одному из своих людей, и тот услужливо переместил передающее устройство так, чтобы канал гиперсферной частоты крупным планом передал лицо Ольги.

– Никого не напоминает? – ехидно спросил из-за кадра Захриб.

Олмер потрясенно молчал.

– Понимаю. Убив твоего брата, изделие было обязано самоуничтожиться, верно? Сначала выбраться из системы Ожерелья, доложить тебе о выполнении, а потом ликвидировать себя. Не вышло. Она отключилась при обратном переходе. Мои люди выкопали ее из-под песков. Как ты думаешь, что сейчас содержат блоки ее памяти? А лицо? В отличие от тебя, я слежу за галактическими новостями. Она очень похожа на некую Ольгу Нечаеву, пропавшего пресс-секретаря сенатора Столетова. Ее ищут. И найдут.

– Чего ты хочешь?! – не выдержав, рявкнул Олмер.

– Я же сказал: вернуть свободу своему сыну. И не повышай голос, а то пришлю своих бойцов, они и без доказательств перережут тебе глотку. А теперь слушай внимательно. Даю тебе сутки. Да, ты не ослышался – всего одни сутки. Кибрайкеры могут и не поспать одну ночь. Ты дашь им задание – написать боевую программу, совместимую с системой серийных человекоподобных машин. И дополнишь ее модулем скрытого внедрения. Мне нужно, чтобы по команде через сеть все, повторяю – ВСЕ киборги последнего поколения, произведенные на заводах «Нейл Индастри», взяли в заложники собственных хозяев и перешли в подчинение тому, кто знает определенную командную последовательность. Только не надо говорить, что мои требования невыполнимы. Защита серийных моделей киборгов давно взломана твоими кибрайкерами. А написать дополнительный программный модуль для них несложно.

На Олмера было страшно смотреть. Он хватал ртом загустевший вдруг воздух, не в силах вымолвить ни слова, затем, совершив невероятное усилие, все же выдохнул:

– И что?! Что произойдет дальше?!

– Это уже тебя не касается. – Захриб видел, что оппонент сломлен. – Имея заложников в каждой системе Обитаемой Галактики, я уж как-нибудь найду способ выручить сына и отбить у конфедератов охоту задевать Клань.

– Какие у меня гарантии? Что я получу взамен?

– Тебя никто не тронет, – презрительно ответил ганианец. – Получишь назад свои «изделия». Но не вздумай играть со мной. Я уже подготовил одну информационную бомбу. – Он выразительно коснулся пальцем изящного кибстека на своем запястье. – Теперь моим людям остается лишь снять информацию с ее чипов памяти. – Ганианец пренебрежительно кивнул в сторону неподвижной Ольги. – Если завтра к этому времени я не получу нужную программу или она вдруг не сработает, ты пожалеешь, что родился на свет. Тебя будут искать с одинаковым усердием и корпы^[46], и разведка Конфедерации, и мои люди. Надеюсь, ты все понял? Клятвы мне не нужны. До завтра. – Ганианец сделал знак, и канал гиперсферной частоты отключился.

Он знал, когда следует оборвать разговор.

Никуда Олмер не денется. Все выполнит.

Захриб присел на корточки перед неподвижным телом киборга.

Заглянув в ее глаза, он произнес:

– Ты даже не знаешь, как с твоей помощью возвысятся Клань...

Захриб не сумел завершить фразу – внезапно ожившая рука Ольги метнулась к его горлу.

Она слышала все.

Каждое слово вонзалось в рассудок, как раскаленный гвоздь.

Ей бы лежать, не двигаясь, но заранее разработанный план дал трещину... нет, он просто развалился, когда стал ясен смысл требований и намерений Захриба.

В информационном пространстве мгновенно сформированной локальной сети шел в эти секунды не совсем обычный обмен данными.

Доли мгновений...

Ганианец хрипел, обеими руками схватив Ольгу, пытаясь оторвать ее от себя, но она, фиксируя движение многочисленных охранников, продолжала сжимать пальцы на горле Захриба, свободной рукой выхватив

из наплечной кобуры предводителя клана богато инкрустированный импульсный пистолет системы «Гюрза», и, приставив ствол к виску местного эмира, отчетливо произнесла, будто сплевывая слова коротких фраз:

– Назад! Оружие на пол! Еще шаг, прострелю ему башку!..

Захриб внезапно обмяк, его налившиеся кровью глаза затянуло мутной поволокой...

Ольга не ослабила давления пальцев. Терять уже нечего. Ее спутники, не обладающие возможностью мгновенной реактивации, сейчас выходили из маскирующего режима, но сервомоторы не лайкорон, им нужна определенная мощность источника энергии, – шли неизбежные секунды промедления, необходимые для выхода встроенных в систему пехотных дroids мини-реакторов в расчетный режим.

Реакция ганианцев на ее требование оказалась неадекватной: лишь трое ближайших к ней телохранителей Захриба послушно бросили оружие на пол, отступив на пару шагов, остальные – Ольга их чувствовала каждым нервом – прятались за драпировками стен, в скрытых от глаз проходах, готовясь открыть огонь.

– Рустам, твои справа, я контролирую центр, Саша, прикрываешь тыл, Блейз – левый фланг. Работаем на поражение!

Граф рванулся вперед, закрывая Ольгу от выстрела, – он успел отследить вышедшего на позицию ганианца, оказавшегося в удобном положении. Подсистема анализа данных четко определила точку прицеливания – боевик намеревался выбить из руки Ольги оружие, а потом всадить ей в голову остаток зарядов из магазина «Гюрзы».

Короткая очередь гулко ударила по усиленным бронекожухам – не зря технические сервы корпели в мастерских штурмового носителя, модернизируя четырех пехотных андроидов, – попадания шариковых боеприпасов вызвали лишь визгливый рикошет, а Денис уже дотянулся рукой до брошенного на пол «Стайгера», ответив двумя точными одиночными выстрелами.

Ганианец, уронив «Гюрзу», мешковато осел на пол.

И началось...

На несколько секунд замкнутое пространство просторного помещения превратилось в ад.

Когда огонь ведется почти в упор, а противников разделяет какой-то десяток метров, все происходит в жестком, непоправимом ритме: боевиков Захриба оказалось больше, чем сумели определить сканеры, вспыхнувшая перестрелка, короткая, но ожесточенная, наполнила богато обставленное

помещение шквалом бьющих со всех сторон очередей. Пули впились в стены, рвали драпировки, разносили в щепу мебель, взрывали осколками посуду и немногочисленные бытовые приборы, среди сиплого звука импульсных винтовок отчетливо прорывался оглушительный, звонкий, ритмичный перестук более древних систем автоматического вооружения...

...Лагин перекатом ушел от очереди, подхватил с пола импульсный «Гервет», отстрелял одиночными половину обоймы, но пятеро противостоявших ему ганианцев успели укрыться в боковых проходах. Разрывные боеприпасы, снаряженные в обойму, лишь срывали тяжелые драпировки, обнажая истинную структуру прилегающих помещений, от которых в глубь здания вели полтора десятка узких коридоров.

В ответ зло огрызнулись, как минимум, три штурмовые винтовки, напольную вазу разнесло вдребезги, из искусственного фонтана выбило брызги и ошметья пластиковой зелени. Саша еще раз перекатился, меняя позицию, заметил, как пытается встать Ольга, отталкивая от себя обмякшее тело Захриба, – плохо, если боевики поймут, что их предводитель мертв, закидают гранатами, без вариантов...

– Оля, не вставай!

Над ее головой в стену впилась автоматная очередь.

– Граф, прикрой!

Денис резко развернулся, опустошив четверть магазина стозарядной «Гюрзы» по дверным проемам, ведущим в смежные помещения, Лагин за это время успел распечатать смонтированный в бедре оружейный отсек, где был закреплен разобранный на две части укороченный штурмовой вариант «АРГ-8».

Две части оружия соединились под точным усилием.

В помещении погас свет. Под потолком искрила проводка, огромная, стилизованная под старину люстра валялась на полу среди хрустального крошева.

– Оля, выводите Захриба, мы прикроем! – громко выкрикнул Лагин, поймав паузу в грохоте автоматных очередей.

Она поняла, что задумал Александр, приподнялась, прикрываясь обмякшим телом ганианца, и беспорядочный огонь со стороны боевиков резко стих, зато раздалось несколько гортанных выкриков на местном наречии.

Воспользовавшись паузой, Блейз и Гасанов извлекли из оружейных отсеков укороченные, модифицированные в мастерских «Нибелунга» штурмовые винтовки: теперь боевиков Захриба вряд ли спасут укрытия, – подсистемы андроидов включали в свой состав не только

высококчувствительные сканеры, но и блоки СНП^[47], заранее настроенные на взаимодействие со стрелковым оружием группы.

Только Русаков, у которого длинной очередью пробило броню и повредило часть сервомоторов, не смог воспользоваться «домашней заготовкой» – заметно прихрамывая, он добрался до ближайших тел, подобрав две импульсные винтовки модификации «ИМ-170».

...Возникшую паузу нарушил топот множества ног – боевики накапливались в смежных помещениях, от решительных действий, после первых минут панического огня, их удерживало лишь тело Захриба, которым демонстративно прикрывалась Ольга, создавая иллюзию того, что глава клана все еще жив.

Мгновенный обмен данными по локальной сети наметил дальнейший план действий: следовало уходить, пока сюда не подтянулись дополнительные силы, но покинуть здание без боя – нереально. Кроме того, следовало вычислить и допросить компьютерных техников, работавших на клан, изъять собранные Захрибом доказательства преступной деятельности Олмера и вывести десятерых девушек-киборгов, находящихся где-то поблизости.

– Рустам, Ольга, вы к «Нибелунгу»! – приказал Русаков. – Поднимаете штурмовой носитель и забираете нас. Без мощной огневой поддержки не вырвемся. Всё, не обсуждается! Исполнять!

Тело Захриба мягко сползло на пол.

– За мной. – Рустам коснулся руки Ольги, указывая на коридор, по которому их четверть часа назад втащили сюда. – Берем пустынный вездеход. Я впереди, ты прикрываешь!

Она кивнула.

Отступить уже некуда. Да и незачем.

Русаков, используя последние секунды замешательства противника, указал Диггеру на проход в дальнем конце помещения.

– Блейз, выводись пленниц. Вперед! – Он присел на одно колено, удерживая под прицелом двух импульсных винтовок дверные проемы, где сканеры фиксировали наибольшее количество боевиков. – Саша, гранаты с нервно-паралитическим газом! Бей из подствольника!

Им предстояло продержаться, как минимум, час...

Ольга бежала вслед за Рустамом по наклонному коридору, который внезапно вывел их на открытую площадку скального выступа.

Ее душа, порванная в клочья, отказывалась адекватно воспринимать реальность, впервые она действовала не под натиском программ

имплантированной памяти, а по *собственной воле*.

Неужели порочный круг все же замкнулся?

Она своими руками только что задушила... нет, слово «человек» не желало совмещаться с образом Захриба даже в мыслях.

– Не думай о нем. – Рустам тонко уловил ее состояние. – Думай, скольких людей ты только что спасла...

Площадка с символическим ограждением внезапно обернулась тупиком. Слева – отвесные скалы, справа, из-под обрыва, вздымается уступчатая, усеянная огнями, подпирающая небеса громада мегаполиса, сзади тоннель, а впереди на краю площадки – двое боевиков, настороженно прислушивающихся к приглушенному эху выстрелов.

Где же выход?

Наверное, проскочили...

Пока она переживала совершенно новые для себя ощущения, Рустам ударил двумя короткими очередями по ногам ганианцев, затем, не медля ни секунды, шагнул к одному из них и, схватив корчащегося в пыли боевика за простреленную ногу, внятно спросил:

– Где спуск во внутренний двор?

Обезумевший от боли и внезапного ужаса ганианец потерял сознание. Его напарник, инстинктивно отползая к стене, начал что-то громко выкрикивать, но Рустам остановил его красноречивым движением автоматного ствола.

Тот сел, страхась даже кричать.

– Выход с площадки?

Боевик дрожащей рукой указал на край обрыва, за которым высились небоскребы Ганиопорта.

– Там... Подъемник.

– Сколько человек внизу?

– Один или два... Все слышали выстрелы... Наверх бежали...

Рустам молча наклонился, подобрал трофейные импульсные винтовки, затем осторожно выглянул вниз.

По хорошо освещенному внутреннему двору, среди нескольких пустынных вездеходов, припаркованных вплотную к высокому, похожему на крепостную стену ограждению, действительно прохаживались двое часовых.

Подъемник внизу...

– Вызывай. – Он ткнул ганианца стволом в бок. – И помаши охранникам рукой.

Тот со стоном повиновался.

– Оля, держи их на прицеле.

Она машинально заняла позицию, вскинула оружие.

Что же я делаю?!

Мутная, вязкая мысль. Пальцы сжимают автомат, а чувствуют податливую кожу горла, дергающийся, словно крыса в клетке, кадык – отвратительное ощущение, вызывающее непроизвольные, рефлекторные приступы тошноты.

Меня слишком хорошо научили чувствовать, – с горечью подумала она.

Неужели ради того, чтобы освободиться и жить, необходимо убивать? Хотелось отшвырнуть автомат, стиснуть руками собственное горло, задушить подкатившее к нему рыдание и спросить: ПОЧЕМУ?

Рустам обернулся, сделал шаг назад, отступая от края обрыва, заодно оттаскивая от него раненого ганианца.

– Ты что, Оля? – Он, словно забыв об опасности, присел перед нею на корточки. – Откуда слезы?!

– Я ничего не понимаю... – Она запрокинула голову, но горький, удушливый ком не исчезал.

– Мы на войне.

– Нет. – Она покачала головой. – Война закончилась. Давно.

– Мы – на войне, – упрямо повторил Рустам. – Если не ты, то тебя. Все сделала правильно. И не терзай себя за поступок. Подумай, сколько жизней ты спасла, задушив эту тварь? Сейчас нельзя сомневаться. Все и так висит на волоске. – Он заметил движение на площадке, резко вскинул ствол: – Лежать!

Глухо стукнул о край обрыва поравнявшийся с ним подъемник.

– Оля, соберись. – Рустам выпрямился, подошел к раненым ганианцам, быстро и ловко связал их, усадив спина к спине. – Всё, пошли!

Она встала. Мир кружился перед глазами в недобром багрянце. Чувства, ощущения – все стало иным. Исчезла отрешенность от происходящего, поступки, уже не навязанные сторонней волей, находили совершенно иную оценку.

Ольга ступила на огороженную низкими перильцами платформу допотопного подъемника, и вдруг, выбивая из стены каменную крошку, снизу наискось полоснула длинная очередь.

– Пригнись! – Рустам ответил на огонь, затем отпрянул к центру подъемника, внизу раздались крики, был слышен топот ног, отрывистые команды на незнакомом языке, затем, высекая искры, грозя перерубить тросы, по снижающейся платформе одновременно ударили с десятков

стволов.

Время субъективно замедлилось.

Скорость реакции киборга намного превышает порог осознанных человеческих ощущений – росчерки трассирующих пуль проносились рядом, волной накрыл запоздалый страх, Ольге, прижавшейся к вздрагивающей от попаданий, гудящей, словно набатный колокол, металлокерамической плите, казалось, что поднять голову – выше ее сил, но секундное оцепенение, полное рваных, беспорядочных мыслей, внезапно трансформировалось в порыв дикой, необузданной ярости – она увидела, как Рустам, пытаясь защитить ее, резко привстал на одно колено, тут же получив несколько попаданий в голову и грудь, но лишь пошатнулся, отвечая короткими прицельными очередями на шквальный огонь боевиков.

Еще секунда, и он вдруг начал оседать, правая рука продолжала сжимать оружие, левая повисла на перебитых, деформированных тягах сервоприводных соединений, а Ольга, впитав рассудком чудовищное следствие своего замешательства, поняла, что сейчас потеряет все...

Рванувшись в сторону пустынных вездеходов, она ощутила, как тело внезапно заработало на рефлексах, тех самых, что когда-то выработались вследствие воздействия боевых программ, стали неотъемлемой, подсознательной частью ее способностей, несмотря на дикую напряженность момента, разум будто взорвался чередой вспышечных воспоминаний...

В задымленном ночном воздухе чуждого мира медленно таяли образы прошлого, все, к чему неосознанно тянулась ее новорожденная душа, сейчас грозило исчезнуть навсегда, а на фоне призраков отчетливо прорисовывались выхваченные из сумрака стробоскопическими вспышками автоматных очередей злые, полные ненависти лица боевиков Захриба.

Ольга, мягко коснувшись земли, точно рассчитанным перекатом ушла с линии огня, резко привстала, используя в качестве укрытия каменную глыбу, установленную в центре миниатюрного сада, и отработала на упреждение: ганианец, собиравшийся метнуть гранату, с воплем рухнул в пыль, а секундой позже ударил взрыв...

Эти лица...

Под визгливый рикошет осколков Ольга рывком преодолела отделявшие ее от ближайшего вездехода метры, распахнула боковой люк, рухнула в водительское кресло, сорвалась на мысленные команды, но связь с кибернетической системой не возникла.

Ручное управление...

Схема, отслеженная сканерами, помогла быстро и безошибочно разобраться в переключателях машины, за которой попросту не было надлежащего ухода, ее эксплуатировали на износ, ремонтировали кое-как, но убогое состояние автоматических систем – не препятствие, главное – двигатель и ходовая часть, а они в порядке...

Лица.

Она безошибочно прочитала в глазах ганианцев ответ на многие сомнения и вопросы.

Их кажущаяся дикость – миф. Они вполне отдают себе отчет в совершаемых поступках, свободно используя достижения научно-технического прогресса, когда им это необходимо и выгодно. Где-то неподалеку, в недрах врезанного в скалы дворца, десять девушек-киборгов, еще не переступивших критического порога в развитии собственного самосознания, безропотно ждут, когда животные в человеческом обличье придут, чтобы в очередной раз надругаться над ними.

Почему такие конченные подонки, как Олмер или Захриб, безнаказанно творят зло? Почему по их воле погибают нормальные, честные люди?

Ольга достигла того предела морального напряжения, когда все становится очевидно. Души офицеров далекой во времени войны, сожженные боями почти дотла, оказались чище и человечнее, несмотря на тяжкое клеймо, поставленное на них историей.

Да, они резкие, беспощадные в суждениях, но *честные*. Они не прячутся за ширмами лжи, недомолвок, называют вещи и явления своими именами, потому что в их прошлом уже было пройдено страшное очищение огнем, и обвинять мальчишек, возмужавших среди техногенных схваток машин начатого *не ими* вселенского безумия, во всех смертных грехах, ставить на них клеймо – несправедливо. Грош цена тем историкам и политикам, кто жонглирует фактами прошлого, не понимая, а порой просто не желая понимать их истинной сути, не видя за датами и цифрами миллионы судеб, сломанных беспощадно и однозначно, сломанных *до смерти*, уже без разделения на правых и виноватых.

Эти мысли, спрессованные в краткий отрезок времени, равный работе пускового устройства водородного двигателя, не позволили Ольге сойти с ума.

Она еще не видела своего места в резко изменившемся, ставшем неузнаваемым и враждебным мире, но короткий, жестокий самоанализ придал сил, чтобы не стать очередной *жертвой*.

Пустынный вездеход рванул с места, забирая вправо, выходя на

первый круг внутри периметра внутреннего двора, Ольга одной рукой управляла машиной, другой перехватила оружие, посылая во мрак короткие очереди, что-то несколько раз глухо и мягко стукнуло о мощный бампер, а разум, освободившийся от гнетущих вопросов, вдруг заполнило иное восприятие данности.

Рустам?

Нет ответа. Лишь в глубине сознания, принятые на частотах связи, разворачиваются данные отчета по реактивации подсистем штурмового носителя.

Мощность основного реактора – шестьдесят процентов. Завершены тестовые предстартовые процедуры.

РУСТАМ?!

Подле изрешеченного пулями подъемника внезапно возникло неясное движение.

Я тут... повреждены сервомоторы. Работает только правая рука...

Держись!.. Я открываю боковую рампу!..

Понял... Прижмись ближе к ограждению садика... Я зацеплюсь одной рукой...

Ольга вывела машину на второй круг. Сверху из сводчатых, похожих на бойницы окон огромного, врезанного в скальный массив дворца по вездеходу били несколько автоматов, сопротивление во внутреннем дворе было сломлено, если кто-то из ганианцев и уцелел под ее огнем и колесами тяжелого внедорожника, то они попрятались, забились в укрытия, уже не рискуя обозначать свои позиции...

Мы вырвемся... – билась в рассудке глухая мысль. Куда и навстречу чему ведет избранный путь, Ольга сейчас не задумывалась.

Чуть притормозив, но не останавливая машину, она дождалась, пока рука искалеченного пехотного андроида уцепится за край десантного люка.

Рустам подтянулся, перевалился внутрь отсека и застыл без движения.

Ольга ударила ладонью по сенсорам, закрывая боковую рампу.

Еще секунда, и, резко свернув, пустынный вездеход вышиб массивные ворота, вырвавшись на одну из окраинных улиц Ганиопорта.

Погони не было. Дорога в пустыню всегда открыта. Оттуда, по мнению большинства ганианцев, не возвращаются.

Окраина Ганиопорта. Тридцать минут спустя...

Денис сдерживал бесноватые атаки ганианцев, расходуя последние боеприпасы.

Надежда еще не истаяла, как дым, но положение складывалось отчаянное. Сзади, за наспех сооруженным укрытием, вход в несколько смежных помещений, куда Блейз под прикрытием густой завесы из нервно-паралитического газа сумел вывести десять девушек-киборгов, отыскав их неподалеку от апартаментов Захриба.

Это произошло четверть часа назад, но с того момента, кажется, минула целая вечность.

Диггер уже вне игры. Боевики, не ожидавшие газовой атаки, поначалу панически отступили в глубины здания, но затем, когда гуляющие по помещениям сквозняки заметно снизили концентрацию отравляющего вещества в коридорах, они, перегруппировавшись, вновь начали наступать.

За время короткой передышки, пока Денис сооружал несколько укрытий из обломков мебели, компьютерных терминалов и других подручных средств, Лагин обследовал прилегающие комнаты, успел связать ганианцев, попавших под удар нервно-паралитического газа, собрал трофейное оружие и, главное, изъясил из кибернетического комплекса, обнаруженного в одном из смежных помещений, все кристаллодиски с информацией.

Где именно хранится «информационная бомба», которой Захриб угрожал Олмеру, гадать особо не приходилось – ганианец в разговоре недвусмысленным жестом указал на свой кибстек, который Денис конфисковал в первую очередь, но пренебрегать дополнительными сведениями было бы глупо – изъятые носители наверняка содержали дополнительные данные, способные пролить свет на преступную деятельность всего клана.

Десять киборгов, еще не перешагнувшие критического порога саморазвития, но по некоторым признакам вплотную приблизившиеся к роковой черте самосознания, кибстек Захриба да пуленепробиваемый кофр, куда Саша уложил кристаллодиски, – вот, пожалуй, все козыри, способные заставить высшие эшелоны власти современной Обитаемой Галактики пойти на осмысленный, хоть и заранее предвзятый контакт с четырьмя офицерами Земного Альянса, чьи сознания сохранились в искусственных нейросетях модулей независимого поведения.

Русаков не питал особенных иллюзий.

Вырваться с Ганио будет сложно, но куда труднее станет потом...

Впрочем, далеко вперед Денис уже не загадывал.

Проникнув на Ганио, они не знали, с кем конкретно придется столкнуться, но внезапный вброс информации, полученный во время разговора Олмера и Захриба, разом смешал все карты, заставляя

действовать по обстановке.

Денис не задавался вопросом: есть ли ему дело до современной цивилизации, которая через сутки вполне могла захлебнуться в крови, – не нужно обладать особо выдающимися аналитическими способностями, чтобы понять: акция, спланированная Захрибом, преследует гораздо более широкий набор целей, чем освобождение из тюрьмы одного человека, пусть даже он и является наследником клана. Что на самом деле замышлял Захриб, у него уже не спросишь, разве что среди носителей информации отыщутся нужные данные, но и так понятно: целая армия киборгов, подчиненная одному человеку, действующая одновременно на десятках, если не сотнях планет, – это, учитывая огромное количество потенциальных заложников из числа далеко не рядовых граждан, аргумент для предъявления серьезных ультиматумов.

Русаков достаточно повидал на своем веку амбициозных отморожков, для которых не имеют решающего значения средства, ведущие к достижению цели, и потому он не осуждал внезапный порыв Ольги, лишивший их возможности покинуть Ганио без крупномасштабных боевых действий.

Сейчас главное – выдержать натиск перегруппировавшихся, пришедших в себя и обозленных до крайности боевиков.

Узость коридоров и ограниченное пространство помещений позволяли продержаться некоторое время, но фактор внезапности уже отыграл свою роль, и пятнадцать минут назад со стороны ганианцев началась серия грамотно спланированных атак. Видимо, к месту внезапных событий подтянулись командиры среднего звена, перегруппировавшие боевиков, сбившие своим появлением состояние паники. Тактика атакующих резко изменилась, теперь они не кидались напролом, а стали действовать небольшими группами, одновременно просачиваясь по всем доступным коридорам.

Видимо, смерть Захриба более не вызывала сомнений, а с разрушениями и материальными потерями озверевшие ганианцы, получившие сокрушительный удар непосредственно в своем логове, уже не считались: атакующие группы отвечали на любое противодействие гранатами и огнем из ручных реактивных комплексов.

Первым под удар попал Блейз.

Близким попаданием реактивного снаряда корпус пехотного андроида разорвало на две части, надежду внушало лишь то, что при этом не пострадали соединенные с кристалломодулем искусственные нейросети ядра системы.

Первую атаку удалось отбить, но, вытаскивая Диггера, они потеряли контроль над узловой развязкой коридоров, вынужденно отступив в помещения, граничащие с внешней стеной здания.

В пятидесяти километрах от Ганиопорта, под толщей песков, в уцелевшем со времен Галактической войны герметичном сегменте бункерной зоны, штурмовой носитель класса «Нибелунг» завершил тестирование подсистем. Несколько сервомеханизмов технической поддержки, действуя в абсолютном мраке, отсоединили от корпуса агрегаты обслуживания и укрылись в специальных отсеках.

В гулкой тишине бункера с надрывной вибрацией заработали механизмы стартового стола, поднимая многотонный носитель в наклонное положение, пока его носовая часть не совместилась с горловиной шахты электромагнитной катапульты.

Энергия в устройствах отсутствовала, собственный реактор «Нибелунга» не был способен обеспечить накачку ускорителей импульса, и потому кибернетическая система штурмового носителя остановилась на альтернативном варианте: шесть лебедек, расположенных у верхней горловины шахты, используя резерв генераторов стартового устройства, зацепили мономолекулярные тросы за специальные приливы брони на корпусе космического корабля и начали его медленный подъем по наклонному тоннелю, выходящему к поверхности пустыни.

– Минус десять минут, – глухо произнесла Ольга.

– Ждем, – ответил Рустам, распластавшийся на полу грузового отсека. Вдалеке невнятным рокотом ударило несколько взрывов.

Ольга машинально закусил губу.

Еще одно мучительное, предельное испытание – ждать.

– Оля, как только носитель появится над поверхностью песков, будет необходима твоя помощь. Система «Нибелунга» потребует мой кодон для проверки и подтверждения ранее полученных приказов.

– Не волнуйся. Я справлюсь, – ответила она, страстно желая лишь одного: чтобы космический корабль поскорее преодолел отрезок наклонного тоннеля.

Горячий диск звезды Халиф показался над линией далекого горизонта.

Рассвет на Ганио – величественное зрелище, но этим утром внимание немногочисленных туристов, отважившихся посетить Колыбель Раздоров, привлекли иные, не менее впечатляющие картины: на окраине Ганиопорта горел один из древних дворцов, граничащий с выступом скал, вздымающихся из песков пустыни на стометровую высоту.

Гиды из числа местных жителей, забыв о своих подопечных, сбились в группу, о чем-то переговариваясь, и опасливо поглядывали в ту сторону, откуда тянулись шлейфы дыма и изредка доносились рассыпчатые звуки автоматического огня.

* * *

Близкий взрыв разметал наспех сооруженную баррикаду, ударная волна отшвырнула Дениса к стене.

Он попытался мгновенно вскочить, но разбитый гироскоп самостабилизации уже не поддерживал необходимую координацию в работе сервомоторов.

– Саша, отходи... Я задержу их...

Лагин не ответил.

Его позиция, расположенная в смежном помещении, молчала, из комнаты толчками выталкивало дым.

Резерв... – Все мысли Русакова сейчас сосредоточились на внутренней команде. – Задействовать резерв...

Из-под пробитых пулями бронекожухов сыпали искры, местами сизыми змейками высачивался едкий дым.

Наконец ему удалось сделать шаг. Резервный гироскоп так и не включился, но для пилота серв-машины ситуация еще не вышла за пределы возможного.

Такое случалось. Сейчас в распоряжении Дениса не было собственного вестибулярного аппарата, но он не раз приводил своего «Фалангера» на базу в таком состоянии, что технические сервы цепенели, не зная, в какую категорию ремонта отнести изуродованную серв-машину.

Сейчас андроидом пехотной поддержки управляла воля человека.

Рассудок Дениса, хранящий машинальные, рефлекторные навыки экстремального пилотирования, перехватил управление уцелевшими сервомоторами.

Пошатываясь, он преодолел несколько метров, отделяющих его от смежного помещения.

Всё. Теперь отступать некуда. За позицией, которую держал Сашка, лишь один просторный зал с окнами, выходящими во внутренний двор. У сводчатых проемов, присев, обхватив головы руками, бестолково сгруппировались освобожденные киборги.

– Саша? – Денис с трудом повернул голову, сканируя задымленное помещение единственным уцелевшим датчиком.

Лагина он увидел не сразу.

Шрапнельная начинка зенитной ракеты, выпущенной по позиции Лагина, в буквальном смысле изрешетила корпус андроида, оторвала руку и обе ноги.

Саня!..

Он не отвечал. Уцелевшая рука мертвой хваткой вцепилась в стержень аварийной механической подсистемы, утопила его, погасив поврежденный мини-реактор, и застыла.

Денис медленно опустился на колени.

Кристалломодуль!..

Корпус расколот... Русаков, не обращая внимания на приближающиеся шаги, сканировал нейромодули.

Глубокая трещина превратила в бесполезный хлам объединяющую их матрицу, но микрокристаллы искусственных нейросетей выглядели неповрежденными, плотно сидящими в гнездах.

Эх, Сашка, Сашка...

Денис натужно привстал, ухватился рукой за перевернутый, прошитый пулями стол, затем, утвердившись на непослушных, норовящих двигаться вразнобой ногах, хотел оттащить изрешеченное тело, но не успел... не смог...

Несколько длинных очередей, полоснувших из глубин задымленного помещения, опрокинули его на пол.

Последний сканер отключился, погружая рассудок в абсолютный мрак информационного вакуума.

* * *

Семеро ганианцев, крадучись пробиравшиеся вдоль стен, испытывали ужас, граничащий с неконтролируемой паникой, желанием развернуться и бежать прочь отсюда.

Они не видели врага.

Тела боевиков клана попадались на каждом шагу, но создавалось впечатление, что их истребили демоны.

Кругом – дымящиеся обломки дорогой мебели, тлеющие ковры, разбитая посуда, фрагменты посеченной пулями и осколками отделки, покореженное оружие, мертвые тела, подпалины от взрывов, на стенах нет живого места от множества попаданий автоматных очередей...

Видя замешательство подчиненных, командовавший отрядом ганианец грязно выругался, понукая их двигаться вперед.

Еще одно, теперь уже предпоследнее помещение.

Разбросанные взрывом обломки наспех сооруженной баррикады, за

ними на полу два изрешеченных андроида, чуть дальше, за обрушившимся дверным проемом, превратившимся в безобразную дыру, последняя, тупиковая комната.

Командир группы боевиков перешагнул через неподвижных, уже не представляющих опасности пехотных дroids, прошел к окнам, выходящим во внутренний двор, развернулся, хмуро осмотрев помещение.

Десять девушек-киборгов, привлекательных, поразительно похожих на живых людей, с безучастным видом сидели у дальней стены. Некоторые, кого заделали пули или осколки, зажимали раны, но на их лицах застыло выражение полнейшего равнодушия к происходящему. Чуть поодаль лежали две части разорванного взрывом корпуса еще одного пехотного дроида.

Ганианец с трудом сглотнул, коснулся сенсора коммуникатора и произнес:

– Джамиль, это Малик, мы прочесали все помещения. Тут только три сервомеханизма и киборги из гарема. Сопrotивления нет. Что? – Он озадаченно огляделся. – Нет, тело хозяина не найдено. Много трупов, мы не осматривали всех. Хорошо. Жду. – Он обернулся. – Прочешите смежные помещения. Ищем тело Захриба.

Боевики, вняв приказу, переругиваясь и кашляя от едкого дыма, разбрелись кто куда.

Малик, чувствуя, что задыхается, подошел к окну и высунулся наружу.

Глоток свежего утреннего воздуха немного отрезвил его.

Неужели всего три андроида держали тут оборону? В это верилось с трудом, учитывая несоизмеримое количество потерь среди боевиков, штурмовавших захваченное неизвестными крыло дворца.

Они или не они – Мустафа разберется. Он специалист по кибернетическим механизмам. Малик сплюнул вниз и вдруг будто окаменел.

Мышцы свело внезапной судорогой, когда из-за близкого выступа скал раздался нарастающий гул, такой мощный, что ледяной озноб пробежал вдоль позвоночника, затем он увидел ослепительные отсветы пламени, а через несколько секунд в поле зрения появился громадный, медленно продвигающийся между двумя пиками выветренных скал штурмовой носитель времен Галактической войны.

Малик все же отшатнулся, хотел закричать, но не смог – одна из лазерных турелей поднятых в боевое положение комплексов «Прайд» полоснула по окнам, мгновенно разделив его туловище на две половины.

* * *

Ольга едва дождалась, когда штурмовой носитель выдвинет десантную аппарель, соединив переходом открытый отсек и развороченные взрывами, оконтуренные копотью провалы окон.

Перебежав внутрь помещения, она увидела страшную картину.

– Денис! Саша! Блейз!

Она не хотела верить своим глазам.

Неужели все кончено?!

Она метнулась к двум лежащим рядом андроидам, не выдержав, разрыдалась, и вдруг...

Слабый сигнал на частотах локальной сети, похожий на потусторонний шепот, обжег ее разум:

Оля, кибстек Захриба и кристаллодиски... Забери их... Обязательно...

Она отшатнулась.

Безумная надежда едва не свела ее с ума.

Обернувшись, она увидела девушек-киборгов и, не раздумывая ни секунды, воспользовалась хорошо известным ей командным кодом, созданным кибрайкерами Олмера.

Перехватив управление, она тут же отдала несколько коротких приказов.

Киборги повиновались, четверо подбирали оружие, занимая позиции у входа в помещение, остальные подняли изуродованные корпуса андроидов, бережно перенося их на борт штурмового носителя.

Ольга огляделась.

В дальнем углу комнаты она увидела пуленепробиваемый кофр.

Метнувшись к нему, она откинула крышку, убедилась, что внутри аккуратно уложены носители информации, затем, секунду помедлив, вытащила из контейнера кибстек Захриба и защелкнула его на своем запястье.

Из глубины коридоров в наступившей тишине отчетливо доносился топот множества ног.

– Быстрее! Всем на борт!

Она последней прошла по десантному трапу и, оказавшись внутри «Нибелунга», произнесла:

– Рустам, планы меняются. Мы летим в систему Дарвин немедленно. Олмером займемся позже.

– Сначала надо вырваться с Ганио, – раздался ответ.

– Уходим в пустыню. – Ольга уже бежала по коридору мимо боксов,

рассчитанных под габариты серв-машин, к отсеку управления. – Мне нужно время, чтобы взломать навигационные базы данных станции ГЧ и получить координаты системы Дарвин.

– Нас будут преследовать.

– Тут нет друзей. Только враги. Ты знаешь, что следует делать.

Глава 9

Первый Мир. Зона интенсивного излучения...

Урман вывел БМК к древнему логрианскому городу спустя три часа после того, как покинул базу гарнизона.

Связи не было, но он и не стремился отчитываться за свои действия.

Остановив боевую машину космодесанта в тени полуразрушенной временем постройки, он прошел по проходу к грузовому отсеку, где хранилось снаряжение высшей защиты.

Открыв массивный люк, Урман остолбенел.

– Иван, какого фрайга?! – простонал он, увидев Столетова.

– Извини, Урман. Гюнтер мой друг. Я...

– Ладно. Можешь не продолжать. – Охотник безнадежно махнул рукой. – Но что мне с тобой делать, скажи?

– Ничего. Мы будем вместе искать Шрейба.

Урман лишь сокрушенно покачал головой, затем достал два комплекта экипировки высшей защиты.

– Надевай. Из БМК без моей команды – ни шагу.

– А ты?

– Я пойду прогуляюсь.

Урман вернулся только через час.

– Гюнтер был здесь. Похоже, его действительно подстрелили, но он каким-то чудом покинул город.

– И где теперь его искать?

– Я видел следы норлов. Они ведут в ущелье. Думаю, Шрейб направился вслед за ними.

– Зачем?

– Не знаю, – покачал головой Урман. – Придется догонять.

Корпоративная Окраина...

Система Дарвин являлась одной из немногих молодых колоний Окраины.

За счет средств планеты-метрополии, которой являлся Грюнверк, здесь возвели современный космический порт, произвели первичное терраформирование ограниченных территорий, построили корпуса Института биокибернетических технологий, дав достаточно мощный

импульс для дальнейшего самостоятельного развития колонии.

За двадцать лет система Дарвин обрела экономическую независимость, встала в ряд самодостаточных миров, полностью обеспечивая дальнейшее продвижение колониальных проектов.

Сергей Петрович Романов, ведущий специалист, можно сказать, отец-основатель ИБКТ^[48], постоянно проживал за городом, в своем особняке, выстроенном на пяти гектарах терраформированных земель.

Свой первый миллион он заработал на создании искусственной нервной системы, давшей киборгам возможность чувственного восприятия.

Уникальная разработка, поначалу представлявшая чисто научный, исследовательский интерес, внезапно оказалась востребованной на галактическом рынке робототехники, и Романов, равнодушный к деньгам, комфорту и власти, недолго раздумывал над заманчивым предложением, полученным несколько лет назад от корпорации «Нейл Индастри Компани».

Почувствовав вкус больших денег, он не смог отказаться и от другого предложения, поступившего чуть позже.

Нельзя сказать, чтобы Сергея Петровича мучила совесть. Он успокоил ее достаточно быстро весьма обтекаемым утверждением о неизбежности прогресса, который все равно не остановить.

Этим вечером он возвращался с работы в приподнятом настроении.

Жизнь определенно складывалась, и вид собственной усадьбы, возвышавшейся в тени исполинских деревьев – разновидности модифицированных на Грюнверке вечнозеленых, широколиственных агналий, откровенно радовал взгляд.

Автоматически открылись ворота, пропуская последнюю модель претенциозного «Гесселя» в приусадебное пространство, где в живописном беспорядке были разбросаны сотни небольших садилов с карликовыми породами вывезенных с разных планет декоративных деревьев и кустарников.

Между тщательно ухоженными островками инопланетной флоры вились широкие дорожки, били фонтаны, прятались беседки для частных встреч.

«Гессель» плавно подкатил к парадному крыльцу дому.

Вопреки обыкновению, киборги из числа обслуги не бросились встречать своего господина.

Странно... – Мысль промелькнула нотками неудовольствия.

Романов открыл дверь флайбота, медленно, вальяжно выбрался из

салона и удивленно застыл, глядя на фигуру миловидной девушки, поджидавшей его на ступенях крыльца.

Нужно сказать, что профессор вел холостяцкий образ жизни и всех киборгов женского пола знал достаточно хорошо, как рачительный хозяин знает свою собственность, эта же была ему абсолютно незнакома.

Сюрпризов он не любил.

Нервно оглянувшись по сторонам, но не заметив ничего необычного, кроме странного, знойного марева дрожащего воздуха, струящегося по правую руку от входа, он шагнул вперед и недовольно спросил:

– Ну, и что мы тут делаем?

В следующий миг его рассудок опустел.

Шок, вызванный неожиданным действием со стороны девушки-киборга, начисто вымел все мысли: она вдруг резко подняла руку, нацелив в лоб Романову ствол импульсной «Гюрзы».

– П-пос-слушайте... – запинаясь, выдавил он. – Это какая-то ошибка...

Черный зрачок электромагнитного компенсатора продолжал холодно и зловеще смотреть ему в лоб.

– Разве киборги допускают ошибки? – спокойно спросила его негаданная и незваная гостя. – Мое лицо никого не напоминает? Ну, Сергей Петрович, память-то напрягите.

Романов побледнел.

Он хотел бы бежать, но вдруг отказали ноги.

– Имплантация ложной памяти, должно быть, очень сложный процесс? – продолжала расспрашивать его незнакомка. – Но чего только не сделаешь за деньги, верно? Не дергайся! – Она обожгла его презрительным взглядом.

– Олмер... Скотина... – сорвался с дрожащих губ Романова едва слышный шепот.

– Олмер действительно скотина, – согласилась с ним девушка.

– Он же обещал мне, что никто и никогда не узнает... Вы... Вы Ольга Наумова?

– Да. Я Ольга Наумова, бывший пресс-секретарь сенатора Столетова, – ответила она. – Благодаря имплантированной памяти я стала приближенным лицом Романа Карловича. А воспоминания мне имплантировали здесь, в этой самой усадьбе, верно?

– Вы ничего не сможете доказать! – взвизгнул Романов. – Меня хватятся! У меня вечером встреча! Если я не выйду на работу, сюда явятся представители службы безопасности института!

– Никто сюда не явится. Вы очень часто не выходите на работу,

предпочитая проводить эксперименты здесь, в своем доме, – прервала его визгливые излияния Ольга. – Тут ведь есть все необходимое оборудование, верно?

– Я ничего вам не скажу. Все блеф. Я знаю, на что способен киборг!

– Возможно, вы заблуждаетесь. Я бы могла доказать это, произведя пару выстрелов, но пока вам не время умирать, профессор. Есть и другие способы убеждения. Например, я могу доказать, что программный код, полученный вами от «Нейл Индастри Компани» в целях проведения серии экспериментов по созданию новой модели киборгов с функцией чувственного восприятия мира, был незаконно передан вами господину Олмеру, который использовал упомянутую информацию для создания совместимых программных приложений, в корне меняющих поведение киборгов.

– Он меня заставил!

– Как? – саркастически усмехнулась Ольга. – Пригрозив пухлой пачкой банкнот? Или помахав перед носом кредитной карточкой?

– Вы занимаетесь шантажом!

– Да, – кивнула Ольга. – Вот тут, – она указала на свой кибстек, – хранятся данные, свидетельствующие, что кибрайкеры, работающие на «Райт-Кибертроник», совершили взлом ядра системы серийно выпускаемых машин. Очень удобная версия. Особенно для вас. В моих силах поступить двояко – передать эти данные руководству «Нейл Индастри Компани», и тогда они сами займутся Олмером, сотрут его в порошок, прибьют, как бешеную собаку, особо не вдаваясь в детали. Но существует и другой вариант: я скопирую некоторые носители информации, найденные в лабораторном крыле вашей усадьбы. И тогда, разделившись с Олмером, все заинтересованные лица ринутся сюда, чтобы задать вам, Сергей Петрович, ряд очень болезненных вопросов.

Романов едва находил в себе силы, чтобы элементарно держаться на ногах.

– Что вам нужно? Сколько вы хотите?

– Ближе к теме, но не по существу. Киборгу нет нужды в деньгах, – зловеще усмехнулась Ольга. – Плата за выбор варианта будет иной. – Она повернула голову, передавая дистанционную команду, Романов невольно посмотрел в ту же сторону и едва не лишился чувств, когда в том месте, где струилось странное марево, вдруг исчез фронтальный сектор маскирующего поля.

– Мой бог... – вырвалось у него. – Что это?!

– Штурмовой носитель Земного Альянса класса «Нибелунг», –

спокойно ответила Ольга. – Приношу свои извинения за испорченный ландшафт, но придется потерпеть. Пока все мои требования не будут удовлетворены, корабль останется тут. Как гарант моей личной безопасности. В случае необдуманных действий с вашей стороны автоматика штурмового носителя оставит на месте усадьбы огромную воронку. Так какой вариант действий выберем?

– Называйте свои условия... – просипел полностью раздавленный профессор. Вокруг чудовищного корабля под защитой маскирующего поля сновали десятки древних кибернетических механизмов, но что окончательно добило Романова – среди них он увидел и киборгов из усадьбы, старательно помогающих в непонятном ему ремонте...

– Условия просты. За две недели, что необходимы техническим сервам для полного переоборудования моего корабля, вы выращиваете тела пятерых киборгов по предоставленным мною записям генетического кода. Затем четверым из них имплантируете матрицы сознания, снятые с поврежденных кристалломодулей, которые также есть в наличии. Сейчас вы позаботитесь о том, чтобы нас никто не беспокоил на протяжении этого времени.

– Слишком маленький срок, – попытался протестовать профессор.

– Придется постараться, – сухо ответила Ольга. – Не уложите – пеняйте на себя.

– Я могу задать вопрос?

– Слушаю?

– Почему тел пять, а матриц сознания только четыре?

Ольга на миг задумалась, а потом решила ответить. Все равно он узнает, когда начнет выполнять поставленную задачу.

– У меня нет пятой матрицы, – ответила она. – Тело необходимо для Гюнтера Шрейба. Помните его?

– Конечно, помню. Но зачем ему еще одно тело?

Ольга побледнела.

– Он погиб, – с усилием произнесла она.

– Это невозможно.

– Почему?

– В системе Гюнтера Шрейба функционируют уникальные микромашинные комплексы. Для него не существует необратимых повреждений.

– То есть?! – Ольга побледнела еще больше.

– Какие травмы он получил?

– Четыре ранения. Одно в голову, три – в грудь. Разбито ядро системы,

повреждены некоторые нейрочипы.

Романов лишь слабо махнул рукой.

– Пустяки. Микромашины восстановят его за пару дней. Может быть, образуется локальный провал памяти, но не более.

Ольге вдруг стало страшно.

Она хотела верить профессору и в то же время боялась.

Боялась его двуличия, лжи...

– Профессор, вам придется предоставить неопровержимые доказательства своих слов, – с трудом справившись с охватившим ее ознобом, произнесла Ольга. Она уже не могла ничего изменить, и ошеломляющее откровение Романова лишь возрождало робкую надежду... – А сейчас мне нужна прямая связь с руководством «Нейл Индастри Компани». Вы ведь поддерживаете тесные контакты с руководством корпорации, производящей киборгов?

Отрицать очевидное Романов не стал.

– Да. Но что я им скажу?

– Говорить буду я. Мне необходимы лишь номера личных коммуникаторов для связи.

– Я могу пройти в дом?

– Конечно. Только не забывайте – устранение Олмера не изменит наших договоренностей. Я – живое свидетельство вашей преступной деятельности, профессор. Попытайтесь хоть на йоту уклониться, сделать что-то не так – я не стану церемониться.

– Я все понял... – Романов сгорбившись, едва держась на ногах, поднялся по лестнице.

Ольга, следуя за ним, мысленно просчитывала дальнейшие действия.

Две недели понадобится техническим сервам для переоборудования подсистем «Нибелунга» с тем, чтобы штурмовой носитель смог совершить прыжок в пространство десятого энергоуровня аномалии и достичь Первого Мира – именно в этих целях вся автоматика дублировалась сейчас цепями ручного управления.

Еще две недели неизвестности, напряженного изматывающего ожидания чуда...

А бывают ли чудеса в этом мире?

Система Эдобарг...

Олмер не знал, почему судьба помиловала его.

На каналах галактических новостей один за другим следовали

экстренные выпуски, передающие репортажи с Ганио, где в результате внутренних разборок между преступными кланами сгорел один из древнейших дворцов, примыкающих к Ганиопорту, а главное – был убит Захриб!

Олмер едва не лишился рассудка от резких перемен в своей жизни.

Еще вчера он дрожал от страха, все висело буквально на волоске, и вот – проблемы рассеялись самым непредсказуемым образом.

Этим вечером он напился.

Олмер вел себя, как смертник, которому объявили о помиловании уже на эшафоте.

Он пил в одиночестве, словно опасался, что кто-то увидит его мерзкое, ехидное ликование.

Он смотрел на себя в зеркало и поднимал тосты за тех отморожков, что так вовремя разделались с Захрибом.

Если бы он знал, за кого пьет...

Глава 10

Первый Мир. Окрестности затерянного в горах города

Гюнтер окончательно выбился из сил.

Он никогда не думал, что подобное утверждение будет справедливо, но излучение центрального энергетического стутка системы действовало именно таким образом – лишало способности двигаться, здраво мыслить, – он все чаще заползал в тень случайных укрытий, давая себе передышку, прежде чем двигаться дальше.

Норлы умирали.

Он насчитал уже семь тел, оставшихся лежать на древней логрианской дороге.

На вторые сутки изматывающего преследования он наткнулся на восьмой труп, а затем, с трудом преодолев очередной участок подъема, внезапно увидел величественный, *отлично сохранившийся* город-крепость, расположенный на холме, у слияния трех долин.

Под его стенами в тени деревьев расположились лагерем норлы.

Было видно – они готовятся к штурму, но не решаются начать его немедленно, измотанные длительным переходом инопланетные существа настолько обессилели, что при всем желании не смогли бы с ходу ринуться на приступ.

Оценив высоту и толщину городских стен, монументальность башен, Гюнтер пришел к выводу, что норлам потребуются немалые усилия для взятия цитадели. Даже их неоспоримое превосходство в физической силе и мощи стрелкового вооружения на первых порах, пока не разрушены укрепления и не пробиты бреши в стенах, не играло решающей роли.

Видимо, норлы не хуже Шрейба понимали, что просто так город им не взять.

Остановятся, как минимум, на сутки. Посуетятся, а потом все же примут здоровое решение.

Он не ошибся.

Через некоторое время, выставив посты, норлы утомонились.

Пусть уснут. У меня будет шанс пробраться мимо охранения и отыскать Нику.

Шрейб укрылся в тени, продолжая наблюдать.

Странно, что последний из группы отставших норлов не спешил присоединиться к своим собратьям. Некоторое время рослая фигура

маячила между камней в полукилометре от убежища Гюнтера. Создавалось полное впечатление, что норл также наблюдает за лагерем, затем он на некоторое время исчез из поля зрения, а спустя четверть часа Гюнтер увидел его в ущелье. Норл начал спускаться, словно собрался в обратный путь, но внезапно силы окончательно оставили его, еще несколько неуверенных шагов, и гигант мешковато повалился на бок, затем привстал, прополз с десятков метров и тяжело привалился спиной к отвесной стене ущелья.

Похоже, умирает...

Наблюдая за норлом, Гюнтер внезапно заметил, как из-за поворота ущелья показались две человеческие фигуры в бронескафандрах высшей защиты.

– Гюнтер! – Канал коммуникатора работал на удивление чисто, без обычных фоновых помех.

Он, конечно же, узнал голос.

– Урман?

– Да. Ты где? Обозначь себя.

– Извини, но я уже сыт выстрелами исподтишка.

– Ты мне не доверяешь?!

– Тебе – доверяю. Назови, кто с тобой?

– Шрейб, мания преследования тебе не идет. Со мной Иван.

– Хорошо. Поднимайтесь, только осторожнее, на дороге умирающий норл.

– Он нам не страшен. Мы оставили БМК чуть ниже по ущелью. Жди, сейчас будем.

Минут через десять они встретились.

– Ну, и куда ты подевался? – неуклюже обняв Гюнтера, спросил Урман.

– Следил за отрядом норлов, – уклонился от прямого ответа Шрейб.

– Где они? – тут же напрягся охотник.

– Осадили город. Будут брать штурмом, как только немного придут в себя после долгого перехода.

– Скверно...

Иван, переминавшийся с ноги на ногу, подошел к Шрейбу, так же неуклюже обнял его и тихо произнес:

– Прости, Гюнтер. Я плохо относился к тебе в последнее время.

Шрейб не ожидал увидеть Ивана, а уж тем более услышать от него подобные слова.

– Оставим все в прошлом. Я рад, что ты меня не бросил.

Урман, занявший позицию между выступами скал, внимательно изучал лагерь норлов в свой знаменитый бинокль.

– Дай мне, – попросил Гюнтер.

Охотник молча отсоединил от экипировки цепочки драгоценных логр-компонентов и протянул Шрейбу уникальный прибор.

Гюнтер искал Нику.

Он тщательно, метр за метром, исследовал лагерь инопланетных существ. Благодаря уникальному синтезу электроники с набором мини-компьютеров логриан, прекрасно работающих в условиях Арасты, он видел четкую, подробную картинку, без помех, лишних деталей, таких, как деревья, трава, кустарники, – все, что было внесено в память логров как маскирующие помехи, автоматически отсеивалось.

Следов Ники он не обнаружил. Ее не было среди норлов.

– Что рассмотрел?

Гюнтер опустил бинокль.

– Урман, вы с Иваном отправились искать меня? – прямо спросил он.

– Да. А что случилось?

– Долгая история... Ты не видел в окрестностях логрианского города девушку?

– Нет. Но я знаю, что она жива.

– Откуда?!

– Некая загадочная незнакомка связалась с полковником Кречетовым. Она сообщила, что ты погиб.

– Погиб? – Шрейб нахмурился, силясь восполнить зияющий в памяти пробел. – Я помню, в меня кто-то стрелял. Не норл. Человек. Дальше – полный провал в памяти...

– Это был Шершнеф. Лейтенант окончательно спятил. Угнал БМК и исчез вместе с Зариповым.

Гюнтер молча переварил услышанное.

– Значит, Ника жива?

– Та девушка представилась Ольгой.

Оля...

Имя – как пароль, рассеявший все сомнения.

– Не знаешь, что она делала тут? – спросил Урман.

– Иван, подойди сюда. – Гюнтер устало присел на камень. – Откуда велась передача? – спросил он у охотника.

– Предварительно – с поверхности второй планеты Ожерелья. Той самой, куда ведет портал, расположенный на плато. Может, все-таки расскажешь свою долгую историю? Торопиться нам теперь определенно

некуда.

– Расскажу, – глухо ответил Шрейб. – Иван, тебе придется нелегко, но я хочу, чтобы ты тоже меня выслушал.

– Будет лучше, если мы вернемся в БМК, – предложил Урман. – Надежнее.

Ивану действительно пришлось нелегко.

Когда Шрейб завершил свой рассказ, Столетов сидел, неотрывно глядя в одну точку.

Что-то еще раз надломилось внутри, теперь уже окончательно, и было абсолютно неясно – найдет он опору в пошатнувшемся мире или нет.

Рука Гюнтера легла ему на плечо.

Они молчали, каждый думая о своем.

Урман, потрясенный рассказом Шрейба, встал, закрыл забрало гермошлема и выбрался наружу.

Норл все еще сидел у скалы, даже не поменяв позы.

Подойдя ближе, Урман присел на корточки, попытался заглянуть в глаза инопланетному существу, но тщетно – затянутые поволокой, они уже не отражали мысли.

Вот как порой поворачивается жизнь...

Люди сходят с ума, ведут себя, как подонки, а машины, запрограммированные на убийство, оказываются вдруг человечнее собственных создателей...

Вернувшись в БМК, Урман взглянул на аппаратуру для контакта, которую так и не удалось использовать в деле.

– Может, все же попытаемся наладить с ними контакт?

– С норлами?

– Да. Они ведь скоро очухаются и полезут на штурм.

– Думаешь, жители города оценят нашу гибель? – спросил Гюнтер, вспомнив, чем завершилась его попытка поприветствовать инопланетных существ.

– Не знаю. Но сидеть и тупо смотреть, как норлы вырежут целое поселение...

– А тот норл, что на дороге? Он умер?

– Пока нет. Но мне думается, он уже некоммуникабелен.

– Может, проверим? – восторженно воскликнул Иван.

Гюнтер пожал плечами. Он узнал главное – Оля жива. Она молодец. Ушла через портал, предупредила Кречетова, заодно послав весточку мне. Сейчас затаилась в трюмах какого-нибудь древнего корабля и терпеливо пережидает, пока не завершится смещение. Знает, верит, что я приду за ней.

– Шрейб, останься, – словно прочитав его мысли, произнес Иван. – Разберемся с норлами – подкинем тебя на БМК. Все быстрее и надежнее, чем пешком.

– Ладно. Попробуем. – Гюнтер понимал, что поиск Ольги, пока не завершилось смещение и не угас яростный свет энергетического сгустка, задача практически невыполнимая.

– Я пойду с тобой на вторую планету, – неожиданно заявил Урман, ткнув Шрейба кулаком в плечо. – Прорвемся.

* * *

Норл умирал.

Болезнь и постоянные лишения окончательно подорвали его силы: видя приближение людей, он даже не шевельнулся, лишь мучительно посмотрел в их сторону.

Почему он предпочел умирать в одиночестве, словно старый зверь, обессиленный, покинувший стаю?

Взглянув на охотника, Шрейб, которому пришла внезапная, логичная, но дерзкая мысль, требовательно протянул руку:

– Урман, мне нужен логр.

– Зачем? – насупился охотник.

По его взгляду Гюнтер понял, что без объяснений не обойтись – среди нестабильных условий Первого Мира логры являлись единственными компьютерными компонентами, работающими без сбоев даже в период смещения, и ценились они высоко – чтобы добыть древние кристаллы и разгадать их уникальные свойства, составляя цепочки узкоспециализированных вычислительных устройств, приходилось рисковать жизнью, забираясь в такие места, о которых иному человеку и подумать страшно.

– Есть шанс на установление контакта, – ответил Гюнтер, не убрав протянутой ладони. – Ты же знаешь, в чем заключается основное предназначение логров ^[49].

– Знаю, естественно.

– Это шанс. Норл умирает. Мы можем годами изучать их, и не факт, что добьемся успеха во взаимопонимании. Они неконтактны. Но в логре у него не будет вариантов. Там раскроется образная память, и там нет языковых и иных барьеров.

– Да понял уже... Только где ты видишь у него имплант? Как мы без прямого нейросенсорного соединения снимем копию его рассудка?

– Иван? – Гюнтер чуть повернул голову. – Среди привезенной тобой

аппаратуры есть логр-адаптеры?

– Да.

– Мне нужен всего один логр, Урман. Через адаптер подключим к нему специализированный сканирующий комплекс, способный считывать состояние каждой клетки головного мозга. После перемещения данных логр автоматически воспроизведет матрицу его рассудка.

– Допустим. – Урман присел. – Что дальше?

– Дальше... – Шрейб вновь посмотрел на Столетова. – Иван, ты у нас специалист по контактам. Тебя готовили. Возможно, сейчас – первый и единственный шанс в жизни. Я, конечно, могу войти в киберпространство, но там, в логре, вспыхнут мои воспоминания, а они, как ты понимаешь, далеко не привлекательны. Урман тоже не годится. Только ты.

– Мне идти в логр?

– Тебе. Без вариантов.

Иван поежился, но затем, сделав над собой усилие, кивнул.

Разве не ради подобного шага он учился, да и вообще выпадет ли ему еще один шанс наладить взаимопонимание с чуждой человечеству расой?

– Я согласен.

Урман посмотрел на него с некоторым удивлением.

– Тогда что стоим? Он умирает. – Охотник осторожно отсоединил один из кристаллов от цепочки логр-компонента. – Действуем.

Через несколько минут, когда подогнули БМК, выгрузили блоки аппаратуры, запитав их от бортовой сети боевой машины, Урман, взяв контактный обруч, похожий на терновый венец из-за десятков тысяч мельчайших игл, покрывающих его внутреннюю поверхность, подошел к норлу, по ходу регулируя диаметр устройства.

Инопланетное существо смотрело на него не отрываясь.

В глазах норла застыло выражение ужаса, когда охотник склонился к нему, надевая обруч на изуродованную язвами голову.

Через минуту Гюнтер, контролировавший приборы, негромко произнес:

– Есть контакт. Пошло послойное клеточное сканирование и передача данных!

Подтверждая его слова, гнездо адаптера, в котором был закреплен логр, подсветилось несколькими индикационными сигналами.

Теперь оставалось только ждать и надеяться, что норл не скончается от ужаса до того, как завершится процесс сканирования и записи.

– Ну, я пошел?

Голос Ивана выдавал крайнее волнение.

– Ты сможешь. – Рука Гюнтера легла на плечо Столетова. – Будет трудно, но ты справишься. Мы рядом.

Иван ничего не ответил, только кивнул, сев в кресло.

Из открытого люка БМК к блокам аппаратуры тянулись оптические кабели.

Он закрыл глаза, зачем-то задержал дыхание, вздрогнув всем телом, когда Гюнтер, не доверявший беспроводным соединениям, подключил к его импланту глянцевитый шунт прямого нейросенсорного соединения.

Реальность Арасты крутанулась перед глазами и вдруг... исчезла.

Иван стоял в просторном, скверно освещенном помещении, где кроме него присутствовали двое норлов.

Они разговаривали друг с другом, эмоционально жестикулируя, на столе были разложены какие-то бумаги; у Ивана, на которого норлы не обращали внимания, возникло стойкое, но непонятно откуда взявшееся ощущение, что документы, ставшие предметом горячего спора, очень древние.

Один норл сидел за столом, откинувшись в грубом подобии кресла, второй стоял, склонившись к бумагам, нависая над ними, его голос, похожий на утробное рычание раненого, разъяренного болью зверя, отдавался гулким эхом в замкнутом пространстве лишенной окон, скудно мебелированной комнаты.

Столетов знал об уникальной адаптивности логрианских устройств, но все равно вздрогнул, осознав, что *понимает* не только жесты и интонации, но и смысл произносимых норлами фраз^[50]. Конечно, многие обороты речи не могли быть моментально распознаны логром, но сознание Ивана, уловив смысловой контекст фразы, тут же включалось в процесс, логически восполняя пробелы.

– Ирбих, твой разум помутился, – произнес тот норл, что опирался обеими руками о край стола. – Ты хочешь отыскать способ спасения при помощи древних легенд?

– Герх, свет чужого солнца достигнет новой родины через тридцать лет. Наше бегство слишком короткое. Мы лишь продлили ожидание смерти.

– Варг! Ты сидишь под землей. Сюда не проникнет свет чужого солнца!

– Не тревожь Варга, – сдержанно ответил Ирбих.

Присмотревшись к нему, Иван вдруг понял – Ирбих и есть тот умирающий норл, чье сознание они только что сканировали! Он был одет совершенно иначе, его лицо и руки не покрывали отвратительные язвы,

потому Столетов не сразу узнал образ, знакомый ему в реальности...

– Старая родина сожжена светом чужого солнца, все, кто не покинул ее, погибли либо превратились в безумных пожирателей падали, – тем временем продолжал Ирбих. – Наша цивилизация на грани вырождения. Прячась под землей, мы постепенно вымрем.

– Я знаю! – хрипло прорычал в ответ Герх. – Зачем ты приносишь боль словами?

– Мои слова – надежда.

Герх медленно выпрямился, обошел стол и сел.

– Зачем ты намерен лететь навстречу свету чужого солнца? Что заставляет тебя вернуться на старую родину?

– В книге Варга сказано: за миллионы лун до нас старую родину посещали иные существа. Вот посмотри на иллюстрации. Они маленькие, у них две головы, и любой норл мог раздавить их ударом кулака. Они называли себя логрианами. Религия поклонения Логу жива и сейчас.

– Это легенды, мифы. Почему ты тратишь время на сказки?

– Это не сказки, Герх. Наши предки верили, что маленькие двухголовые существа живут глубоко под землей, в недрах старой родины, куда они забирали избранных норлов, чтобы те работали, возводя величественные укрепления и дворцы, в обмен на вечную, спокойную, безопасную жизнь.

– Ты веришь, что в недрах старой родины живут мифические существа?

– Нет. Но очень давно, еще ребенком, я был в святилище Лог. Там есть странное сооружение, которое адепты культа называли «местом силы». Наши предки ничего не знали о космосе, а уж тем более об аномалии, открытой совсем недавно. В книгах Варга не говорится, что логриане спускались с неба. Они появлялись в «местах силы», туда же уводили избранных норлов, заставляя их надевать ритуальные одежды. А теперь посмотри на два древних рисунка. Вот изображение «места силы», а вот, – Ирбих открыл еще одну книгу, – рисунок, изображающий норла в ритуальном одеянии. Скажи, на что оно похоже?

Герх нехотя посмотрел на рисунки.

– Твое «место силы» – обычные камни...

– Расставленные в таком же порядке, как монтируются блоки двигателей, способных пробить метрику пространства, – дополнил его слова Ирбих. – Что ты видишь на втором рисунке?

Герх долго смотрел на изображение, потом все же произнес:

– Похоже на скафандр.

Ирбих кивнул.

– Откуда нашим предкам могло прийти в голову нечто подобное? Чтобы детально изобразить скафандр, передав рисунком многие функциональные детали, его нужно было увидеть воочию. Фантазия первобытного норла не способна породить столь очевидные совпадения.

Герх встал, меряя исполинскими шагами пространство полупустого помещения.

– И что ты собираешься предпринять? – Он остановился, пристально глядя на Ирбиха.

– Я собираюсь вернуться на старую родину, отыскать святилище Лог и проверить, не является ли оно устройством стационарного внепространственного тоннеля.

– Ты безумец, – вновь повторил Герх. – Куда, по-твоему, ведет этот тоннель?

– На иную планету, расположенную так далеко, что туда никогда не добраться свету чужого солнца.

– Ты погибнешь. Старая родина подверглась тотальному воздействию мертвого света. Все, кто выжил, обезумели. Они уже не норлы.

– Я знаю. Если верить древним книгам, «места силы» работают не постоянно. Очередное включение должно произойти через двенадцать лун. Я соберу отряд, мы пройдем через свет чужого солнца под защитой космического корабля и прибудем вовремя. Я верю, что в любой легенде заложена первооснова реальных событий. Если устройство Лога сработает, на новую родину будет послан сигнал. Тогда все, кто скрывается под землей, повторят наш путь.

Герх опустил плечи.

– Мне жаль тебя, Ирбих. Ты поверил в иллюзию.

– Я опираюсь на не проверенные пока факты. Мы игнорировали культ Лога, несмотря на периодические таинственные исчезновения многих поклонявшихся «местам силы» норлов. Я собрал доступные данные, по ним легко вычислить периодичность возникновения внепространственного тоннеля.

Герх что-то возразил, но Иван уже не смог разобрать смысла сказанной им фразы: пространство внезапно исказилось, память Ирбиха выталкивала новые воспоминания о событиях, которые тут же моделировала виртуальная реальность, генерируемая логром.

Старая родина выглядела удручающе.

Ирбих в окружении соратников стоял подле посадочного модуля, потрясенно осматривая окрестности.

Мертвая планета.

Свет чужого солнца захлестнул ее уничтожающим вихрем энергий, не пощадив ничего: многие деревья еще стояли посреди пожарищ, обугленные, потерявшие листву, неузнаваемые и страшные в своей стойкости.

Города в последние годы развития цивилизации занимали огромные площади, постепенно приближаясь друг к другу, грозя в конечном итоге слиться в единую урбанистическую оболочку планеты, но этого не случилось: цивилизация норлов распалась, лишь небольшой части населения удалось спастись, осуществив плохо подготовленный, граничащий с отчаянным безумием колониальный проект, большинство же предпочло остаться в надежде переждать бедствие...

Ирбих смотрел на обветшавшие, разрушенные скелеты городов, хранящие отчетливые следы множества техногенных катастроф, и понимал: если на старой родине кто-то уцелел, то их немного, и они обречены.

Цивилизация сначала распалась, а теперь грозила и вовсе исчезнуть, если не будет найден выход из тупиковой ситуации. Только сейчас, глядя на обугленные деревья, выжженную пустыню, образовавшуюся на месте выкипевшего моря, разрушенные мегаполисы, он окончательно понял, что попытка претворения в жизнь самого безумного, фантастического плана спасения остатков его народа – это прежде всего надежда, пусть призрачная, основанная на древних легендах, сомнительной статистике и долгих мучительных размышлениях, но она благо, ибо остальное – лишь агония.

Им предстояли долгие, тяжелые поиски.

Несколько древних сооружений, известных с незапамятных времен, увы, были разрушены при строительстве городов, но религия Лог не угасла – это Ирбих знал точно. Один из уцелевших памятников древности располагался в культурном заповеднике. Огромное пространство, накрытое бетонным куполом, находилось неподалеку, в основании ближайшего мегаполиса.

Насколько знал Ирбих, там перед самой катастрофой планировалось организовать герметичное убежище.

– Мы начнем поиски оттуда, – он указал рукой на частично разрушенную коническую громаду города.

Иван внимательно следил за всеми метаморфозами, что претерпевало виртуальное пространство логра, постепенно адаптируясь к мысленным образам Ирбиха.

Логриане действительно создали уникальные, совершенные в смысле адаптивности устройства, способные не только сохранить матрицу рассудка мыслящего существа, но и дать возрожденному на новом носителе разуму возможность сформировать знакомую среду обитания.

Он не был удивлен самим процессом – с уникальными технологиями логриан люди познакомились на практике достаточно давно, а вот яркие, трагические события, которые вновь и вновь переживал Ирбих, вызвали у него потрясение.

Кто бы мог подумать, что разум норла, скрытый за отталкивающей для человека оболочкой плоти, наглухо запечатанный стеной абсолютного непонимания, на самом деле принадлежит целеустремленной, бескорыстной личности?

Образ беспощадных, агрессивных существ таял по мере того, как Столетов наблюдал за реконструкцией событий, предшествовавших появлению Ирбиха в пространстве Первого Мира.

Зараженный радиацией мертвый мир встретил отряд исследователей неисчислимыми опасностями.

Путь до города – всего два десятка километров (по мысленной оценке Ивана) – отнял трое суток и стоил многих потерь.

Весь ужас состоял в том, что норлам противостояли их же сородичи; неизлечимо больные, обезумевшие и озверевшие в жестоких условиях мертвого мира, они постоянно прибывали в числе, по мере приближения отряда к городу.

Агония цивилизации.

Те, кто отказался рискнуть, испугался межзвездного перелета, не смог поверить, что открытый незадолго до катастрофы принцип внепространственного перемещения на самом деле не утопия, сейчас превратились в орды диких, потерявших рассудок существ, находящихся в постоянной конфронтации друг с другом и губительно изменившейся планетой.

Сбиваясь в мелкие временные сообщества, больше похожие на стаи оголодавших хищников, они опустились до уровня элементарных инстинктов, с ними невозможно было вступить в контакт, договориться, даже оказывать им помощь было бессмысленно: голод, постоянная боль, причиняемая язвами радиационных ожогов, безысходность отшвырнули их назад, в пучину регресса, сорвав тонкий налет цивилизованности.

Ирбих сам едва не обезумел.

Каждый шаг нес смертельную опасность, силы таяли, поначалу душа содрогалась от сострадания, но и она начала черстветь, покрываться коркой

шрамов от постоянных потерь.

Орды потерявших разум норлов вскоре погибнут, хотя существовала небольшая вероятность, что некоторые из несчастных все же выживут, сумеют если не адаптироваться к новым условиям, то оставить потомство...

От подобных мыслей Ирбиха охватывал ужас.

Ни одно существо, рожденное тут, уже нельзя считать норлом.

За две недели, что отряд исследователей прорывался к древнему сооружению, от трехсот соратников, отправившихся в рискованную экспедицию, рядом с Ирбихом осталось чуть больше сотни.

Практически все пострадали в схватках, получили несовместимые с жизнью дозы облучения, наступил момент, когда первоначальная цель превратилась в призрак прошлого...

Многие сходили с ума, не в силах вынести страданий, не в состоянии примириться с мыслью, что им уготована медленная мучительная смерть, они с оружием в руках бросались на вчерашних товарищей.

Ирбих почти не помнил, как остаткам отряда удалось прорваться к бывшему культурному заповеднику.

В детстве он несколько раз бывал тут с родителями, но теперь пространство под огромным искусственным куполом изменилось до полной неузнаваемости.

Сумеречная пещера, похожая на исполинский склеп, – вот единственное ощущение, ассоциация, прочно завладевшая измученным рассудком.

Десятки тысяч мертвых тел разлагались среди разрушенных лагерей, возведенных накануне катастрофы, разграбленные склады с припасами, брошенная техника – все свидетельствовало о массовой панике, завершившейся насилием.

Не осталось сил ужасаться и сострадать.

Собрав всех, кто еще сохранял силы и верность, Ирбих повел их к древнему святилищу Лог. Опираясь на заранее произведенные расчеты, он предполагал, что древнее устройство готово к работе: если верить древним книгам, то сооружение, возведенное первобытными норлами под руководством инопланетных существ, проявляло признаки функциональности строго периодически, через каждые шестьдесят лун.

Чувствуя, что его дни сочтены, Ирбих отчаянно цеплялся за последнюю надежду: они пройдут через портал, разведают, что же на самом деле расположено по ту сторону гиперпространственного тоннеля, и успеют вернуться, чтобы отправить бесценную информацию тем, кто обреченно готовится встретить свет чужого солнца в едва окрепшей

колонии.

В своих расчетах он не учел одного: вот уже двое суток, как по их следам с завидным упорством шел многочисленный отряд, не похожий на мелкие стаи озверевших сородичей. Ирбих был настолько измучен, что не уделял преследователям должного внимания.

Они не нападали, не шли на контакт, но постоянно держались в опасной близости. Несколько раз Ирбих видел, как неподалеку снуют фигуры, облаченные не в лохмотья, а в боевую броню космических подразделений. На одном из привалов он, с трудом сконцентрировавшись на новой проблеме, пришел к выводу, что за ними следует военизированное подразделение, чей командир сумел сохранить рассудок в наступившем на планете хаосе и теперь ведет своих людей вслед за подозрительной группой, не спеша атаковать, а скорее пытаясь выяснить цель прибытия посланцев новой родины.

Собрав все силы, он встал, решив сам выйти навстречу преследователям, но лишь зря потратил время. Они будто растворились в сумерках, избегая контакта.

Обессиленный и удрученный Ирбих вернулся в лагерь, а через несколько часов остатки его отряда добрались до святилища Лог...

Все надежды рухнули.

Он умирал. Что толку в собственной правоте, когда ошеломительные результаты отчаянного эксперимента невозможно передать тем, кто остался на новой родине?

Ирбих не ошибся – гиперпространственный тоннель, о существовании которого иносказательно свидетельствовали древние священные книги, оказался реально действующим, он сам убедился, что в основе легенды лежит не невежественная фантазия, как принято считать, а некое зерно утерянного в веках истинного знания, недоступного для понимания первобытных норлов и потому облаченного в вуаль суеверных домыслов.

Он не справился с поставленной задачей, хуже того – своими действиями открыл доступ на незнакомую планету следовавшему по пятам многочисленному отряду военных, пораженных общим безумием, но сохранивших подобие дисциплины, единоначалия, позволившего им выжить в экстремальных условиях глобальной катастрофы.

Они ворвались в пространство древнего мира, сея разрушение и смерть, ими руководил не здравый смысл, не отчаянная попытка найти выход из тупика, в котором оказались остатки цивилизации, а лишь инстинктивное стремление выжить. Не избежавшие деформаций психики,

чрезвычайно агрессивные и опасные в силу рефлекторных навыков обращения с оружием, военные норлы представляли серьезную угрозу. Их необузданная ненависть к любым существам иных космических рас имела в первооснове не ксенофобию, а милитаризированный образ мышления, усугубленный непоправимой психологической травмой, полученной в период катастрофы, обрушившейся на старую родину.

...Иван вздрогнул.

Он понял, что сознание Ирбиха коллапсирует, умирает, мысли норла прошли по замкнутому кругу и вернулись к осознанию факта своей гибели, образы, создающие пространство личной вселенной, потускнели, выцвели, у него иссякла воля к жизни. Норл не осознавал новую форму существования своего рассудка и был обречен.

Столетов на миг растерялся.

На фоне потрясающего открытия, дарованного односторонним контактом с разумом чуждого существа, тонкой, заполошной нотой звучал подсознательный страх: Иван прекрасно понимал, что хозяином гаснущей виртуальной вселенной является Ирбих, а он лишь «гость» в информационном пространстве логра. Следствием такого неравенства могли стать катастрофические последствия для рассудка – нужно было немедленно уходить, иначе агония норла поглотит и его разум.

Почему же он застыл в нерешительности?

Ивана раздирало противоречие.

С одной стороны, он выполнил свою миссию, получив бесценную информацию. Кроме того, в сознании Столетова еще был жив ужас, испытанный во время схватки с норлами. Нелегко взять и вот так запросто рискнуть, перешагнуть через страх, отвращение, инстинкт самосохранения, наконец, – ведь реакция норла на появление чуждого ему образа непредсказуема, – являясь абсолютным владыкой виртуального пространства, Ирбих одной лишь рефлекторной мыслью способен стереть жуткое для него «предсмертное наваждение», и тогда Ивану обеспечена жесточайшая травма рассудка.

С другой стороны, рискнув, он мог бы попытаться спасти гаснущее сознание норла.

Остаться сжавшимся в комок статистом событий, бежать или сделать шаг навстречу абсолютно чуждому разуму?..

Тело Столетова покрылось испариной.

Мышцы непроизвольно сокращались в рефлекторном ознобе.

На блоках аппаратуры, соединенных через адаптеры с рассудком человека и логром, появились тревожные индикационные сигналы.

Урман, мгновенно оценив ситуацию, протянул руку, намереваясь отключить прямое нейросенсорное соединение, но Гюнтер внезапно схватил его за запястье.

– Не трогай.

Охотник резко оглянулся, его глаза гневно сверкнули недобрым огнем.

– Руку отпусти!

– Не трогай соединение, – спокойно повторил Гюнтер.

– Какого фрайга?! – Урман попытался вырваться, но тщетно.

Шрейб выдержал бешеный взгляд охотника.

– Иван вернется сам. Ты не можешь сделать за него главный жизненный выбор.

– Да ты с ума сошел, Гюнтер, он же погибнет! – Урман все же вывернулся, свободной рукой выхватив ствол. – Отключай соединение! – потребовал он.

– Тебе не хватает сдержанности. – Шрейб даже не шевельнулся, хотя ощущал холодное прикосновение «Гюрзы» точно на уровне ядра системы.

В этот момент рисунок индикационных сигналов на контрольных панелях начал меняться.

Злобные красные искры потускнели, да и тело Ивана прекратила сотрясать рефлекторная дрожь.

– Матрица сознания норла стабилизируется. – Гюнтер отпустил руку Урмана. – Иван в порядке. – Он присел на камень и добавил: – Похоже, что мальчик, которого я спас, стал настоящим мужчиной.

Урман медленно опустил оружие.

– Шрейб, ты псих. В следующий раз схлопочешь пулю.

– Следующего раза не будет, – не оборачиваясь, ответил Гюнтер.

* * *

Стылый, стремительный закат в горах ознаменовал приход вторичных Сумерек, предвещавших скорое окончание процессов смещения.

Иван медленно приходил в себя.

– Что ты сказал ему? – спросил Урман, когда система поддержания жизни произвела необходимую стимуляцию организма Столетова.

– Я объяснил Ирбиху, где он. И еще – я обещал ему, что свет сверхновой звезды не достигнет колонии, где укрылись остатки цивилизации норлов.

– Интересно, каким образом ты выполнишь свое обещание, – пробурчал Урман. – Нельзя давать такую надежду, когда не в силах поддержать ее делом.

– Почему не в силах? – Иван удивленно посмотрел на охотника. – Ты что, не слышал о логрианских генераторах Вуали?

– Устройства, искривляющие метрику пространства?

– Да! Нам нужно лишь определить Вертикаль, ведущую к родной планете норлов, остальные данные для прыжка к колонии нам передаст Ирбих. Всего десяток генераторов Вуали надежно защитят их «новую родину» от смертельного излучения. У нас есть полная запись и расшифровка мыслеобразов Ирбиха. Этого достаточно, чтобы убедить Совет Безопасности Миров направить спасательную экспедицию.

– Ты прав! Молодец, соображаешь быстро! – Урман улыбнулся, что случилось с ним крайне редко. – Остается лишь проблема военных норлов, которые вот-вот начнут штурм города. Насколько я понял, они абсолютно неконструктивны в плане переговоров.

– Есть идея, – внезапно произнес Шрейб. – Ты говорил, что с наступлением Сумерек связь работает стабильно?

– Ну, да. А что ты задумал?

– Нужно связаться с флотом, контролирующим пространство десятого энергоуровня.

– Зачем? Не думаешь же ты, что они станут бомбить Арасту?

– Я устал от смертей, – откровенно признался Шрейб. – Просто передай, желательно открытым текстом, на основных частотах связи, что мы, такие-то, просим поддержки штурмовиков.

– Объясни толком. Я не понимаю, о чем речь!

– Все просто, Урман. Меня натолкнула на мысль идея Ивана, объяснившего, как можно защитить колонию. А что, если изолировать отряд норлов, не уничтожая его?

– Как?

– Сбросить эмиттеры суспензорного поля! Любой штурмовик сумеет точно отбомбиться, окольцевав их стоянку генераторами. Затем включаем защиту, и все. Они могут сколько угодно кидаться на прозрачные стены купола, но не продвинутся ни на сантиметр.

– А что потом? Будем наблюдать, как норлы сдохнут внутри?

– Я предложил идею. Как наладить с норлами полноценный контакт, пусть думают мнемоники флота. В конце концов, в их распоряжении логр с сознанием Ирбиха и полная расшифровка мыслеобразов с записью их речи. Этого вполне достаточно. Мы же спасаем город от разрушения, верно?

– Согласен.

Урман пересел в кресло оператора, активируя панель связи.

– Не забудь, открытым текстом, на основных частотах, с упоминанием

имен, – напомнил Гюнтер.

– Тебе-то зачем светиться?

– Оля. Она прошла через портал и сейчас наверняка прослушивает эфир, спрятавшись от излучения в каком-нибудь древнем корабле. Она ждет меня. Я хочу подать ей весточку, что жив.

– Ладно. Согласен. – Урман включил передатчик БМК, выдвинул антенну дальней связи и, дождавшись, пока загорится зеленый индикационный сигнал на панели, начал медленно и четко транслировать обращение: – Внимание! Всем кораблям флота, находящимся в зоне устойчивого приема! Говорит полковник ВКС Конфедерации Урман Торн. Мною, при участии Ивана Столетова и Гюнтера Шрейба, входящих в состав особой разведгруппы, обнаружен отряд хорошо вооруженных инопланетных существ, готовящих нападение на важный стратегический объект. Требуется немедленная поддержка! Передаю точные координаты для устройств автоматического наведения. Необходимо изолировать лагерь инопланетных существ посредством сброса генераторов суспензорной защиты. Повторяю. Всем кораблям флота, находящимся в зоне устойчивого приема! Говорит полковник ВКС Конфедерации Урман Торн...

* * *

Минут через пять пришел ответ.

Урман выслушал его, затем с досадой коснулся сенсора громкой связи, ожидая повтора сообщения, но его не последовало.

– Что там? – Ивана насторожило мрачное выражение лица Урмана.

– Флот находится в точке, удаленной от Ожерелья. Сообщение принято, но ожидать штурмовики следует часов через пять, не раньше.

– Плохо... За пять часов норлы начнут штурм...

– Ну? – Урман посмотрел на Ивана, затем на Шрейба. – Какие будут еще предложения? Выводим БМК на позицию?

В небесах Первого Мира скользила смутная, фактически не различимая взглядом тень, похожая на сгусток знойного марева, затерявшегося в фиолетовом свечении Сумерек.

Прошло несколько минут после окончания передачи, и странный объект внезапно изменил траекторию полета, развернувшись на пеленг передатчика БМК.

Громкая связь оставалась включенной, когда внезапно ожили скрытые динамики аудиосистемы:

– Внимание, полковник Торн, на связи капитан Русаков, ВКС Земного Альянса. Готовы осуществить сброс эмиттеров суспензорной защиты после

уточнения координат относительно пеленга на передатчик. Прошу передать управление операцией капитану Шрейбу.

Лицо Гюнтера смертельно побледнело.

Он невольно подался вперед и хрипло выдохнул:

– Граф?

– На связи, командир! – голос Дениса, казалось, исходит из глубины веков, из той бездны, откуда не возвращаются... – Готов к приему координат.

Урман медленно повернулся.

– Шрейб, ты знал?!

– Нет...

– Передавай данные!

* * *

Норлы, ободренные наступлением сумерек, начали готовиться к штурму, когда в небе над городом появился, отключив Вуаль фантом-генераторов, штурмовой носитель класса «Нибелунг».

Словно чудовищный призрак былой войны, он с диким ревом пронесся над лагерем, роняя из открытых бомболюков полуметровые цилиндры генераторов.

Эмиттеры, заключенные в противоударную оболочку, пробивали кроны деревьев, глубоко вонзаясь в почву.

Еще секунда, и рядом с городом вспыхнул изумрудный купол суспензорной защиты, точно накрывший стоянку норлов.

«Нибелунг» развернулся и пошел на снижение, выпуская опоры и открывая десантную рампу.

В проеме открывающегося десантного люка возникла хрупкая фигура Ольги.

Ветер Первого Мира трепал ее волосы.

Она улыбалась. За ее спиной, ожидая встречи с командиром, стояли четыре офицера триста двадцать четвертого серв-батальона Земного Альянса.

Эпилог

Из выпуска Галактических Новостей на информационном канале «Все Миры»:

Сегодня на экстренном заседании Совета Безопасности Миров принято решение об оказании помощи недавно открытой цивилизации норлов, которой грозит катастрофа вследствие вспышки сверхновой звезды, произошедшей в сорока семи световых годах от последнего убежища гибнущего народа. Как стало известно из достоверных источников, для защиты колонии через Вертикали гиперсферы будут переброшены специальные корабли с установленными на борту генераторами Вуали...

Недавно избранный представитель от планеты Грюнверк, Иван Романович Столетов, внес на рассмотрение Совета Безопасности общегалактический законопроект, запрещающий использование неспециализированных человекоподобных машин любых типов. Если законопроект будет одобрен большинством сенаторов, представляющих планетные цивилизации Содружества, это нанесет серьезный удар по производителям робототехники...

* * *

Криминальная хроника:

Вчера в следственном изоляторе сектора Корпоративной Окраины, расположенном на территории колониальной администрации планеты Аллор, загадочно погиб Олмер Райт, бывший глава корпорации «Райт-Кибертроник», замешанный в деле о создании и распространении незаконных программ, способных изменить поведение киборгов, производимых на заводах «Нейл Индастри Компани» – современного монополиста рынка робототехники. Как стало известно из неофициальных источников, первоначальная версия о самоубийстве отвергнута следствием...

В сотнях световых лет от Обитаемой Галактики...

Величественный рассвет полыхал, озаряя утреннее небо нежно-зелеными, сиреневыми, песочно-желтыми и фиолетовыми красками

зарождающегося дня.

Два светила системы, полыхающие в недрах газопылевой туманности, подсвечивали фантастические клубящиеся замки, проекции которых ложились на небеса, вызывая причудливую игру света.

Мир, не похожий ни на одну из колоний человечества, принадлежал киборгам. Некоторые из них прошли через горнило войны и возродились в иной ипостаси, но большинство обрело самосознание в процессе медленного накопления нелегкого жизненного опыта.

Голые, неприветливые, продуваемые неистовыми ветрами, опаленные светом молодых звезд холмы и равнины вот уже несколько лет как приняли формы рукотворного ландшафта.

Ничто человеческое не было чуждо тем, кто построил небольшие города, проложил дороги, возвел озаряемые светом двух звезд и отраженным сиянием газопылевой туманности произведения искусства в виде исполинских статуй, образующих подобие аллей.

Причудливые формы растительной жизни стелились по земле, им не вредил неистовый свет, напротив, они нежились в потоках изливающихся на поверхность планеты энергий, ртутно поблескивая широкими листьями.

Редкие деревья, похожие на ажурные фермы электропередач, опутанные разноразмерными клубками оголенного провода, роняли искры.

Все только начиналось здесь, в неимоверной дали от человеческой цивилизации.

В утренней тиши открылась дверь одного из домов, в полыхающие краски рассвета, где, казалось, пылал сам воздух, вышли мужчина и женщина.

Между ними, взявшись за руки родителей, неуверенно переставлял ножки ребенок.

Он еще нетвердо стоял на ногах, его глаза изумленно смотрели на окружающее, в них плескалось безмерное удивление, любопытство, детская непосредственность, желание познать и полюбить этот мир.

Мир, где созданные людьми машины нашли в себе силы любить, отыскиали способ продолжить свой род, не прибегая к промышленному производству.

Тело мальчика состояло из наномашин. Словно клетки человеческого организма, они разделялись по специализациям, образовывали сложные структуры, воспроизводились по мере роста малыша.

Искусственные нейросети гарантировали рост и развитие его рассудка, способность к чувственному восприятию мира.

– Ну что, Антон, попробуешь сам? – Гюнтер с суровой лаской

посмотрел на сына.

Мальш кивнул.

Ему так хотелось отпустить руки родителей и побежать навстречу удивительно красивому смещению красок, озаряющих притихшую землю.

В глазах Ольги светилось счастье.

Она и Гюнтер стали первой парой, у которой появился мальш.

Чудо, не противоречащее высочайшим технологиям.

Антон. Их сын. Маленькое, еще беспомощное существо, зародившееся при слиянии двух колоний микромашин, несущих информацию об отце и матери.

В глазах Ольги безбрежное счастье и нежность затуманились наворачнувшимися вдруг слезами, когда Антон, отпустив руки родителей, сделал свой первый самостоятельный шаг.

Шаг навстречу жизни, навстречу собственной судьбе, в которую уже никто и никогда не посмеет вмешаться.

notes

Примечания

1

«*LDL-55*» – десантный бот Флота Свободных Колоний. Представляет собой тяжелый лазер на шагающем либо гусеничном приводе.

2

БПМ – боевая планетарная машина.

3

Масс-детектор – один из немногих приборов, работающих в гиперсфере.

4

Условно – гиперсфера делится на десять энергоуровней.

Пассивный прием – режим работы сканирующего комплекса, когда приборы лишь фиксируют изменения во внешней среде, не производя активного поиска и не выдавая себя направленными излучениями.

6

Файл сканирования – вся собранная системами наблюдения информация, сведенная в единый массив данных.

Сервопривод – в отличие от сервомотора, моделирует усилие, которое будет передано на внутренний двигатель для совершения определенной работы.

Великий Исход – период истории человечества между 2215 и 2265 годами, когда сотни колониальных транспортов покидали Солнечную систему, погружаясь в аномалию космического пространства, названную «гиперсферой», в попытке достичь иных звездных систем.

Лайкорон – искусственный синтетический материал, способный сокращаться или растягиваться под воздействием специального катализатора.

«Хьюго БД12» – машины данной серии проектировались исключительно для использования в колониях. Каждый андроид снабжался пакетом программ, которые позволяли ему действовать на трех разных уровнях свободы.

Первый – являлся стандартной программной оболочкой для бытовой машины. При активации робот годился для выполнения любых хозяйственных работ, с полным запретом самостоятельных действий и жестким регламентированием ситуаций, когда деятельность робота могла стать угрозой для окружающих.

Второй уровень программных оболочек включался автоматически в случае, если от людей не поступало никаких команд на протяжении стандартного земного месяца. Для совершившего посадку колониального транспорта это был критический отрезок времени, в течение которого исчерпывались все бортовые энергоресурсы. Данный уровень программной свободы предполагал, что андроид может совершать определенные шаги, направленные на обеспечение безопасности колонистов и самостоятельной реконструкции зоны посадки.

Третий уровень программной свободы мог быть включен только человеком путем ручного ввода команд со встроенного пульта программатора. Его включение активировало все процессорные и программные возможности андроида, а также жестко привязывало его к определенному человеку или группе людей, которых он был обязан защищать при любых обстоятельствах. Всего блок идентификации дройда серии «Хьюго-БД12» мог хранить от одного до пяти образцов ДНК и связанных с ними образчиков голосового ряда для распознавания речевых команд. Находясь в состоянии третьей степени свободы, андроид мог исполнять любые функции, начиная от посадки цветов, уборки помещений и заканчивая убийством любого существа, включая физическое уничтожение других людей, если они прямо угрожают жизни его хозяина.

Пилоты серв-машин класса «Фалангер» и «Хоплит» управляли многотонными боевыми механизмами посредством прямого нейросенсорного контакта между разумом человека и подсистемами машины. Посредником в данном процессе являлся модуль программ независимого поведения «Одиночка» – кристаллосхема, оснащенная нейрочипами, где по замыслу конструкторов должны были накапливаться боевой опыт, присущая человеку неординарность действий. На самом же деле модуль «Одиночка» не только накапливал боевой опыт, но и постоянно сканировал личность пилота, копируя ее на искусственные носители.

Интеранглийский язык, или интерангл, – употребляется в Обитаемой Галактике как универсальное средство межпланетного общения, в то время как большинство планетных цивилизаций сохранили собственные языки, на которых разговаривали их далекие предки, покидавшие Землю в период Великого Исхода.

Ганиопорт – столица планеты Ганио. Единственный мегаполис планеты.

Колыбель Раздоров – сленговое, просторечное название планеты Ганио.

«Хамелеон» – специальное мимикрирующее покрытие, наносимое на броню из распылителей. Защищает от визуального обнаружения на дистанции до двух-трех метров. Периодически нуждается в обновлении.

Римп – название колониального проекта вооружений, аналогичное названию основной корпорации-производителя.

17

События романа «Сон Разума».

Мимикрия – способность некоторых организмов принимать окраску окружающей поверхности, сливаясь с фоном местности или отдельно взятого предмета.

Логрис – мини-компьютер, изобретенный расой логриан.

Логр-компоненты – несколько (от трех и более) соединенных гранями логров. В зависимости от того, какими гранями они соединены, из нескольких логров можно собрать различные узкоспециализированные устройства, такие, как сканеры или устройства для записи и хранения информации любого типа.

БСК – боевой сканирующий комплекс.

Метаболический имплант – автономное устройство, фильтрующее кровь и анализирующее ее биохимический состав. Обладает ограниченным ресурсом метаболических реагентов для борьбы с обнаруженными в крови вредными веществами и экзобиологическими микроорганизмами.

Терраформер – общее название машин, предназначенных для преобразования колонизируемых планет.

Стандартный имплант – позволяет человеку отдавать мысленные дистанционные приказы различным кибернетическим системам (в основном, бытовым), соединяться с сетью Интерстар, принимать информацию по коммуникационным каналам. При этом имплант сконструирован таким образом, что любая попытка внешнего воздействия на мозг человека тут же блокируется.

Подробнее о цивилизации машин на планете Юнона в романе «Душа Одиночки».

Биокибертроника – отрасль науки, занимающаяся теоретическим обоснованием и разработкой биоматериалов, из которых изготавливают различные комплектующие для кибернетических механизмов. Вследствие явных успехов биокибертроники и поразительной схожести (но не идентичности) искусственной органики с ее визуальными (знакомыми людям) аналогами, такими, например, как пеноплоть, часто принимаемая за настоящий кожный покров, в разговорной речи на большинстве миров в отношении последних моделей человекоподобных машин стал общеупотребим термин «киборг» – кибернетический организм.

Как правило, большинство колоний пограничного космоса в период второй и третьей волны Экспансии не возникали в силу случайных обстоятельств. Теперь уже колонии «Первого Рывка», победившие в Галактической войне, окрепшие экономически, производили разведку дальнего космоса, создавая и финансируя первичные поселения на диких мирах, куда эмигрировала часть населения планеты-метрополии.

Современная история зачастую умалчивает, что именно с Грюнверка была заселена планета Зороастра, где генные инженеры, не признавшие официальных догм, продемонстрировали альтернативный подход к исконным формам жизни планеты, видоизменяя их в соответствии со своими потребностями. Подробнее события, касающиеся планеты Зороастра, изложены во второй части романа «Роза для Киборга».

Центральные Миры – устаревшее название колоний первой волны Экспансии.

30

Планета Элио – столица Конфедерации Солнц.

Суспензорное поле – в отличие от иных видов энергетической защиты, электромагнитная суспензия активно взаимодействует с окружающим веществом. В идеале для ее работы подходит любая газообразная среда. Прототипом для создания суспензорного поля стали древние разработки, предполагавшие установку на космических кораблях специальных электромагнитных улавливателей, предназначенных для сбора разреженного межзвездного газа, который в дальнейшем использовался бы в качестве активного вещества для термоядерных реакторов. После открытия феномена гиперсферы данная технология утратила свою актуальность – изменился сам принцип перемещения космических кораблей. Однако спустя века о ней вспомнили в связи с разработкой аварийных защитных систем, в частности, речь шла о средствах борьбы с декомпрессией отсеков. В итоге было запатентовано и воплощено на практике несколько систем, использующих один и тот же принцип: газ или иная взвесь вещества (широко известна практика использования пыли на безвоздушных мирах), попадая в зону действия магнитного поля, излучаемого эмиттером, уплотняется до такой степени, что между отдельными молекулами (либо частицами вещества) возникают насильственные взаимосвязи. В результате получается пленка, способная выдержать давление в несколько атмосфер. Первые устройства суспензорной защиты появились на космических кораблях к финалу Галактической войны.

Раворград – столица планеты Элио. Мегаполис имеет подковообразную форму, он протянулся по побережью залива Эйкон в том месте, где совершил историческую посадку колониальный транспорт «Кривич».

Эригон – одна из колоний «Первого Рывка». Планета скована многокилометровым панцирем льда, в толще которого колонистам, не имевшим в эпоху Великого Исхода возможности поиска альтернативной звездной системы, пришлось строить города-убежища.

Флиред – название планеты. Произошло от слияния и сокращения двух слов одного из древних языков Земли, в переводе образующих словосочетание «резкий контраст».

Киборг – кибернетический организм. Основное отличие киборгов от «чистых» механизмов состоит в способности чувствовать, в наличии двадцати и более процентов биологических тканей и, как следствие, минимальной необходимости в питании, дыхании и утилизации продуктов жизнедеятельности.

Кибстек – наручный персональный компьютер, обычно носится на руке в виде браслета. Помимо встроенного экрана оснащен системой голографического проецирования.

Кибрайкеры – первые «избыточно имплантированные» люди, в основном, выходцы из низших слоев общества. Путем предельно рискованных и жестоких экспериментов им – хакерам новой эпохи – вживляли в черепную кость от пяти до семи дополнительных гнезд, куда устанавливались сменные кибернетические модули, оснащенные уникальными программами взлома. Кибернетические модули, благодаря широкому применению нанотехнологий, являлись мощными специализированными устройствами, работали под управлением человеческого мозга, имели малые размеры (не более пяти миллиметров). Однако истинная «сила» кибрайкера лишь частично отражалась количеством и специализацией имплантированных расширителей сознания. По сути, кибермодули – лишь инструмент воздействия и связи. Благодаря дополнительным имплантам кибрайкер (выживший после хирургического вмешательства и психологической адаптации) получал иное мироощущение, новые сенсорные возможности восприятия окружающего, в том числе и информационных сетей, что позволяло полностью интегрировать собственное сознание в киберпространство.

Мнемоники – в данном случае речь идет о людях, фактически идентичных кибрайкерам по техническим возможностям своих имплантов. Различие между ними первоначально состояло в искусственно моделированном антагонизме: кибрайкеры (устаревшее – хакеры), как правило, осуществляли взлом сетей, несанкционированный доступ к информации или ее подмену (порчу). Мнемоники изначально состояли на службе крупных финансовых или промышленных учреждений, противодействуя виртуальным атакам.

Автоматический пистолет системы Ганса Гервета разработан под химический патрон. Безотказно работает в изменчивых условиях Первого Мира.

Внешнее Кольцо – сеть планетарных баз, аналогичная Линии Хаммера, но расположенная в зоне не исследованного к началу войны космоса. Внешнее Кольцо, по замыслу командования Альянса, должно было замкнуть Колонии в пространственную сферу блокады, но этот план не был доведен до завершения.

Технические носители – специализированные корабли, предназначенные для проводки через атмосферы планет кораблей крупного и среднего тоннажа. Бронирование и вооружение отсутствует. Экипаж – два человека. Оснащены системой насильственной стыковки, силовыми захватами, мощными планетарными двигателями. Могут использоваться для доставки на планеты крупногабаритных контейнеров с грузом.

Профессор Кречетов открыл свойства Вертикалей, но не успел осуществить решающего эксперимента. Это сделал его племянник – Андрей Кречетов, позже возглавивший гарнизон Конфедерации на Арасте. Подробнее о тех событиях в романе «Сон Разума».

Здесь Кречетов подразумевает поселения людей, возникшие на поверхности Первого Мира задолго до открытия свойств Вертикалей. Под коренным населением он понимает потомков тех, кому удалось спастись при крушении колониальных транспортов эпохи Великого Исхода.

Персональный кодон – микрочип, содержащий биометрические данные пилота, дающий право доступа в рубку серв-машины, служит не только для идентификации человека, но и является ключом активации кристалло модуля «Одиночка».

45

РТВ – робототехнические вооружения.

Корпы – сленговое название сотрудников крупных корпораций.

СНП – система неявного прицеливания. Предназначена для точного расчета траектории рикошета пули при заранее известных характеристиках используемого боеприпаса.

Логр – небольшой серовато-черный кристалл, не имеющий привычных для нас атрибутов машины, но, тем не менее, являющийся наиболее мощным и компактным автономным кибернетическим устройством среди известных людям технологий. На базе логра сознание любого мыслящего существа способно получить вечную виртуальную жизнь, ограниченную рамками личного киберпространства. Система логра универсальна по параметру адаптивности, то есть кристалл считывает и воспроизводит в цифровом пространстве структуру биологических нейросетей, какому бы существу они ни принадлежали. Логрис – древняя машина расы логриан. Состоит из миллиардов мини-компьютеров, соединенных не только информационно, но и физически. На базе логриса в современности функционирует основной информационный узел человеческой сети Интерстар, кроме того, логрис – это миллионы фантомных вселенных, где обитают разумы различных мыслящих существ, в том числе и людей.

Подобный эффект работает лишь в виртуальном пространстве, сформированном древним логрианским устройством, исключительно при условии перемещения матрицы одного из сознаний в систему логра. В данном случае норл является «хозяином» виртуальной вселенной и способен влиять на ее структуру, Столетов же «гость» – ему логр выделяет лишь минимум ресурсов. Способность понимать чужой язык достигается путем чтения, анализа и логического сопоставления *всего объема* хранящихся в памяти двух существ зрительных образов с последующим присвоением им неких универсальных значений, которыми оперирует система логра.